

Юрий ШАФРАНИК

НЕФТЕГАЗОВЫЙ
ФАКТОР
РОССИИ

Москва 2005

Юрий ШАФРАНИК

НЕФТЕГАЗОВЫЙ
ФАКТОР
РОССИИ

Москва 2005

О национальном достоянии – нефти и газе, о вызовах времени, о взаимоотношениях бизнеса и власти, о государственном регулировании, о том, какая собственность нам нужна, о налогообложении, о том, как обеспечить общественно приемлемую разработку ресурсов, об участии государства в инфраструктурных проектах, о проблемах глобализации и что ждать от нее России и о многом другом идет речь в данной книге.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: нефтяников и экономистов, политиков и бизнесменов, которые найдут в ней если не ответы, то грамотно и честно поставленные вопросы о роли и месте нефтегазового комплекса в сегодняшней и будущей России.

Изготовлено: ООО «Второй Вариант»

г. Москва

Тел./факс: 103-52-59

Дизайн: Д. Мягков

Верстка: В. Курский

Формат: 60x90/16

Использована гарнитура «GaramondC»

Об авторе

Юрий Константинович ШАФРАНИК родился в 1952 году в с. Карасуль, Ишимского района, Тюменской области. Окончил два факультета Тюменского индустриального института, получив специальность инженера-электрика по автоматике и телемеханике, а также горного инженера по технологии и комплексной механизации разработки нефтяных и газовых месторождений. Кандидат экономических наук.

Профессиональный путь – от слесаря на Самотлорском нефтяном месторождении до министра топлива и энергетики России.

С 1974 по 1980 год работал на разных инженерных должностях в крупнейшем в Советском Союзе производственном объединении «Нижневартовскнефтегаз».

В 1980 году назначен в только что созданное предприятие «Урьвнефть», которому было поручено освоение месторождений нового – Лангепасского – нефтегазового района в Ханты-Мансийском автономном округе. Шафраник – организатор и создатель производственного объединения «Лангепаснефтегаз». В 1987 году стал его генеральным директором. Объединение послужило основой для создания «Лукойла» – одной из первых вертикально интегрированных нефтяных компаний страны. К 1990 году (за 10 лет эксплуатации нефтяных месторождений Лангепасского района) добыча нефти здесь выросла до 30 млн. тонн в год.

Юрий Константинович прошел хорошую школу политической деятельности.

В 1990 году на альтернативной основе был избран председателем Тюменского областного Совета народных депутатов. В сентябре 1991 года Указом Президента Российской Федерации назначен

главой администрации Тюменской области. Он один из зачинателей формирования и развития рыночных отношений в недропользовании, инициатор и активный разработчик Закона РФ «О недрах».

С 1993 года – министр топлива и энергетики Российской Федерации. Принимал непосредственное участие в формировании абсолютно новых для России структур – вертикально интегрированных компаний в нефтяной промышленности.

В результате прямых альтернативных выборов Юрий Константинович в 1993–1995 гг. избирался в Совет Федерации Российской Федерации от Ханты-Мансийского автономного округа.

С 1997 года занимается бизнесом. Из нескольких разрозненных структур ему удалось сформировать эффективно работающую «Центральную топливную компанию» – крупнейшего оператора по производству и реализации нефтепродуктов на рынке Московского региона.

С 2001 года Шафраник работает в межгосударственной нефтяной компании «СоюзНефтеГаз», которая является ядром инвестиционно-финансовой группы. За прошедший период группе «СоюзНефтеГаз» удалось подготовить и реализовать ряд проектов в Восточной Сибири, Колумбии, Алжире, Узбекистане, Сирии.

Ю.К. Шафраник является председателем Высшего горного совета России, председателем Совета Союза нефтегазопромышленников России, председателем Комитета Торгово-промышленной палаты России по энергетической стратегии и развитию топливно-энергетического комплекса.

Награжден орденами Дружбы народов (1988 г.), Почета (2000 г.), медалями. Лауреат премии правительства Российской Федерации (1999 г.)

Предисловие

Мы привыкли к тому, что Российский нефтегазовый комплекс (НГК) со своим громадным ресурсным потенциалом, накопленным капиталом и геостратегическим значением играет особую роль в экономике и политике нашей страны. Конечно, можно и нужно считать, что необходима реструктуризация экономики для того чтобы она стала устойчивой, а Россия - не превращалась в сырьевой придаток постиндустриальных государств. Но правда жизни в том, что в нынешних условиях нефтегазовый комплекс пока является основным источником роста российского ВВП. Именно этот комплекс способствует сохранению и укреплению экономических и политических связей России со странами СНГ, Восточной и Западной Европы, США, Японией, развитию отношений с Китаем, Индией и другими странами.

Все это так, но одновременно следует констатировать, что нефтегазовый комплекс России, ставший "донором" для российской экономики, сам слабеет в результате накапливаемых трудностей и нерешенных задач. Многие из них остались незамеченными или не привлекали к себе должного внимания на фоне благоприятной конъюнктуры на мировых нефтяных рынках. Но можно ли уповать только на рост и сегодня непомерно высоких цен на нефть и газ? И не менее важный вопрос: хватит ли нефтяного и газового потенциала России на долгие годы в условиях, когда недостаточное внимание уделяется его увеличению?

Ответ на вопрос, какими должны быть те серьезные меры по управлению институциональными, экономическими, технологическими и социальными процессами в нефтегазовом секторе, содержится в книге Юрия Константиновича Шафраника. Он проработал в "нефтянке" от слесаря до начальника крупнейшего нефтегазового управления Западной Сибири, а затем на посту губернатора Тюменской области и министра топлива и энергетики России. Сегодня же, будучи непосредственно причастным к нефтегазовому бизнесу и в

то же время возглавляя Союз нефтегазопромышленников, Ю.К. Шафраник остался прежде всего человеком, не только обостренно чувствующим ответственность за свою страну, но и знающим, чем ей помочь.

Взгляд Юрия Константиновича на недавнее прошлое и будущее российского НГК многосторонен и объективен. Мне доставляет особое удовольствие представить книгу Ю.К. Шафраника читателям, особенно нефтяникам и экономистам, политикам и бизнесменам, которые найдут в ней если не ответы, то грамотно и честно поставленные вопросы о роли и месте НГК в сегодняшней и будущей России.

Академик Е.М. Примаков
Президент ТПП РФ

Введение

Нефтегазовый комплекс (НГК) является важнейшей составной частью национальной экономики. Он обеспечивает функционирование всех отраслей национального хозяйства, консолидацию субъектов Российской Федерации, вносит решающий вклад в формирование основных финансово-экономических показателей страны и обеспечивает энергетическую безопасность России. Подобная роль комплекса сохранится в экономике России и на обозримую перспективу.

Однако его развитие, особенно нефтяной отрасли, сдерживается нерешённостью целого ряда проблем, которые уже в ближайшие годы могут стать серьезной угрозой энергетической безопасности страны. Это и дефицит инвестиционных ресурсов, и угроза снижения инвестиционной привлекательности, и ухудшение состояния минерально-сырьевой базы (в результате действия как объективных факторов, так и несовершенства системы государственного регулирования и управления деятельностью предприятий НГК), и старение основных производственных фондов, и ненадежность безопасности производственных процессов и транспортной системы. Не менее значимы и такие проблемы, как рациональная разработка углеводородных ресурсов (эффективное использование нефтегазовых залежей, повышение извлечения углеводородов из недр, совершенствование правил недропользования), структура комплекса и монополизация, инвестиции и новые проекты.

Необходимость обеспечения роста экономики России энергетическими и финансовыми ресурсами предъявляет дополнительные требования к перспективному развитию НГК как для выявления и обоснования основных факторов, определяющих это развитие, так и для выхода на новые нефтегазодобывающие районы. Одновременно встаёт задача определения разумных пределов наращивания добычи углеводородов, особенно в экспортных целях, выявления возможностей НГК обеспечить долговременный и

устойчивый экономический рост.

В стране идет мучительный поиск контуров экономической политики, обеспечивающей достижение таких темпов и пропорций экономического роста, которые позволяли бы успешно решать насущные социально-экономические задачи на уровне современных требований. Рассмотрение данных проблем немыслимо без анализа и оценки ситуации в таком важнейшем комплексе экономики, как нефтегазовый.

Выработка подходов к решению проблем НГК невозможна без конструктивного и заинтересованного диалога представителей органов власти, бизнеса и политики. Обо всем этом – о нефти и газе, о вызовах времени, о государственном регулировании НГК, о роли глобализации, о новой парадигме развития, о проблемах устойчивого развития России и пойдет речь в данной книге.

Глава 1.

Нефть и газ как национальное достояние и бизнес-капитал

1.1. Немного истории

Трудно переоценить значение нефти и газа в развитии цивилизации. В далеком прошлом (начиная с 6-го тысячелетия до н.э.) шумеры стали применять «горную смолу» (природный битум) для увеличения водонепроницаемости судов и бассейнов и как связующий материал для постройки каменных домов.

В давние времена египтяне и индейцы из «горного масла» (по-персидски «напта-нафта») готовили различные лекарственные и косметические мази. Горючая маслянистая жидкость (по латыни «петролеум») и горящие газовые фонтаны издавна использовались иранцами и китайцами вместо растительного масла для освещения и отопления помещений, а знаменитый «греческий огонь» (горючая смесь из нефти, серы, битума и др. веществ) – в военном деле.

Но лишь в XVIII–XIX веках, с началом индустриальной эры, возник огромный спрос на энергию, и стала широко использоваться природная нефть после ее перегонки: керосин – для освещения, а более тяжелые фракции – в котельных и дизельных установках.

Помимо керосина для освещения домов и целых улиц использовали светильный газ, который получался при сухой перегонке каменного угля, а затем и подземный природный газ, доставлявшийся к потребителю либо по трубам, либо в кожаных мешках и баллонах.

В эпоху машинного производства горючие материалы превращаются в бытовую и промышленный источник механической энергии на основе водяного пара, тепла и света, а затем – электроэнергии и моторного топлива.

Спрос рождает предложение. Начинается уже не кустарная, а промышленная добыча нефти и газа на Апшеронском п-ве и в Техасе, в Индонезии и Иране. Нефть и газ становятся не только международным товаром, но и предметом военно-политического соперничества различных стран. Понимая стратегическую роль этого ресурса, еще в начале 1870-х по предложению Д.И. Менделеева российское правительство отменило откупную систему в нефтедобыче

(откуп стимулировал лишь сиюминутные интересы добытчиков) и установило свои «правила игры», которые устраивали и государство, заботившееся об эффективном недропользовании, и, как мы сказали бы сегодня, стратегических инвесторов в лице Нобелей и Ротшильдов. И уже к 1900 г. Россия обогнала США и вышла в лидеры мировой нефтедобычи, укрепив свои позиции и на рынках Западной Европы, куда поставляла не только нефть, но и керосин.

Несомненны заслуги семьи Нобелей в развитии отечественной нефтяной промышленности, однако отсутствие социального партнерства бизнеса и власти привело к тому, что именно на Апшеронских нефтеприисках уже в 1903 г. прошли массовые забастовки, положившие начало революции 1905 года.

В результате социально-политических потрясений империи Нобелей в Баку был нанесен сокрушительный удар: за 2 года добыча и экспорт нефти упали вдвое. Царское правительство пыталось компенсировать нефтепромышленникам понесенные убытки, выделив на эти цели ссуду в 20 млн. рублей. Однако оно же и не пошло на расширенное привлечение новых инвесторов для освоения других нефтеносных районов Апшерона.

Совершенно не уделялось внимания в то время и другим нефтяным районам России – в Ухте и на Эмбе, в Поволжье и Фергане, где добыча нефти также падала из-за отсутствия инвесторов и поддержки правительства.

Как все это перекликается с сегодняшним днем, когда правительство России поддерживает монополизм нефтяных олигархов вместо того, чтобы стимулировать развитие нефтяного бизнеса вширь и вглубь!

Небезынтересно вспомнить, что США в то же 1-е десятилетие XX века применили антитрестовский закон, и в результате вместо монополиста Standart Oil появились 34 компании, в том числе Exxon, Mobil, Chevron, Amoco и др. Важным последствием такой реструктуризации стало множество изобретений и новых технологий в добыче и переработке нефти, внедрение которых ранее тор-

мозилось. Началась «нефтяная лихорадка» в Техасе. В результате к 1914 г. добыча нефти в США достигла 65% от мировой, тогда как доля России упала до 19%.

Обеспокоенное слишком бурным освоением собственных месторождений, правительство США в 1910 г. создает в составе Министерства внутренних дел Горное бюро по контролю над рациональным использованием недр. Ни в СССР, ни в России такого органа так и не появилось, ибо наше правительство всегда, похоже, озабочено лишь наращиванием добычи нефти и взиманием налогов, а не долгосрочным эффективным природопользованием. В те же годы правительство США стимулировало нефтяные компании осваивать не собственные ресурсы, а запасы стран «третьего мира», где себестоимость добычи была существенно ниже. У нас же такая деятельность никогда не поощрялась.

Агрессивно (экономическими и силовыми методами) в XX веке захватывали чужие энергоресурсы власти Англии и Германии, сознавая особую роль нефти и газа в промышленном развитии своих стран. И Первая, и Вторая мировые войны XX столетия по праву могут быть названы «нефтяными». Победа в Первой мировой войне досталась странам Антанты благодаря использованию новейшей боевой техники – танков и самолетов, работавших на нефтяном горючем. По окончании войны британское и французское правительства заявили: «Нефть была кровью войны, теперь ей предстоит стать кровью мира. Сейчас наше население, промышленность и торговля просят об одном: больше нефти, больше бензина. Их никогда не бывает слишком много»¹.

После войны и последовавшего за ней экономического кризиса все страны мира стали укреплять государственное управление экономикой, в том числе и в нефтяном бизнесе. Топливо из нефти все больше становилось стратегическим ресурсом, основой моторизации, равно важной и для бурного развития автомобильного

¹ Цит. по кн. "Нефть и газ. Мировая история" - М.: Изд. дом "Земля и человек", 2004, с. 236.

транспорта, и для военной техники, а затем и для становления реактивной авиации. Важна ведь не сама по себе нефть, а разнообразные и качественные продукты ее переработки.

Д.И. Менделеев предлагал запретить сжигание нефтяного топлива и мазута, чтобы стимулировать производство бензина и различных смазочных масел и нефтехимических продуктов. И основные доходы нефтяного бизнеса в первой четверти XX века были получены за счет нефтепереработки, продукция которой стоила в десятки раз дороже сырья. Правда, газолин (качественное моторное топливо и растворитель жиров и смол) либо вообще не использовали, либо сжигали как топливо. Бизнес все еще не понимал прибыльности нефтегазохимии, а государство отнюдь не было обеспокоено технологическим прогрессом в интересах будущего индустриального развития.

На первом месте, как уже было сказано, стояли военно-промышленные интересы государства, стимулирующего нефтяной бизнес своими заказами и своей поддержкой.

Вся середина XX века была отмечена массовым появлением танковых армий, морского флота, наземных транспортных средств, а впоследствии и реактивной авиации, а также заменой в энергетике угля на природный газ, мазут и дизельное топливо. Интересы государства и нефтяного бизнеса тесно переплелись. Вторая мировая война и последующая гонка в космосе требовали все больше и больше нефти. И сферой жизненно важных интересов и точкой приложения военных усилий Германии, Англии, Японии и США стали Ближний Восток, Латинская Америка, Азия и Африка – регионы с наиболее богатыми ресурсами нефти и газа.

Благодаря военно-политическому давлению к 1950 г. нефтяные компании США контролировали половину всех разведанных запасов нефти Ближнего и Среднего Востока. Советский Союз в достаточной степени был обеспечен собственными топливно-энергетическими ресурсами (ТЭР), но они, направленные в угоду военно-стратегическим и политическим интересам, использовались,

мягко говоря, неэффективно.

Государство, национализировав в 1918 г. все нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия, к 1930 г. перекрыло прежние объемы добычи и бурения в своей основной базе – Баку. Надо отдать должное советскому правительству, которое понимало уязвимость добычи нефти лишь на Кавказе, ставшем впоследствии одной из захватнических целей гитлеровской Германии, и в 1939 г. решило создать новую нефтяную базу – «Второе Баку» – между Волгой и Уралом.

Одновременно началось, хотя и в меньших масштабах, освоение нефтяных и газовых промыслов на Сахалине и в Средней Азии. Важнейшим этапом стало освоение Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (НГК). Нам представляется, что этот опыт до конца еще не осознан. С одной стороны, несомненно, поражают воображение темпы освоения Западной Сибири. Если в 1970 г. здесь было добыто 31,4 млн. т. нефти (почти 9% от общесоюзной добычи), то уже к 1980 г. добыча увеличилась более чем в 10 раз и составила 57% от общесоюзной. Таких темпов мировая история не знала и вряд ли узнает в будущем.

Но нефтяная промышленность оказалась заложницей политических решений. Мировой энергетический кризис в середине 1970-х резко взвинтил цены на нефть, что подвигло советское правительство на сомнительное решение о дополнительном увеличении добычи сверх утвержденных ранее государственных планов и наращивании экспорта. Нужны были деньги, чтобы заткнуть брешь в непомерно разросшемся военно-промышленном бюджете и импортировать зерно из-за неэффективного сельхозпроизводства в стране.

Как мы отмечали ранее², со ссылкой на мнение ведущих специалистов-нефтяников, именно это политическое решение стало началом конца устойчивого развития добычи в Западносибирском регионе.

² Шафраник Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики. - М., 2001.

Особенно показателен пример Самотлора. Его разработка началась в 1969 г., а уже к 1980 г. пик добычи превысил 150 млн. т. (более 1/3 всей добычи в Западной Сибири) – в 1,5 раза выше обоснованного проектного уровня. При этом максимум добычи продержался всего один год вместо запроектированных десяти лет. И уже спустя десять лет добыча на Самотлорском месторождении упала в 3 раза, а к 1998 г. – до 18 млн. т.

Это – ярчайший пример того, как долгосрочные интересы производства принесли в жертву сиюминутным решениям внутренних и внешних политических задач. Власть оказалась гораздо более подвержена текущей конъюнктуре, чем бизнес. И в целом плано-централизованное управление в СССР вело к тому, что воспроизводство энергетического потенциала страны достигалось не повышением качества и ценности получаемых продуктов, не увеличением степени извлечения ресурсов из недр за счет новых технологий нефтедобычи, комплексного использования сырья и глубины его переработки, а наращиванием добычи – в ущерб нормативам разработки месторождений – и поиском новых запасов со снятием сливок с высокодебитных скважин.

1.2. Донор российской экономики

1991–2005 гг. стали периодом шараханий из одной крайности в другую. От 100-процентной централизации и планового управления не только экономической, но и всей общественной жизнью – до полного «рыночного фундаментализма» и нынешнего постепенного отката на неопределенные пока позиции так называемого «государственного капитализма».

Этот период еще должен стать предметом исторического анализа и политологов, и экономистов, особенно с точки зрения оценки объективных и субъективных намерений и действий реформаторов. «Хотели – как лучше, а получилось ...».

Не скрою, что я, как и многие мои коллеги и единомышленники, действительно ощущал необходимость перемен и кое-что делал для этого. Но эта работа – не мемуары, и я не хотел бы высказывать здесь субъективные оценки, в том числе и о своей роли в проведении реформ на посту руководителя Тюменской области и Министерства топлива и энергетики России.

Моя задача – по горячим следам хотя бы схематично отметить плюсы и минусы реформирования нефтегазового сектора страны, к которому был причастен всю свою сознательную жизнь, как с позиции профессионала-производственника, государственного деятеля и бизнесмена, так и с позиции гражданина и патриота России и своего Тюменского края.

Отметить и задуматься ... А как действовать дальше? Количественно ситуация представлена на рис. 1³.

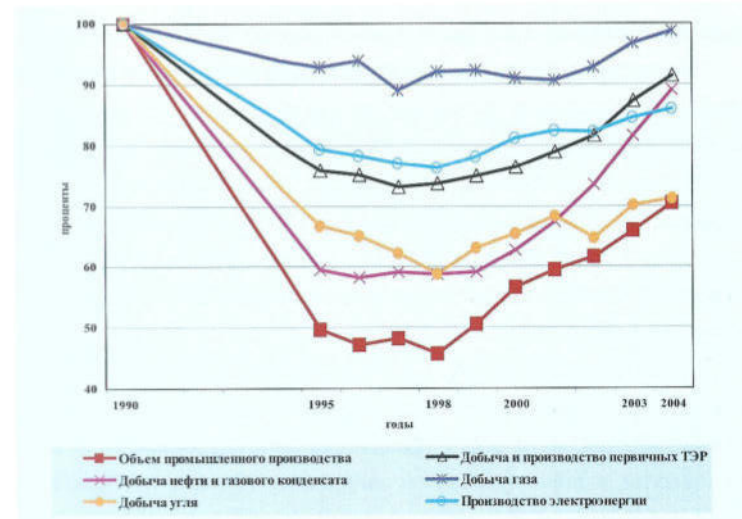

Рис. 1. Сопоставление динамики функционирования промышленности и ТЭК России в 1990–2004 гг.

³ Ильян, «ТЭК и экономика России: вчера – сегодня – завтра. Взгляд из 2005 года» - М.: ГУ ИЭС, 2005, с. 36.

Необходимо отметить ради объективности, что с 1988 по 1991 г. все ведущие страны мира, в том числе США и государства Западной Европы (за исключением воссоединенной Германии), испытывали экономический спад – вплоть до отрицательных значений ежегодного изменения ВВП. Россия (в составе СССР) не была исключением, отличаясь, правда, более глубоким падением экономики (до –5% изменения ВВП в 1991 г.).

После этого спада с 1991 г. большинство стран вернулось на свои прежние позиции, обеспечивая все последующие годы 3–4% роста ВВП⁴. В то же время «шоковая терапия» в России, а, скорее, «хирургическое» вмешательство в экономику усугубило ее спад до 10–15% в год вплоть до 1996–1998 гг. При этом особенно пострадала промышленность, упавшая более чем вдвое по сравнению с 1990 годом. Существенно сократилась и добыча нефти и угля (до 59%). Только электроэнергетика, и особенно газовая отрасль, подверглись меньшему падению (до 76% и 90% соответственно).

В результате топливно-энергетический комплекс не позволил упасть промышленности еще глубже. По сути дела, ТЭК стал донором российской экономики, поддерживая ее на плаву.

Как ни странно, но именно дефолт 1998-го позволил переломить негативную тенденцию. И уже в 2004 г. и ТЭК, и экономика в целом значительно приблизились к прежним объемам производства: по ВВП – до 85%, а по добыче и производству ТЭР – до 91,5% от соответствующих показателей 1990 г.

Означает ли это, что все проблемы остались позади? К сожалению, нет. Более того – [основным движущим фактором российской экономики стала не ее структурная перестройка, а динамичное восстановление в ТЭК показателей советского периода, которое связано напрямую с конъюнктурой мирового нефтегазового рынка.]

Если в СССР (в 1980 г.) доля ТЭК в промышленном производстве составляла всего 12,1%, то сегодня в России – около 30%. Смею

⁴ Там же, с. 13.

утверждать, что падение нефтедобычи в России с 1988 по 1996 г. было в значительной степени обусловлено снижением мировых цен на нефть и, в свою очередь, способствовало спаду в российской экономике. Очень уж явно просматривается корреляция между мировыми ценами на нефть и темпами изменения ВВП в России (Рис. 2). Причем эта же корреляция заметна и в 1997–2004 гг., а вот в плановой системе (1985–1990 гг.) такой зависимости не было. Даже при падении мировых цен на нефть в этот период ВВП не только не падал, но и несколько подрастал.

Поэтому очевидно, что наше **нынешнее так называемое экономическое благополучие – не итог проводимых реформ, а следствие благоприятной конъюнктуры на мировом нефтегазовом рынке.** А конъюнктура эта, как показано в той же работе «ТЭК и экономика России», подвержена циклическим изменениям с периодом 10–12 лет. Сегодня мы находимся на пике этого периода, а что будет в последующие годы, когда нефтяная фортуна окажется не столь благосклонной ...

Рис. 2. Динамика мировых цен на нефть и ВВП России

Возникает вопрос – если темпы роста ВВП и промышленности, достигнутые в последние годы (7% и более в 2004 г.), сохранятся и в будущем (а поставленная президентом России В.В. Путиным задача удвоения ВВП за десять лет может быть решена только за счет ежегодного прироста в 7–7,5%), то как это скажется на ТЭК?

Энергетическая стратегия России на период до 2020 г., утвержденная правительством РФ в 2003-м, исходит из того, что рост ВВП будет обеспечиваться в основном за счет структурных изменений экономики – увеличения доли сферы услуг и менее энергоемких отраслей машиностроения, легкой и пищевой промышленности. И действительно, сегодня вклад этих отраслей в прирост промышленной продукции составляет более 50%, тогда как доля топливной промышленности в целом – 21,5%. В то же время сверхблагоприятная конъюнктура цен на мировом рынке стимулирует нефтяные компании России существенно наращивать добычу и экспорт нефти и газа. Так, в товарной структуре российского экспорта в страны дальнего зарубежья доля топливно-энергетических товаров в январе-мае 2005 года составила 63,8% (в январе-мае 2004 года – 59,7%).

Рост нефтедобычи после «ямы» (1995–1998 гг.) более чем в 1,5 раза (к 2004 г.) хотя и впечатляет своими темпами, но означает лишь приближение к позициям, завоеванным нефтяниками России еще в советские времена (1990 г.).

К тому же мы не просто повторяем ошибку 1980-х, когда директивно необоснованно (с точки зрения рациональных темпов освоения месторождений) интенсифицировали рост добычи нефти, что привело, как отмечалось выше, к досрочной гибели Самотлора – жемчужины Западно-Сибирского НК. Сегодня эксплуатация нефтегазовых месторождений стала еще более хищнической, а поддержка экономики за счет выкачивания природных ресурсов превратилась в наркоманию. Сев на «нефтяную иглу», мы губим и сам ТЭК, и свое будущее.

За пятилетие (1979–1983 гг.) нефтяного бума на мировом рынке, когда стоимость одного барреля достигала 35 долл. (а в сопоста-

вимых ценах 2000 г. – 65 долл.), из страны было вывезено 835 млн. т. нефти, или 28,2% от ее добычи за указанный период. За это мы получили 92 млрд. долл. (а в сопоставимых ценах 2000 г. – 162 млрд. долл.).

Экспорт газа в тот же период составил всего 12,4% от его добычи с общей выручкой 15 млрд. долл. (26 млрд. долл. – в ценах 2000 г.). Всего же от экспорта нефти и газа страна получила 107 млрд. долл. (188 млрд. долл. – в ценах 2000 г.). Из этой суммы 40 млрд. долл. было потрачено на закупку продовольствия за рубежом, примерно столько же – на нужды ВПК, и менее 30 млрд. – на нужды самого НК. Но даже при этом воспроизводство минерально-сырьевой базы шло опережающими темпами по сравнению с ростом нефтегазодобычи.

Анализируя подъем и упадок советской системы, известный финансист Дж. Сорос⁵ вполне обоснованно писал: «В Советском Союзе ... партия решала вопросы распределения капитала... не так, как требовали экономические соображения, а в соответствии с политической догмой квазирелигиозного характера. Лучшее сравнение, которое приходит в голову, – это строительство египетских пирамид: инвестиции растут, а экономический эффект от них остается минимальным. Да и по части монументальности проектов сходство очевидное... Гидростанции действительно производят электроэнергию, металлургические заводы дают сталь, но если эта сталь и эта электроэнергия идут на строительство новых плотин и новых металлургических заводов, экономический эффект они дают немногим больший, чем пирамиды».

То же самое относится и ко всему ТЭК, в том числе и к нефтегазовому комплексу. Ибо несмотря на большие деньги, которые в нем крутятся, конечный эффект для общества в целом невысок из-за того, что оборачиваемые средства «заперты» внутри самого комплек-

⁵ Дж. Сорос. «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм». - Пер. с англ. - М.: Независимый фонд поддержки культуры, образования и новых технологий, 2001, с. 149.

са, а доходы присваиваются узкой группой собственников и лиц, причастных к его деятельности.]

И эта ситуация стала еще более острой при переходе к рынку. В постреформенной России, когда олигархический капитализм сросся с коррумпированным чиновничеством, нефтегазовый сектор стал не просто донором российской экономики, а дойной коровой для власти и бизнеса.]

Это следует и из анализа деятельности НГК России за последние пять лет при нынешнем буме на мировых рынках нефти и газа. С 2000 по 2004 г. в стране было добыто 1931 млн. т. нефти (за 1979–1983 гг. – 2953 млн. т.), а экспорт увеличился в 1,6 раза, и его доля возросла с 28% до почти 70% добычи. Хотя добыча газа и увеличилась за последние пять лет до 3 трлн. м³ (за 1979–1983 гг. – 2,26 трлн.), однако доля экспорта выросла намного больше – с 12,4% до 31,6% от добычи.

Необходимо отметить, что стоимость нефти, и газа сегодня все же снизилась, причем вдвое по сравнению с началом 1980-х, если сравнивать в сопоставимых ценах (с 56 до 28 долл. за баррель нефти и со 180 до 98 долл. за тыс. м³ газа).

Но за счет массы экспортных ресурсов выручка от продажи нефти и газа выросла со 188 млрд. долл. почти до 300 (суммарно за пять лет). Из них 230 млрд. долл. было получено от экспорта нефти и почти 70 млрд. долл. – газа. А куда ушла эта выручка?

Военно-промышленный комплекс в России влечит жалкое существование, зерно за рубежом в прежних масштабах, слава богу, не покупаем, наука и социальная сфера в стране в роскоши явно не купаются, а суммарные инвестиции в ТЭК тоже не превышают прежних масштабов. **Износ основных фондов в топливной промышленности России составляет более 50%, чего никогда не было ранее. И за последние пять лет он даже несколько вырос.** Прирост же разведанных запасов нефти составил за пять лет всего 82,2%, а газа – 80,9% от добычи. В 2004 г. этот прирост снизился до 61% и чуть более 50% по нефти и газу соот-

ветственно, в результате чего выработанность запасов достигла 47,3%. И это при масштабных денежных средствах, получаемых от экспорта нефти и газа.

Сверхдоходы нефтяных компаний, созданный в стране стабилизационный и другие фонды, профицит бюджета, возникший благодаря высоким мировым ценам на нефть, позволили в 2002–2005 гг. сформировать в России свободные инвестиционные средства на десятки миллиардов долларов. Однако ни сами компании, ни государство так и не сумели должным образом распорядиться ими. Неоправданно быстрое наращивание добычи нефти за эти годы (с 324 млн. т в 2000 г. до 445 млн. в 2004-м), притом что воспроизводство минерально-сырьевой базы и инвестиции в освоение новых месторождений не только не выросли, а сократились, свидетельствует, что даже «египетских пирамид» мы не построили.

Плох не сам по себе рост нефтедобычи, происходящий уже не по директивам КПСС, а по рыночной инициативе самих нефтяных компаний, а тот факт, что мы продолжаем идти по пути «самоедской», «ископаемой» экономики, основанной на проедании нашего природного капитала. Не обеспечиваем при этом переход и бизнеса, и государства в целом на более выгодные вложения капитала и создание новой структуры экономики, приносящей устойчивые дополнительные доходы не от сырьевого, а от более наукоемкого производства, которое бы стимулировал новый развивающийся спрос общества.

К тому же поддержание добычи становится и для самих нефтегазовых компаний все более сложной задачей. Если во времена освоения Западно-Сибирского НГК дебит одной нефтяной скважины превышал здесь 135 т, то в 2000-м он снизился до 10 т, а количество всех скважин увеличилось в этом районе с 4 до 76 тысяч. Освоение же новых нефтяных месторождений в Тимано-Печоре, за Полярным кругом и в Восточной Сибири, а газа – на Ямале и шельфах северных морей, куда должен переместиться центр будущей нефтегазодобычи, увеличивает издержки добычи одного бар-

реля нефти с нынешних 5–6 до 13–18 долл., а газа – с 3–5 до 35–40 долл. за тыс. м³.

Хотя суммарные инвестиции в нефтяной сектор в последние годы и росли, их явно недостаточно. К тому же они весьма различаются по компаниям (Рис. 3). По нашей оценке, в 2004 г. суммарные инвестиции достигли 12 млрд. долл., а необходимо как минимум 25–30 млрд. долл.

Рис. 3. Инвестиции в нефтяной сектор

Например, в начале 1980-х геологоразведка доказала наличие больших запасов углеводородов в Юрубчено-Тохомской зоне в Эвенкии. Согласно провозглашенной в 2000 г. программе ее освоения, в 2005 г. должны были добыть 3 млн. т, в 2008-м – 8 млн. т. Однако в 2000-м извлекли лишь 40 тыс. т, и в 2005-м будет получен тот же объем. А ведь эту программу расписала компания, которая три года назад была самой капитализированной в России. Вполне правомерен вопрос: если она стоила 30 млрд. долл., то кто мешал ей

эмитировать своих акций на 3 млрд. долл. и вложить эти средства в Юрубчено-Тохомскую зону? Или же воспользоваться доходами от нефти и инвестировать эти 3 млрд. долл.?

Другой пример – менее капиталоемкий Уватский проект в Тюменской области. Он реализуется с 1993 г. и только сейчас немного продвинулся. Инфраструктура региона вполне подготовлена для освоения данного проекта. Это не Ванкор на севере Красноярского края (к реализации последнего готовится «Роснефть»), где нет ни централизованного энергоснабжения, ни проложенных трубопроводов. Система эшелонирования новых проектов могла бы иметь вид, показанный на рис. 4.

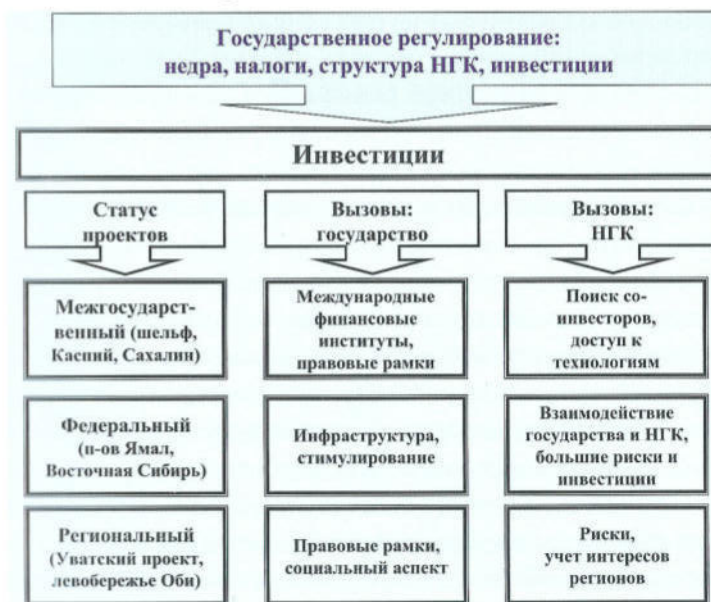

Рис. 4. Эшелонирование новых проектов

Новые проекты должны получить межгосударственный статус (шельф, Каспий, Сахалин), федеральный (Ямал, Восточная Сибирь) или региональный (Уватский проект, левобережье Оби). Но готовы

ли к инвестициям в них наши финансовые институты? Готовы ли они вкладывать в инфраструктуру и стимулировать разработку новых проектов? А осмысленны ли и продуманы правовые рамки и социальные аспекты? Непаханое поле деятельности – поиск соинвесторов и доступ к передовым технологиям, взаимодействие с государством и компенсация больших рисков (при освоении той же Юрубчено-Тохомской зоны), учет интересов регионов. **Готовность же к освоению таких проектов сегодня – минимальная.**

Пророческие слова М.В. Ломоносова: «могущество России прирастать будет ... Ледовитым океаном» следует понимать только в том смысле, что здесь сосредоточен огромный топливно-энергетический потенциал страны, но его реализация сопряжена с немалыми капиталовложениями (порядка 300 млрд. долл. до 2020 г.), окупаемость которых требует радикального изменения технологий добычи и, главное, более эффективного использования добытого сырья.

Бизнес пытается решить эту задачу наращиванием экспорта по более высоким, чем на внутреннем рынке, ценам. А государство, сдерживая внутренние цены на энергопродукты, казалось бы, должно стимулировать экспорт и увеличивать собственные доходы от дополнительного налогообложения НГК. Что оно успешно и делает, но еще решает при этом главной совместной с бизнесом задачи – смещения товарного производства с сырьевой направленности на более комплексное и эффективное использование природных ресурсов, на увеличение энергетического потенциала и капитала страны за счет новых видов энергоносителей и энергетики будущего.]

Разумеется, никто не откажется от возможности максимально воспользоваться нынешней благоприятной конъюнктурой на мировом энергетическом рынке. Но надо понимать, что она – не вечна. Чем круче подъем, тем глубже последующее падение. И стратегия развития нефтегазового комплекса, как и в целом Энергетическая стратегия, и пока еще не обозначенная стратегия социально-экономического развития России на период жизни хотя

бы нынешнего поколения должны исходить из необходимости эффективного использования всех ресурсов страны: и природных ТЭР, и созданного за годы плановой экономики технологического потенциала ВПК и ТЭК, а также интеллектуальных ресурсов и человеческого капитала. При этом необходимо стремиться к расширенному воспроизводству энергетического потенциала, понимая под ним не только сырьевой потенциал, но и совокупный эргатический (и производственный, и человеческий) капитал, способный производить полезную работу.

Главная задача и бизнеса, и власти – обеспечить не донорскую, а локомотивную роль НГК в развитии отечественной экономики.]

1.3. Вызовы времени

Начало XXI века характеризуется тремя важными обстоятельствами, имеющими прямое отношение и к экономике России, и к ее нефтегазовому сектору, доминирующему как в структуре промышленного производства, так и в доходной части российского бюджета.

Первое – мировой спрос на энергию продолжает расти, и довольно быстро. Если в настоящее время в мире ежегодно потребляется энергоресурсов около 12 млрд. т. н.э., то, по данным Международного энергетического агентства, Мирового энергетического совета и ряда других авторитетных организаций, к 2030 г. этот спрос увеличится до 15–16 млрд. т. н.э.

И это притом, что практически все страны мира снижают энергоемкость своего ВВП за счет перехода на более глубокую, комплексную переработку сырья, активного энергосбережения и развития наукоемких отраслей. Особенно быстро растет потребность в конечных, потребительских энергопродуктах – моторном топливе, электроэнергии, химических продуктах, получаемых из углеводородов, а также увеличивается спрос на бытовые и производственные энергетические услуги.

Второе обстоятельство связано с растущими **требованиями экологической безопасности**, вынуждающими производителей и потребителей энергии снижать вредные выбросы при использовании топлива, в том числе и за счет перехода на более чистые его виды – газ, водород, а также использования не-топливных источников – АЭС, ГЭС и НВИЭ.

В Европе уголь и мазут активно вытесняются из топливно-энергетического баланса за счет увеличения доли газа в структуре котельно-печного топлива (КПТ). По-видимому, оптимальной является доля газа в балансе КПТ для электроэнергетики около 40%. Но следует различать, что к этому рубежу в странах ЕС идут от нынешнего уровня в 17%, а в России – от нынешних 65%. Поэтому тенденции в использовании газа для ТЭС и котельных у нас и в ЕС противоположны. И хотя Россия обладает уникальными ресурсами газа (свыше 30% мировых запасов), но это не позволяет нам быть беспечными. Как уже упоминалось, наши запасы сосредоточены в основном за Северным Полярным кругом, и себестоимость добычи газа на новых месторождениях Ямала ожидается в 5–7 раз выше, чем сегодня в Надым-Пуртазовском районе.

С этим связано и **третье** обстоятельство – важны не физические запасы, а **экономически обоснованные объемы имеющихся потенциальных ресурсов**. И России, с ее вполне обоснованной претензией на роль одной из ведущих энергетических держав мира, необходимо учитывать возможную жесткую конкуренцию на мировых энергетических рынках как со стороны стран ОПЕК, так и со стороны Центрально-Азиатского региона и Закавказья – республик бывшего Советского Союза.

Поэтому *Россия*, объединив усилия бизнеса и государства, **должна активно участвовать**, как это делают США и страны Западной Европы через свои транснациональные нефтяные компании и консорциумы, **в освоении не только собственных запасов, но и ТЭР на территории третьих стран**.

К сожалению, сегодня только «Лукойл» имеет за рубежом 3,5%

от принадлежащих ему запасов. А остальные российские компании – еще меньше. Мой опыт участия в проектах освоения «чужих» запасов убедительно свидетельствует о том, что риск инвестиций в Алжире, Ираке, Венесуэле и в других «горячих» точках, не говоря уже о Казахстане, Азербайджане, Узбекистане и Туркмении, хотя и выше, чем в России, но окупаемость – еще выше. Так, только при реализации одного из проектов по нефтедобыче в Алжире, который нам удалось осуществить, в течение пяти лет вложенные средства окупились восьмикратно.

Будучи министром, я настоятельно рекомендовал нашим нефтяным компаниям активно вкладывать средства не в офшоры, а в освоение ресурсов Казахстана, в который тогда еще не пришел американский и другой иностранный капитал. Вкладывать средства тогда было намного выгоднее, чем в собственные месторождения.

Сейчас много рассуждают об экспансии американского капитала в сырьевые районы мира – на Ближний Восток, в Африку и Южную Америку. Но когда он вторгается в традиционную зону российских интересов – республики бывшего СССР, это говорит о недальновидности нашего бизнеса и слабости нашей энергетической дипломатии.

Мы упорно добиваемся, чтобы ресурсы прикаспийских стран шли на мировой рынок транзитом только через территорию России. В принципе это правильно. Но не надо забывать, что страны-потребители ТЭР диверсифицируют поставки сырья, стараясь избежать чрезмерной зависимости от России, где государство монополизировало нефтяной и газовый трубопроводный транспорт. Россия добилась бы большего, активнее участвуя в освоении чужих месторождений, приберегая свои дорогие ресурсы до лучших времен, когда мы сумеем технологически, экономически и экологически более эффективно разрабатывать северные запасы.

Иностранный капитал стремится в Россию не для того, чтобы немедленно осваивать наши месторождения, а чтобы впрок обзавестись запасами ТЭР, которые при нашей системе недропользования «карман

не тянут», более того, увеличивают капитализацию нефтяных компаний и снижают риски возможного дефицита ресурсов в будущем.

Мне могут возразить, что наши нефтяные компании и «Газпром» не имеют необходимых инвестиций, чтобы вкладываться в чужие месторождения, поскольку не хватает средств даже поддерживать собственные. Но никто в мире не работает за счет собственных ресурсов: самым выгодным и распространенным является использование заемного капитала. А государство должно поддерживать имидж наших компаний перед финансовыми структурами, создавать благоприятный инвестиционный климат и с помощью энергетической дипломатии содействовать развитию предпринимательства не только у нас в стране, но и в зоне геополитических интересов России.

Еще одним новым вызовом времени является необходимость инновационного переустройства нашего нефтегазового комплекса и всей экономики страны.

Только за счет использования новых геофизических методов можно поднять эффективность воспроизводства запасов, не прибегая исключительно к наращиванию объемов разведочного бурения. И опыт «Сургутнефтегаза»⁶ убедительно свидетельствует об этом. Так, например, в компании в 2000 г. были увеличены запасы углеводородного сырья на 20% в основном за счет достижений НТП, при этом что объем разведочного бурения практически не изменился.

Известно, какого эффекта в повышении нефтеотдачи пластов добились американские нефтяные компании, используя разработанный у нас еще в советские времена метод горизонтального бурения. В России же коэффициент извлечения ресурсов из недр остается на уровне 0,34 – одним из самых низких в мире – и практически не растет.

Существенно (до 60%) сократилось использование нефтегазово-

⁶ Богданов С.А. Эффективность повышения нефтеотдачи на российских месторождениях. - Кандидат. дисс. - СПбГУ, 2000.

го оборудования отечественного производства. Наше энергомашиностроение (в том числе и предприятия бывшего ВПК) уступает зарубежным поставщикам в комплектности оборудования, его надежности, ремонтпригодности, а главное, в сервисном обеспечении.

Но ведь родной мне «Лангепаснефть» на 90% опирался на российские технологии, оборудование, интеллект и кадры. Наш «Уралмаш» был одним из лидеров российского энергомашиностроения. Даже в самых кошмарных снах не представлялось, что через десять лет мы не будем поставлять оборудование во Вьетнам и Китай, а, наоборот, работая вне России, от Узбекистана до Алжира, станем заказывать для наших буровых бригад китайские станки и даже китайских специалистов. Так можно дожить до того, что и в Россию поставлять оборудование будет не только французская Schlumberger или американская Honeywell, но и Китай.

И бизнес, и государственные структуры должны осознать, что, ориентируясь на импорт, мы рискуем энергетической безопасностью страны. Но выход не в том, чтобы повисить пошлины на ввозимое оборудование. Пример нашего автопрома, по-моему, наглядно показал бесперспективность такого способа защиты интересов отечественного производителя. Необходимы налоговые преференции нефтяникам и газовикам, вкладывающим свои средства в развитие нашего машиностроения, предприятий связи и управления, строительных, проектных и научных организаций, сервисного обслуживания.

Бизнесу это позволит избежать чрезмерной зависимости от дорогостоящих внешних поставок, а государству поможет сохранить рабочие места и, главное, сберечь интеллектуальный потенциал нации. Ибо сегодня для НКР России главное – уже не традиционные «качалки», а полный комплект высокотехнологичного оборудования для освоения наших и зарубежных месторождений.

В существующей ныне модели функционирования нефтегазового комплекса российские природные ресурсы, российский сырьевой капитал и даже финансы работают на развитие иностранных

технологий, производство иностранного оборудования и оплату иностранных специалистов (Модель 1, Рис.5).

Рис. 5. Модели инновационного развития

Смена модели функционирования российского нефтегазового комплекса равнозначна смене парадигмы развития всей национальной экономики. Ключевая проблема (и с отраслевой, и с общеэкономической точек зрения) – как, в каких экономических секторах включить механизмы стабильного роста, который в развитых странах на 90% обеспечивается за счет научно-технического прогресса и инновационных схем.

Тут спектр возможностей государства чрезвычайно широк. От формирования адекватных поставленным задачам принципов налогообложения, от ясного и непротиворечивого разделения функций и полномочий органов государственного управления, от выделения приоритетов промышленной и научно-технической политики (особенно в сфере наукоемких производств двойного на-

значения – для нефтегазового и других секторов) до воссоздания на новом качественном уровне связки «наука – машиностроение – нефтегазовая промышленность», до модернизации квалификационных требований к подготовке и переподготовке российских специалистов, до более широкого привлечения иностранных инвестиций, в том числе на заемной основе и на основе прямого участия иностранных компаний. При этом важно подчеркнуть, что нефтегазовый комплекс не может и не должен формировать всю совокупность приоритетов промышленной политики. Наоборот, промышленная политика государства должна исходить из характера отраслевой структуры экономики страны и специфики взаимодействия нефтегазового комплекса с другими отраслями.

1.4. Что же мы получили?

Реформирование НГК – формирование вертикально-интегрированных компаний и их последующую приватизацию (частичную или полную) – невозможно рассматривать и оценивать изолированно от реформирования сферы недропользования (процедур и правил пользования ресурсами недр). В России в 90-е годы была принята такая модель использования ресурсов углеводородного сырья, при которой наземные активы передаются (продаются и т.д.) в частную собственность, а ресурсы недр остаются в государственной собственности. Поэтому с точки зрения государства первостепенное значение имеет не то, как используются наземные активы, принадлежащие акционерным компаниям, а насколько рационально осваиваются и разрабатываются месторождения нефти и газа и насколько своевременно ведется подготовка новых запасов.

Поэтому вопрос оценки результатов преобразований в нефтегазовом комплексе – это, прежде всего, оценка того, насколько устойчивы и насколько позитивны те тенденции в использовании ресурсов недр, что проявили себя в 1990–2000-е гг.

Общемировой практикой является подход, при котором реформирование нефтегазового сектора и формирование иных принципов управления ресурсным потенциалом тесно переплетаются друг с другом и обуславливают друг друга. Например, в Великобритании и Норвегии в 60-е годы были созданы национальные нефтяные компании с целью обеспечения государственных интересов в нефтегазовом секторе в период формирования системы использования ресурсов недр. Затем, когда подобная система была создана, данные компании были реформированы – БритОйл была ликвидирована, а Статойл – частично приватизирована.

К сожалению, все несколько иначе складывалось в России. Одновременно было «запущено» сразу несколько процессов – реформирование НГК, приватизация НГК и формирование системы недропользования. В результате мы преуспели в самом простом – разделе активов и формировании новых структур. Адекватная современным условиям система недропользования до сих пор не создана. Недра находятся в государственной собственности, а распоряжаются ими (как своими активами) частные компании.

В целом реформирование НГК и связанной с ним системы недропользования, продолжающееся с начала 1990-х гг. по настоящее время, можно с определенной долей условности разделить на три этапа.

На первом этапе – до осени 1996 г. – закладывались законодательные основы реформирования (был принят ныне действующий Закон РФ «О недрах», вырабатывались подходы к реструктуризации сектора и определению роли государства: в этот период государственная компания «Роснефть» контролировала значительную часть активов комплекса), формировались вертикально интегрированные нефтяные компании и проводились первые конкурсы на право пользования недрами.

На следующем этапе – в 1997–2000 гг. – основной акцент был сделан на приватизации активов НГК и на формировании частных компаний, причем уход государства из собственности никак не был

компенсирован усилением внимания к эффективному использованию запасов углеводородов (право собственности на которые сохранилось в руках государства). Главным негативным фактором в этот период стало решение о проведении залоговых аукционов крупнейших, на сегодняшний день, компаний.

На третьем этапе – с 2000 г. – предпринимались бесконечные попытки найти золотую середину между сложившейся олигархической моделью собственности на основные активы НГК и требованиями государства как собственника недр использовать их в интересах общества (здесь и бесконечные проверки недропользователей, и претензии по неуплате налогов, и отдельные попытки пересмотреть итоги приватизации). Однако, несмотря на все это, в настоящее время наблюдается все увеличивающийся разрыв между необходимостью изменений в регулировании комплекса и принимаемыми властями решениями.

Весь этот период использовался созданный преимущественно в годы плановой экономики производственно-технический потенциал. Нефтяные компании разрабатывали ранее освоенные месторождения, отдельные высокопродуктивные их участки, или интенсифицировали их разработку. Новые проекты не играли и до сих пор не играют заметной роли и осуществляются в основном рядом с ранее введенными месторождениями. Интенсификация последних, а также вовлечение в разработку их «спутников», позволили нефтяным компаниям существенно снизить издержки на добычу и в полной мере использовать благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру.

Значительные «старые» запасы в сочетании с неэффективной схемой государственного регулирования не создали у российских нефтяных компаний в 1990-х и в начале 2000-х гг. заинтересованности в реализации новых проектов, расположенных в новых районах, на новых горизонтах, в более сложных географических и природно-климатических условиях.

Анализ ситуации в нефтяной промышленности России пока-

зывает, что возможности поступательного ее развития за счет ранее введенных в разработку проектов близки к исчерпанию.

Заложенный еще в годы советской власти потенциал развития НГК достиг своего предела: запасы месторождений истощаются, основные фонды изнашиваются, заметных улучшений в инвестиционной сфере не наблюдается, а нефтегазовые ресурсы – национальное достояние государства – используются неэффективно, зачастую в ущерб интересам значительной части общества. Все это ведет к разрушению нефтегазового рынка России, создает реальную угрозу ее будущим экономическим достижениям. Причем это проблема не отдаленная, а ближайших трех – максимум пяти лет.

Наличие колоссального, ранее созданного производственно-экономического потенциала, позволило с появлением новых рыночных процедур и механизмов достичь определенных положительных результатов – среди которых можно отметить:

- Россия вернула себе то место крупного игрока в международном нефтегазовом секторе, которое было завоевано усилиями не одного поколения советских нефтяников и газовиков;
- удалось переломить ресурсорасточительные тенденции при поиске, разведке и добыче, прежде всего, нефти, и, в меньшей степени, природного газа: на производство стали влияют новые экономические отношения, а также ориентация на реальные экономические результаты;
- российские компании все активнее участвуют в зарубежных проектах, становясь игроками мирового уровня. Как и отечественный НГК в целом, они подтвердили свое право на присутствие на международной арене.

Основные показатели работы нефтедобывающей промышленности России приведены в таблице 1.1.

За четыре последних года добыча нефти демонстрировала феноменальные темпы прироста – в среднем свыше 9% ежегодно. В то же время добыча природного газа не только не росла, но и начала падать. Такая динамика добычи нефти и природного газа в существ-

венной степени была обусловлена ранее подготовленными месторождениями. В нефтедобывающей промышленности удельный вес новых месторождений, которые были введены за последние пять лет, не превышает 8–10%.

Таблица 1.1. Нефтедобывающая промышленность России в 1995-2004 гг.

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004*)
Добыча нефти, млн. т	316,2	306,8	301,2	305,7	303,3	305,2	323,5	348,1	379,6	421,3	458,81
Среднегодовой дебит одной скважины, т	11,6	7,5	7,4	7,3	7,7	7,7	7,3	7,7	8,3	9,4	10,21
Инвестиции в основной капитал (в фактически действующих пенях; до 1998 – млрд. руб., затем – млн. руб.)		22434	29071	34890	29537	36686	135159	190404	173529	235335	205400
Степень износа основных фондов, %		52,1	54,7	56,6	57,0	55,2	52,3	46,7	54,8	53,1	
Коэффициент обновления основных фондов, %	9,0	3,3	3,0	1,6	1,7	1,7	2,9	4,2	3,7	4,1	
Коэффициент выбытия основных фондов, %	1,1	1,5	1,9	1,1	0,9	0,9	1,0	1,0	1,5	1,4	

Источник: Российский статистический ежегодник. 2003;

Российский статистический ежегодник. 2004.

*) Данные за 2004 год: Журнал «Нефтегазовая вертикаль», №3, 2005 г., стр.15, 17.

Статистический бюллетень, №5 (115), Росстат, июль 2005

В газовой промышленности относительно стабильную добычу по-прежнему обеспечивают месторождения-гиганты Надым-Пуртазовского района, введенные в 1970–80 гг. Исключение составляет Заполярное, которое, однако, находилось долгие годы в стратегическом резерве газовой промышленности (расположено в непосредственной близости от уже разрабатываемых месторождений) и было предназначено для компенсации возможного отставания с вводом залежей Ямала.

Ориентация на использование ранее подготовленного ресурсного потенциала в нефтяной и газовой промышленности России во многом связана с тем, что до самого недавнего времени природопользование регулировалось на основе идей 1992–94 гг. (Рис. 6): лицензионный принцип, совместное ведение федерального центра и регионов.

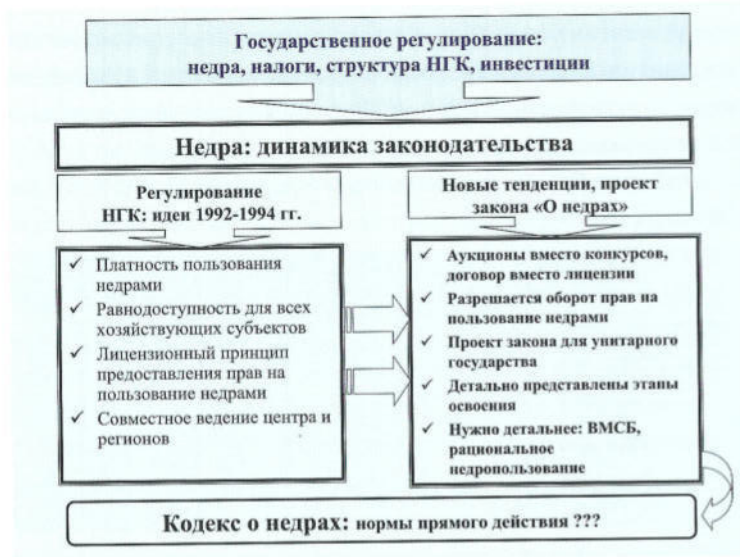

Рис. 6. Регулирование природопользования

Сейчас же мы скатываемся к замене конкурсов аукционами, к обороту прав на пользование недрами, и уже отменен второй, региональный «ключ». Я считал и считаю, что законодательство должно меняться эволюционно. Кроме того, главное здесь не закон, а механизмы его исполнения. Мы уже шесть лет рассуждаем о новом законе «О недрах», но так и не создали механизмов реализации в целом дееспособного «старого» закона «О недрах».

Будучи в норвежском Нефтяном директорате, я попросил объяснить мне принципы предоставления прав на пользование участками недр. Оказывается, директорат вправе выдавать лицензию одному юридическому лицу, но за всю свою историю он этого ни разу не сделал. Лицензии обычно оформляются на консорциум не менее чем из трех компаний. Почему? Потому что в триумвирате разработчиков одна компания становится оператором, а остальные две являются не только участниками, но и контролерами – тщательно следят за исполнением бюджета освоения и разработки месторождения.

Поэтому, я убежден, для эффективного природопользования в рамках ныне действующего закона о недрах главное – механизмы реализации тех или иных прав (Рис.7).

Рис. 7. Механизмы реализации прав в рамках закона о недрах

Следует отметить, что в двух российских регионах – Татарии и Ханты-Мансийском автономном округе были разработаны фрагменты эффективных механизмов природопользования. Однако в рамках кампании по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным действие данных региональных законов и регламентов прекращено.

Основная проблема, на взгляд автора, *состоит в том, что в России до настоящего времени не удалось сформировать эффективный и современный механизм воспроизводства активов в НКК.* Это означает не только воспроизводство минерально-сырьевых ресурсов, что является важнейшей составляющей отмеченного выше механизма (но далеко не единственной), но так-

же и обеспечение:

- рационального освоения введенных ранее месторождений;
- своевременного ввода новых залежей нефти и газа;
- реализации наиболее рациональных решений при разработке месторождений;
- формирования структуры основных активов, отвечающей современным научно-техническим достижениям при поиске, разведке, освоении и разработке месторождений.

Без решения отмеченных выше проблем, как представляется автору, нельзя вести речь о том, что в России созданы необходимые и достаточные условия для поступательного и устойчивого функционирования НГК.

На фоне разговоров о необходимости преодоления сырьевой направленности экономики России значение НГК постоянно усиливается. Это отражается как в высоком уровне налоговых поступлений в федеральный и региональные бюджеты, так и в возросших инвестициях, в увеличении заказов производителям российского оборудования, в усиливающемся влиянии нефтегазового сектора на политическую и экономическую интеграцию страны не только в Европе, но также и в Азии, Африке, Латинской Америке.

На мой взгляд, все это стало возможным потому, что, несмотря на издержки и проблемы, о которых пойдет речь ниже, при радикальных экономических преобразованиях все же удалось сохранить НГК в дееспособном состоянии.

Как известно, сверхбыстрый переход к рынку проходил при спонтанной реорганизации государственных предприятий в акционерные общества с одновременной их приватизацией (на первом этапе частичной, а затем и полной). Если для мелкого и среднего бизнеса сочетание двух данных процессов было вполне уместно, т.к. в производственную и коммерческую деятельность вовлекалось много новых инициативных людей, то поспешная приватизация столь стратегически важного для государства и инерционного по своим масштабам комплекса, как нефтегазовый, имела отрицательное значение.

Безусловно, необходимо строго разграничивать понятия «структурные преобразования НГК» и «приватизация как политическое решение». Несомненно, создание вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК), охватывающих все сферы деятельности – «от скважины до бензоколонки» – было явно полезным, ориентировало бизнес на выпуск и реализацию конечного продукта – моторного топлива и других нефтепродуктов. Только они в состоянии принять на себя риски новых проектов в неосвоенных районах. В то же время крупные отечественные вертикально интегрированные компании могут (и уже являются) партнерами ведущих зарубежных компаний при формировании альянсов для реализации этих новых проектов. Совпавший по времени с началом экономических реформ, новый скачок цен на мировом нефтяном рынке в 1991 г. стимулировал ВИНК России экспортировать сырье и не инвестировать в должной мере в реконструкцию и модернизацию устаревших НПЗ.

Этому способствовала и ценовая политика государства, отпустившего цены на нефть и нефтепродукты на внутреннем рынке. Реализация нефтепродуктов в России при сдержанном росте внутренних цен в связи с низкой покупательной способностью потребителей стала для нефтегазового бизнеса гораздо менее выгодной, чем экспорт.

Это привело к перекосу и в формировавшейся организационной структуре НГК России. На заседании правительства в 1992 г., где обсуждалась Концепция энергетической политики в новых экономических условиях, тогдашний вице-премьер В.С. Черномырдин отметил, что у нас должно быть три-четыре крупных ВИНК, чтобы обеспечить необходимую конкуренцию внутри страны и общую, консолидированную политику на мировых энергетических рынках.

Но тогда в эйфории приватизации и дележа собственности и регионы, и многие влиятельные околоправительственные силы стремились стать обладателями ограниченного числа «лакомых кусков нефтяного пирога». В результате в стране сформировалось шест-

надцать крупных нефтяных компаний, не считая мелких и средних, возникших на базе геологоразведочных и местных предприятий.

Такое изменение организационной структуры было бы оправданно, если бы многие новые компании стали за счет реальных инвестиций осваивать новые месторождения. Но этого не произошло. Начался длительный период переделов ранее созданных активов. Продажа действующих – зачастую очень эффективных – предприятий (например, ОАО «Ноябрьскнефтегаз», имевшего к началу 90-х годов одни из самых «свежих» и эффективных запасов углеводородов) в частные руки через залоговые аукционы, на мой взгляд, была стратегической ошибкой.

На начальном этапе ставились и декларировались цели и задачи построения «народного капитализма». Сохранить производственный аппарат в промышленности и обеспечить его целевое использование было призвано проведение приватизации в форме конкурсов с инвестиционными условиями. Однако в целом их механизм носил чисто формальный характер – в очень многих случаях приватизированные предприятия не только не получили необходимых инвестиций, но были ликвидированы новыми собственниками, а основные фонды проданы по цене металлолома или, в лучшем случае, «перепрофилированы» в офисные помещения и торговые павильоны.

К числу специфических причин, которые обусловили концентрацию основных финансовых ресурсов в руках немногих владельцев в НГК, следует отнести:

- отсутствие взаимосвязи двух тесно обусловленных процессов – использования активов, полученных при приватизации, и формирования процедур и механизмов реализации прав собственности государства на принадлежащие ему недра (современной системы мониторинга и контроля за степенью рациональности освоения и использования ресурсов недр);

- фискальная ориентация всей системы регулирования в НГК и, в частности, налогообложения (в связи с этим формирование системы

регулирования недропользования надолго отошло на второй план);

- реализация на региональном уровне стратегий использования природно-ресурсного потенциала, ориентированных на «выживание» (проведение как можно большего числа конкурсов и аукционов на право пользования недрами, что привело к тому, что в распределенном фонде недр оказались 94% всех разведанных запасов нефти); в результате компании получили возможность выбирать лучшие блоки и участки и достигать повышенной доходности при добыче нефти;

- неоправданная конкуренция различных ведомств за право контроля и регулирования НГК.

При высоких ценах на нефть и газ на внешних рынках резко выросла доходность добычи, что позволило новым собственникам получить приток значительных финансовых ресурсов. В ряде случаев достижение повышенной рентабельности операций в НГК было обеспечено не столько за счет применения технологических новшеств, сколько за счет создания различных схем налоговой оптимизации, а также получения доходов квазирентного характера, обусловленных недооценкой основных активов, которые были получены в процессе приватизации. Наличие доходов квазирентного характера во многом связано с отсутствием эффективных процедур, регулирующих процесс воспроизводства основных активов в нефтегазовом комплексе. Это создает мажоритарным собственникам возможности аккумуляции и направления по собственному усмотрению не только прибыли, но и значительной части амортизационных отчислений.

Большие финансовые поступления в итоге были направлены не на инвестиции в основной капитал, а на финансовые инвестиции – покупку дополнительных пакетов акций контролируемых мажоритарными собственниками нефтегазовых компаний. В итоге «сон разума породил чудовище» – слабость государства в реализации прав собственности на принадлежащие ему недра привела к формированию частнособственнической структуры капитала неф-

тегазовых компаний.

Данная ситуация представляется мне весьма опасной — личный капитал и государственные интересы уживаются, как показывает история, с трудом. Нефтегазовый комплекс — слишком важный сектор любой национальной экономики, основывающейся на природных ресурсах. Государство и общество не могут позволить себе потерять контроль над своими недрами, фактически передав их в частные руки. Гораздо более надежным является обеспечение притока так называемого «публичного» капитала, принадлежащего различным социально-ориентированным институциональным инвесторам — пенсионным, страховым, банковским (с повышенной долей мелких вкладчиков — населения, как это имеет место в случае Сбербанка РФ), паевым инвестиционным, региональным фондам.

Дело не просто в размытости собственности, а в том, что при участии граждан через эти фонды в акционерном капитале нефтегазовых компаний могло бы быть ликвидировано нынешнее противоречие между интересами населения и нефтегазовых олигархов. А это противоречие усугубляется и тем, что сегодня доля собственности, принадлежащей 10% самых богатых людей России, более чем в 15 раз превышает долю 10% самых обделенных граждан.

У владельцев «Юкоса» доля личного капитала в компании оказалась чрезмерно высокой — до 80%. А какую, например, долю в British Petroleum имеет возглавляющий компанию Джон Браун?

У него меньше десятой доли процента! А самые крупные владельцы (их 867) — это институциональные инвесторы, прежде всего пенсионные фонды (Рис. 8). Самая большая доля акций British Petroleum — 3,5% — принадлежит пенсионному фонду. А остальные — раздроблены еще больше. У нас же сложилась личная форма собственности, или клановая, характерная для стран Южной и Юго-Восточной Азии, в то время как в Европе и Америке — публичная. Если Джон Браун примет непродуманное решение, представитель пенсионного фонда на годовом собрании может предложить акционерам прекратить его полномочия.

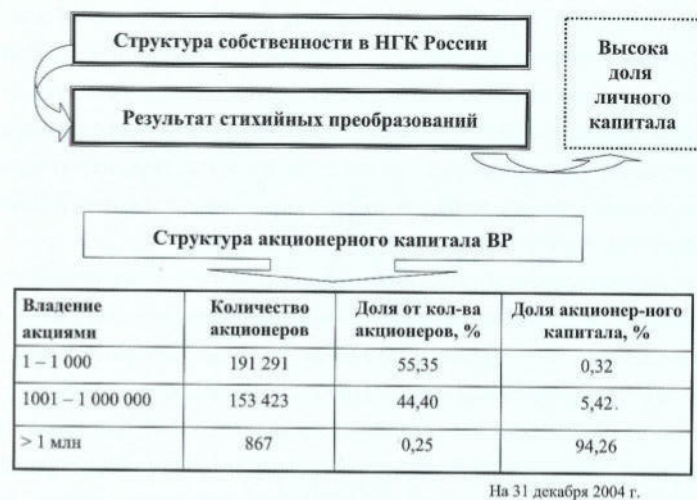

Рис. 8. Структура собственности

Принципиальная разница между отечественными НК и западными в том, что, защищая интересы собственников, наша «нефтянка» стала олигархической, а западные компании, транснациональные по форме, отвечают интересам своего государства, ибо их капитал национален по природе.

Предположим, что ВР завтра поменяет регистрацию и оседет в Москве, чьей она будет компанией — российской? Да нет, по капиталу она так и останется англо-американской. А вот если собственник отечественной компании «пропишется» в Лондоне, то она автоматически станет английской, потому что акционерный капитал принадлежит лично ему. И тогда придется применить чрезвычайные меры, чтобы деятельность этой компании отвечала также и интересам России.

Структура собственности определяет и мотивацию принимаемых на уровне компании решений. Олигархический капитал стремится извлечь максимальную прибыль и практически не вкладыва-

ет ресурсы в развитие. Он влияет на выгодное ему изменение законов, плодит коррупцию и так далее. Особенность клановой формы заключается и в том, что она позволяет контролировать использование активов, но не обеспечивает должный уровень эффективности развития производства и имеет существенные ограничения по привлечению инвестиций (их размер ограничивается репутацией и «засмной» способностью владельцев компании).

С точки зрения достигнутых результатов в процессе реформирования и реорганизации НГК – в том контексте, что определен в самом начале настоящего подраздела – можно говорить лишь о том, что в России к настоящему времени созданы отдельные фрагменты и современного нефтегазового комплекса, и современной системы управления государственным фондом недр. От превращения фрагментов в систему в решающей степени будет зависеть то, насколько позитивные тенденции последних трех лет будут устойчивыми и долговременными.

Глава 2.

От переходной экономики – к растущей

2.1. Какая собственность нам нужна?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос уже дан. Проведена масштабная приватизация активов НГК, и большинство компаний являются частными, как правило, открытыми акционерными обществами. Исключение составляют активы «Газпрома», «Зарубежнефти», «Транснефти», «Транснефтепродукта», а также «Роснефти» и не так давно выкупленные последней компанией активы «Юганскнефтегаза». В данных компаниях государство владеет пакетами голосующих акций от контрольных до 100-процентных.

Весьма трудно оценивать эффективность присутствия государства в собственности этих компаний. Тем не менее можно с высокой долей уверенности утверждать, что все перечисленные выше компании (за исключением «Зарубежнефти») значительно уступают частным и, прежде всего, ведущим бизнес на инновационно-венчурной основе.

Причины давно известны – выполнение «государственными» компаниями большого круга социально-ориентированных и государственных обязательств, сложная и неэффективная структура управления, отсутствие ясно и определенно сформулированных приоритетов. Не случайно поэтому и «Газпром», и «Роснефть» являются одними из крупнейших отечественных заемщиков финансовых ресурсов.

Хорошо, что сегодня идет укрупнение нефтяных компаний как путем слияния отечественных структур, так и за счет их интеграции с иностранным капиталом. На мой взгляд, **структура НГК должна иметь многообразную форму** (количество крупных нефтяных компаний необходимо ограничить).

Первый тип – это компании с преобладающей государственной собственностью (подобно укрупненной «Роснефти»). Второй тип – это транснациональные компании со смешанным капиталом и соответствующим менеджментом (например, «Лукойл» и ТНК-ВР, которые займут место уходящего со сцены «Юкоса»; в тоже время

доля национального капитала в них должна быть более 50%). Третий тип – компании с преимущественно национальным (российским) капиталом (как «Сургутнефтегаз»).

Государственная компания – типичное явление для современного этапа развития международного нефтегазового бизнеса. Практика многих стран свидетельствует, что подобная структура на равных конкурирует с частными (публичными) нефтегазовыми компаниями. Поэтому объединение нефтяных активов, которые будут находиться под контролем государства, в одной структуре – важный шаг в нужном направлении. Данная мера давно назрела. Более того, автором этих строк она была прописана в концепции управления нефтегазовым комплексом России, утвержденной в 1995 году. Нефтегазовые ресурсы в недрах России – достояние, принадлежащее всему народу, и государству не может быть безразлично, как оно используется. Получение акционерного контроля в «Газпроме» – еще один шаг по укреплению роли государства в ТЭК.

В последнее время и у нас, и за рубежом распространена точка зрения, что, в конце концов, не важно, кому принадлежит собственность – частным лицам или государству, отечественному или иностранному капиталу. Гораздо важнее, как организован менеджмент компании. Это уже шаг вперед (но никак не назад) от позиций рыночных фундаменталистов. На мой взгляд, не следует противопоставлять собственника и управленца. По большому счету, они партнеры, их интересы совпадают. Поэтому структура капитала акционерных обществ – важный элемент их устойчивого развития.

На мой взгляд, в России не эффективен и капитал, привлекаемый с фондового рынка. В новые проекты пока не поступило ни одного рубля. Фондовый рынок имеет спекулятивный характер, ибо на нем размещена небольшая часть акционерного капитала нефтегазовых компаний – не более 15–20 % их активов. Предпосылки для концентрации собственности на активы нефтегазовых компаний в руках немногих частных лиц создало, в том числе, и отсутствие воздействия со стороны фондового рынка. На нем, как и на нынешнем

западном рынке финансовых инструментов (фьючерсов и опционов), обращаются не реальные товары и инвестиции, а прежде всего – ожидания. Нефтяные контракты, которые торгуются, раз в тридцать превышают реальный объем поставок нефти, все это максимально подвержено воздействию политических и макроэкономических слухов и ожиданий. Что, в свою очередь, влияет на котировки ценных бумаг и контрактов, определяющих конъюнктуру рынка, в том числе и мировые цены на нефть.

Эти цены определяются не спросом и предложением, а ожиданиями участников рынка, которые и приводят к подъемам и падениям, имеющим пока еще не изученную природу, но явную периодичность в 10–12 лет. Поэтому рыночные котировки важны лишь как барометр ситуации на мировом рынке нефти и газа, но отнюдь не как источник новых инвестиций под будущие проекты.

Переход от частной акционерной формы капитала к публично-акционерной во многом зависит от потребности компании в инвестициях. Руководитель Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР) О. Выюгин вынужден был констатировать, что «...в России немало АО, но еще слишком мало публичных компаний. Это только время лечит»⁷. Автор согласен с такой оценкой в целом, однако не может согласиться с тем, что решающую роль в изменении ситуации играет только время. Если у частных собственников нет стимулов к инвестированию, то такая форма собственности может сохраняться очень долго. И, напротив, если возникает потребность в притоке инвестиций, т.е. идет непрерывный и расширяющийся процесс воспроизводства активов, это неизбежно приводит к трансформации собственности на активы компании – к более быстрому переходу от частной акционерной к публичной акционерной.

Поэтому в значительной степени трансформация ведущих российских нефтегазовых компаний из частных акционерных в публичные акционерные – это потребность или ее отсутствие в

⁷ О. Выюгин. В России много АО, но мало публичных компаний. - "Ведомости" от 15 апреля 2004 года

воспроизводстве активов.

Пока же у всех наших ВИНК наблюдалась несколько иная палитра мотиваций использования активов. У «Башнефти», «Татнефти», «Лукойла», «Сургутнефтегаза», «Роснефти» – меньшая доля простаивающих скважин (Рис. 9).

Рис. 9. Условия работы российских ВИНК

У других, например, «ЮКОСа» и «Сибнефти», – доля простаивающих скважин и дебит эксплуатируемых были в два-три раза выше, что говорит не только о получении сверхдоходов и о слабом регулировании и контроле государством эффективности использования недр, но и о том, что в первых компаниях тон задают профессиональные нефтяники, а в последних главной мотивацией деятельности является извлечение сиюминутной прибыли.

Противостоять отмеченным выше особенностям формирования «личной» структуры собственности в НПК России и связанным с ней последствиям поведения компаний могут только:

- усиление реальной роли государства в распоряжении принадлежащими ему ресурсами недр;
- исключение возможностей и шансов избирательного применения норм и правил, регламентирующих деятельность компаний.

В случае продвижения по данным направлениям, с одной стороны, будут увеличены инвестиции в подготовку запасов углеводородов и в их более рациональное освоение и разработку и, с другой стороны, будет создано пространство для деятельности инновационно-ориентированных и венчурных компаний, обеспечивающих реальное снижение издержек.

Стоит также отметить малую долю в объемах добычи неинтегрированных компаний. В начале 1990-х, будучи министром топлива и энергетики, я считал, что 51% акций создаваемых ВИНК надо оставить в государственной собственности на длительное время. И лишь после того, как власти поймут, что делать с ними в дальнейшем, разбираться с каждой компанией, находящейся под госконтролем, по отдельности.

В то же время на базе достаточно революционного по тем временам закона «О недрах» и прямых инвестиций в новые месторождения задумывалось создать новую нефтяную «поросль», которая должна была бы работать в сугубо рыночной среде. И первый положительный эффект был получен. Доля малых и средних независимых компаний к концу 1990-х достигла 12% от объема добычи нефти в России. Во всем мире бизнес активно развивается за счет малых и средних компаний. Однако прежний взлет малого и среднего бизнеса в России теперь сходит на нет (Рис. 10). Сейчас его доля составляет всего 5% в стране, где количество действующих малых и средних НК – около пяти десятков (в США – более 8 тысяч).

Эта тенденция не отвечает ни политической задаче – созданию среднего класса, ни экономической – направить энергию больших компаний на международные энергетические рынки, на освоение новых ресурсов в других странах. А иначе все разговоры об интеграции в мировое сообщество так и останутся разговорами.

Причем малый и средний бизнес могли бы заполнять нишу, высвобождаемую ВИНК в России.

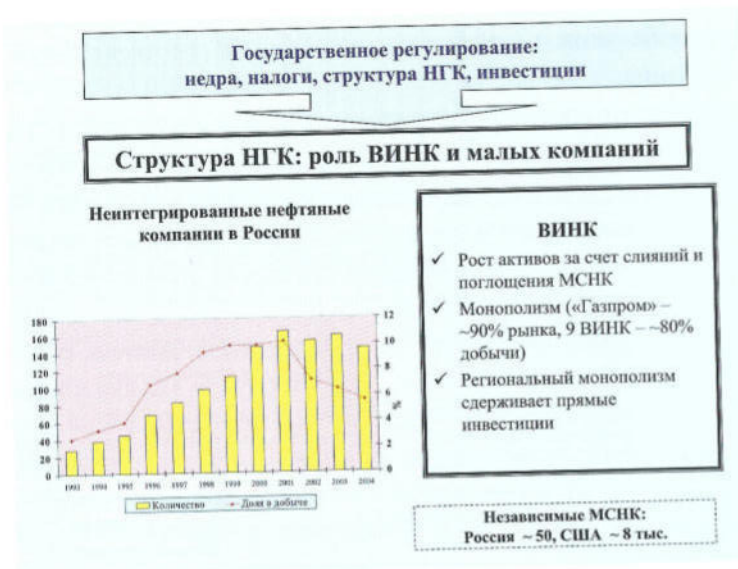

Рис. 10. Структура нефтегазового рынка

Я не сторонник того, чтобы малые предприятия дублировали крупные НК. Находясь в разных весовых категориях, они не могут на равных конкурировать в одном и том же виде деятельности – добыче и сбыте нефти и газа. С какой настойчивостью, но, на мой взгляд, совершенно бессмысленно, бьются независимые (от «Газпрома») производители газа за равный доступ к экспортной трубе. Его нет, и не будет. Бизнес не терпит посягательств на свой вид деятельности и свою монополию.

Но малый и средний бизнес более мобильны. Они могут и должны занять ту сферу, до которой у крупных, более инерционных, компаний не доходят руки. Это, прежде всего, сервис и инновации. Например, «РИТЭК», возглавляемый В.И. Грайфером (по размерам даже не средняя, а малая компания), специализируясь на освоении

новых технологий, заняла достойное место в нефтяном бизнесе. Новых подходов и в нефтяном, и в газовом секторе требуется немало. Это геофизический бизнес и освоение новых технологий повышения нефтеотдачи пластов, использование попутного нефтяного газа и производство на месте целой гаммы важнейших продуктов нефтегазохимии. Именно здесь малый бизнес может и должен найти свое достойное место.

А государство обязано помочь ему в этом.

Формирование приемлемой – с точки зрения необходимой динамики воспроизводственных процессов – структуры собственности далеко не простой процесс. Поэтому основные решения, связанные с регулированием НГК, должны, на взгляд автора, анализироваться и с этой точки зрения, и с точки зрения тех социально-экономических последствий, к которым может привести та или иная система распределения прав собственности на активы нефтегазового сектора.

2.2. Взаимоотношения бизнеса и власти

Несмотря на то, что государство и бизнес – стратегические партнеры, методы и средства, которыми они пользуются, формируя свои взаимоотношения, качественно различны.

Бизнес нуждается в государстве, которое отражает и реализует нынешние и будущие потребности общества. Понятно, что это в полной мере проявлялось при централизованной, плановой экономике, когда государство самостоятельно определяло баланс спроса и предложения на продукцию всех предприятий, в т.ч. и нефтегазового комплекса, а также необходимые капиталовложения и оборотные средства для производства продукции в заданных объемах.

Именно государство было инициатором и инвестором развития Западно-Сибирского НГК, включая геологоразведку, организацию инфраструктуры производства, развитие магистральных трубопроводов.

Но *индикативные балансы* производства и потребления нефти и газа, включая экспорт, необходимы и в условиях рынка. Государство не только лучше прогнозирует, но и в достаточной степени контролирует конъюнктуру внутреннего и мирового рынка углеводородного сырья, влияя на него с помощью геополитических рычагов. Это относится не только к странам ОПЕК. США влияют на рынок, формируя свои стратегические запасы нефти и газа.

Российское правительство в 2002–2003 гг. существенно «качало» мировой нефтяной рынок, имеющий примерное равенство сил между производителями и потребителями, только своими декларациями о намерениях сократить или, наоборот, увеличить добычу и экспорт. Попытки российских компаний воспользоваться нынешней благоприятной конъюнктурой цен на мировом рынке нефти и газа и увеличить свои поставки на экспорт вполне понятны с тактических позиций. Но без полноценного воспроизводства новых запасов, развития транспортной инфраструктуры и учета долговременных тенденций динамики цен стратегически такое поведение может быть опасным для российской экономики, продолжающей сидеть на «нефтяной игле». Без структурной перестройки промышленного сектора в целом в пользу менее энергоемких отраслей, с более высокой добавочной стоимостью, не выдержит ни государство, ни сам нефтегазовый комплекс.

Резкое наращивание добычи нефти в России при вполне ожидаемом уже к 2007–2009 г. снижении мировых цен приведет к столь же резкому ее сокращению. Эти скачки значительно ухудшат стабильность производства, что для крупного бизнеса крайне опасно: могут остановиться тысячи скважин, будут недоиспользованы добычные и транспортные мощности, сокращены рабочие места в северных регионах, где резко ограничены возможности трудоустройства в других сферах.

И бизнес, и власть хотят воспользоваться текущей высокой конъюнктурой цен, однако для них еще более важно обеспечить стабильность производственного процесса и доходов, не допуская

резких скачков в ту или иную сторону.

Нефтегазовый бизнес может решать эту задачу двумя путями: сохраняя достаточный уровень резервных объемов добычи, а также используя финансовые схемы хеджирования (страхования) доходов и опционной торговли углеводородами.

Государство сформировало стабилизационный фонд, наполнение которого определяется «уровнем отсечения» – минимально допустимой ценой на нефть, закладываемой в расчеты будущего бюджета, сверх которой все откладывается «на черный день». Планируемые объемы поступления средств в этот фонд в ближайшие годы довольно внушительные, если исходить из основных показателей перспективного финансового плана на 2006–2008 годы, одобренного правительством России. Два варианта плана рассчитаны исходя из среднегодовой цены на нефть 34 доллара за баррель и 28 долларов за баррель. В бюджете же 2006 года правительство планирует цену на нефть в размере 40 долларов за баррель. Однако стабилизационный фонд задумывался не для «проедания» и не для расчетов с долгами, а для воспроизводства энергетического потенциала либо в виде новых запасов природного сырья, либо для создания новых ресурсов – технологических, интеллектуальных, организационных, – восполняющих сокращающиеся природные запасы.

Особо следует остановиться на механизмах взаимоотношения государства и бизнеса в формировании долгосрочных целей и инфраструктуры рынка.

«Рыночный фундаментализм», декларировавшийся до недавнего времени чуть ли не в виде государственной политики, теперь уступает место взвешенному пониманию необходимости более активного участия государства в формировании общих целей, правил игры, создании инфраструктуры рынка. Необходимости – в ряде случаев – прямого государственного воздействия для обеспечения энергетической и экономической безопасности, социальной стабильности и эффективности недропользования.

Чрезмерная вера в рынок ошибочна, как пишет известный фи-

нансист Дж. Сорос, как минимум, по трем причинам:

- во-первых, рынок не отражает интересов общества;
- во-вторых, его структура не позволяет ему справедливо распределять любые ресурсы;
- в-третьих, финансовые рынки по природе своей нестабильны.

Рынок является мощным инструментом и для получения прибыли его хозяйствующими субъектами, и для реализации целей экономического развития, но сами эти цели сформулировать не может. Последнее – задача государства, исходящего из собственных представлений об общественных ценностях и социальной справедливости.

К сожалению, пока ни при формировании национальной идеи, ни в рамках программ долгосрочного социально-экономического развития страны российские властные структуры так и не сформулировали эти представления. И все же, как указано в Энергетической стратегии РФ на период до 2020 г., «целью энергетической политики является максимально эффективное использование природных топливно-энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для роста экономики и повышения качества жизни населения страны».⁸ Эта цель эффективного природопользования и расширенного воспроизводства энергетического потенциала равно важна и для государства, и для нефтегазового бизнеса.

При этом, как отмечают сами руководители энергетических компаний, для них **важно знать, при каких ценах государство определяет наиболее рациональные объемы будущего спроса и предложения на ТЭР.**

Государство, выполняя свои социальные функции, будет и впредь проводить собственную **ценовую политику** – где мерами

⁸ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. - Приложение к журналу "Энергетическая политика" - М: ГУ ИЭС, 2003.

антимонопольного регулирования, а где и директивным ограничением маржинальных (предельных) цен на продукцию естественных монополистов.

Еще более важно для бизнеса знать **инновационные приоритеты** государства, исходящие из тенденций развития мировой и отечественной науки об энергетике будущего и смежных отраслей.

Нефтегазовый бизнес начинает прислушиваться к общественному мнению и государственной позиции. И НГК важен для страны не только как средство инфраструктурного жизнеобеспечения и существенный источник пополнения бюджета, но и как мощное средство накопления совокупного капитала, включая социальный и человеческий. При этом природная рента и налоги на сверхприбыль компаний должны не просто пополнять стабилизационный фонд страны, а служить источником расширенного воспроизводства всего энергетического и социально-экономического потенциала страны.

Экологический фактор начинает играть все более заметную роль в поведении бизнеса. Следует исходить из того, что этот фактор должен рассматриваться не как ограничение для производства, а как одна из равноправных (наряду с экономическими и социальными показателями) составляющих бизнеса. Достаточно сказать, что внимание к экологическим аспектам существенно повышает капитализацию международных нефтяных компаний, с их учетом формируются приоритеты освоения новых месторождений и транспортных энергокоммуникаций. В известной степени задержка освоения арктического и дальневосточного шельфов, а также газовых месторождений Ямала вызвана именно нерешенностью экологических проблем.

Представляется, что ожидаемое потепление климата в мире в целом и в районах Северного Ледовитого океана увеличит навигационный период, следовательно, и эффективность морской транспортировки жидких углеводородов из районов Арктики. В то же время увеличится заболачивание всего Ямала, что выдвинет на пер-

вый план вариант освоения Бованенковского и других месторождений, находящихся в прибрежной зоне, не традиционным путем, с прокладкой коммуникаций по всей территории полуострова, а с шельфа, где одновременно могут сооружаться и мощности по сжиганию газа.

При этом сохраняются в неизменном виде и условия традиционного обитания малочисленных северных народов – важный аргумент для социально ориентированного нефтегазового бизнеса.

Среди механизмов взаимоотношения власти и бизнеса, помимо социально-экономических и экологических, важное значение имеют **механизмы нормативно-правового регулирования** деятельности хозяйствующих субъектов. Нынешнее общехозяйственное законодательство с выделением особенностей топливно-энергетического сектора (Налоговый кодекс, законы «О недрах» и «О техническом регулировании»), а также специальное энергетическое законодательство (закон «О газоснабжении в РФ», или будущий – «О магистральном трубопроводном транспорте», не говоря уже о целом пакете законов об электроэнергетике и путях ее реформирования), хотя и нуждаются в доработках и развитии, в целом позволяют бизнесу действовать в рамках некоторых правил, а государству – обеспечивать собственные интересы.

По-видимому, было бы целесообразно сегодня сосредоточиться не на внесении поправок в действующие законы и принятии отдельных новых, а на создании Горного и Энергетического кодексов, которые систематизировали бы действующее (возможно, скорректированное) законодательство для ТЭК и НГК в частности, а также обозначили основные приоритеты и направления его дальнейшего развития.

Начатая в 1995 г. работа в этом направлении требует, с учетом обобщения опыта последних лет и новой Энергетической стратегии, своего завершения.

Но сейчас **важнее, чем само законодательство, механизмы его реализации.** Мы все-таки живем «не по законам, а по

правилам». Наши законы обычно не имеют прямого действия, а носят во многом рамочный характер. Они содержат (и должны содержать) достаточно широкий набор механизмов государственного управления недропользованием и деятельностью ТЭК. В частности, законодательно должны быть прописаны равный допуск всех инвесторов к пользованию российскими недрами и всех производителей к общим энергетическим коммуникациям, равноправность (по крайней мере, недискриминационность) в доступе ко всем системам недропользования (и концессиям, и соглашениям о разделе продукции, и различным видам лицензионных соглашений).

В то же время правительство должно иметь механизмы, позволяющие индивидуально подходить и к отдельным месторождениям, и к отдельным производителям. Существуют же в Норвегии правила, по которым государство ежегодно устанавливает для каждого месторождения нормативные условия его освоения, нарушение которых может повлечь за собой даже изъятие лицензии.

Говорят, что при этом усугубится произвол коррумпированного чиновничества, как и при установлении дифференцированного налога на добычу полезных ископаемых. Возможно, но ... «волков бояться – в лес не ходить». Нынешняя упрощенная налоговая система с едиными нормативами платы за ресурсы с каждой добытой тонны нефти не стимулирует эффективное освоение недр, оно на руку только тем структурам, которые успели отхватить лакомые куски – запасы с низкой себестоимостью добычи. Китай до сих пор живет по постановлениям партии и правительства и неплохо развивается. А бороться с коррупцией чиновничества нужно, но другим ведомствам – не грех поучиться этому у тех же китайцев.

2.3. Многое зависит от государства

Значимость нефтегазовых ресурсов в современной экономике состоит не только в их важной роли в формировании доходов государственного бюджета, а также в обеспечении энергетических по-

требностей страны, но и в том, что НГК является одним из факторов экономического и политического суверенитета многих современных стран.

Именно по этой причине недра – точнее, нефтегазовые ресурсы в недрах – отнесены к государственной собственности, и государство определяет не только правила использования принадлежащей ему собственности, но, зачастую, и поиска, и разработки месторождений углеводородов.

С сожалением приходится констатировать, что в России до настоящего времени нет ясной и непротиворечивой государственной политики в нефтегазовом комплексе. А именно, нет ясных ответов на такие вопросы:

- Участие государства в собственности в НГК: в каких компаниях и в какой роли оно намерено присутствовать.
- Направленность различных форм и методов государственного регулирования развития НГК (например, научно-техническая политика в настоящее время дана на откуп компаниям-недропользователям, а основной акцент государство сделало на фискальное регулирование).
- Формы и методы реализации государством своего права собственника недр – как и каким образом будет обеспечиваться общественно приемлемая разработка нефтегазовых ресурсов (от формулировки требований до мониторинга и участия институтов гражданского общества).
- Формы участия государства в инфраструктурных проектах и, вообще, в освоении новых районов. Ведь новые проекты требуют сооружения магистральных трубопроводов, которые выходят далеко за рамки чисто инженерных проектов и связаны с освоением новых коридоров и новых направлений развития экономических и внешнеполитических связей.

Я за государственное влияние в отрасли. Ведь бизнес всегда развивается, достигая собственных целей за счет других. Сейчас же государство вместо того, чтобы влиять или регулировать, скатыва-

ется к примитивному прямому управлению собственностью в НГК.

На мой взгляд, для разрешения кризиса неэффективной системы государственного регулирования должны быть предприняты шаги и меры, приведенные на рис. 11.

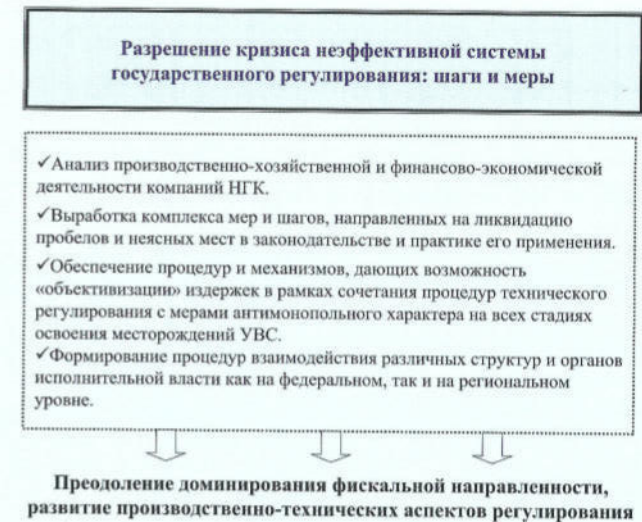

Рис. 11. Действия по преодолению кризиса

К сожалению, в НГК сейчас ощущается недостаток координирующего и управляющего государственного влияния. И дело здесь не в людях, а в системе, в структуре управления, которую мы так выстроили. Ответы на вызовы со стороны государства, прежде всего, состоят в гибкости и адекватности мер регулирования (Рис. 12), а ответы на вызовы со стороны НГК – в повышении эффективности производства и выходе на новые рынки (Рис. 13).

Одной из самых больших проблем, которая в немалой степени дезориентирует бизнес, является, несомненно, частая смена правил игры и значительная неопределенность ответов государства на поставленные выше вопросы.

Ведь они очень тесно связаны друг с другом, и их изолированное решение не может дать удовлетворительного результата. Так, например, вполне очевидно, что уход государства из акционерного капитала нефтегазовых компаний (что являлось одной из доминант во второй половине 1990-х) должен быть компенсирован формированием эффективного механизма реализации государством своего права собственника на природные ресурсы. К сожалению, период стабильно высоких цен на нефть на внешних рынках существенно отодвинул решение данной задачи – основные усилия были сосредоточены на том, как оценить и поделить экономическую ренту от благоприятной ценовой конъюнктуры.

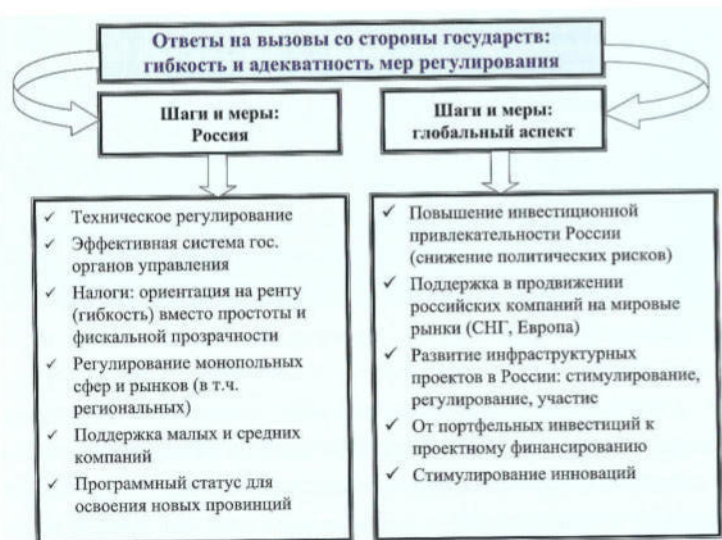

Рис. 12. Гибкость и адекватность мер регулирования

В то же время оценка, изъятие и аккумуляция экономической ренты, как показывают подходы и опыт ведущих индустриально развитых стран мира, является в значительной степени проблемой объективизации оценки основных факторов производства в

НГК. Решение данной проблемы в чисто фискальном русле наносит существенный ущерб динамике воспроизводства основных активов комплекса (в частности, под видом ренты изымается и часть амортизации введенных ранее активов, и тем самым уменьшаются возможности их воспроизводства).

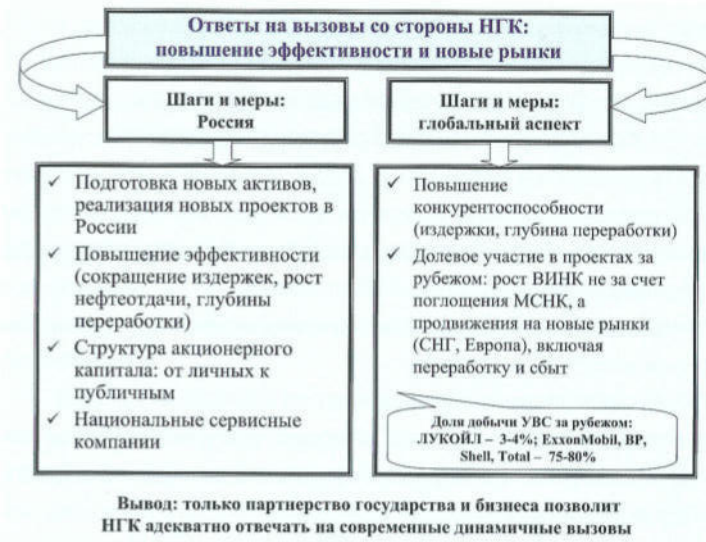

Рис. 13. Повышение эффективности и выход на новые рынки

Поэтому фактически и в этом году ответы на поставленные выше вопросы далеки от окончательных (для формирования стабильных условий воспроизводства активов НГК). Причем характер ответов определен не столько современной ситуацией, сколько решением задач, которые стояли перед комплексом в начале радикальных экономических преобразований.

Например, законодательство о недропользовании в основном было направлено на скорейшую реализацию принципа платности природопользования. Именно поэтому все процедуры были связаны с предоставлением прав на пользование недрами новым хозяй-

ствующим субъектам на платной основе.

Давно назрела и необходимость в расширении задач, решаемых государством в процессе недропользования, – от научно-технической политики до структурной (соотношения различных по размеру и типу компаний-недропользователей). К сожалению, затянувшаяся подготовка новой версии закона «О недрах» вновь отодвигает решение отмеченных выше проблем.

2.4. Как добиться гибкости государственного регулирования

В современном мире в сфере государственного регулирования НГК наблюдается очень большое разнообразие. Основные подходы направлены на регулирование:

- доступа к получению прав на пользование недрами месторождений углеводородов;
- условий пользования недрами;
- регулирование отдельных и, прежде всего, монопольных видов деятельности (например, таких, как магистральный трубопроводный транспорт).

Главной задачей регулирования является установление и поддержание эффективной производственной структуры в постоянно меняющихся горно-геологических, технологических и экономических условиях. Например, на стадии предоставления прав на пользование недрами закладываются и основы решения таких вопросов:

- привлечение компаний с большим производственным опытом;
- передача и распространение передовых технологий, навыков работы и управления компаниями;
- достижение заданных уровней добычи и утилизации углеводородов;
- поддержание необходимого уровня конкурентной среды в

различных сегментах НГК;

- обеспечение экологически безопасных условий разведки и разработки ресурсов углеводородов;
- получение заданных поступлений в государственный бюджет (бюджеты различного уровня при федеративном устройстве страны – собственника природных ресурсов);
- поддержание определенного уровня занятости в смежных отраслях (транспорте, обслуживании, машиностроении и др.).

Эти условия являются достаточно общими. Сегодня важно не изолированное регулирование указанных видов деятельности, а повышение адаптивности НГК к постоянным изменениям. Нельзя не согласиться с мнением заместителя председателя Совета по изучению производительных сил А. Арбатова о том, что отличительная особенность современного НГК – **нарастание изменчивости и неопределенности условий его функционирования и развития**⁹.

Анализ формирования и реализации бизнес-стратегий нефтегазовыми компаниями Западной Европы в 1990-е гг. показывает, что на изменения на Европейском рынке энергоносителей (принятие документов по его либерализации) они ответили, с одной стороны, увеличением операций в «даунстриме» (маркетинг, продажи, связи с потребителями) и, с другой стороны, расширением схем поставок, обеспечивающих большую гибкость для удовлетворения возросших требований потребителей.

Другой стратегический ответ – рационализация (снижение издержек) и рост компаний для использования преимуществ экономики от масштаба. Эта стратегия реализовалась в целом ряде слияний и поглощений, которые произошли на Европейском энергетическом рынке в 1990-е годы. В результате в Европе в конце 1990-х – начале 2000-х годов возникли новые крупные компании, которые ведут свой бизнес как на территории ряда стран, так и в рамках от-

⁹ Арбатов А. "Отрасль в сослагательном наклонении" - "Нефть России", № 1, 2005, - стр. 5-7.

дельных секторов (нефти, газа, электроэнергии и теплоснабжения).

Изменения в регулировании на Европейском энергорынке сформировали и новые риски (связанные с антимонопольным воздействием и усилением экологических требований) нефтегазовых компаний, ответом которых стало укрепление своих позиций на стадиях поиска, разведки и добычи углеводородов.

Не вызывает сомнения то, что основной акцент при формировании нового регулирующего механизма должен быть сделан на обеспечении гибкости и адекватности реакции государства и компаний на меняющиеся условия функционирования в рамках современной глобальной и внутрироссийской экономической и энергетической ситуации. К сожалению, Россия слишком задержалась на стадии формирования основ современного механизма функционирования НГК в рыночной экономике.

Так, научно-техническая политика в нефтегазовом комплексе России отличается большим своеобразием. По-прежнему основная добыча нефти (свыше 60%) обеспечивается за счет ранее введенных (в прошлом – крупнейших) месторождений, продолжается также господство сложившегося ранее технологического уклада¹⁰ с присущими ему формами координации деятельности хозяйствующих субъектов (например, абсолютная монополия «Газпрома» на рынке услуг по транспортировке газа). Повышение маневренности НГК существенно зависит от скорости расширения производст-

¹⁰ Так, еще в 1991 г. в докладе "Некоторые аспекты привлечения и участия иностранных инвесторов в решении проблем нефтяной промышленности", подготовленном к заседанию Президентского совета СССР, отмечалось, что "...в решении проблем технического перевооружения мы немалую роль отводим использованию зарубежного опыта, практики и инвестициям иностранного капитала. Советские нефтяники немало потеряли из-за политики самоизоляции. Через валюту мы сможем "притянуть" большому машиностроению то, что уйдем за покупками на внешний рынок, если они не захотят пойти нам навстречу (при взаимовыгодных, конечно, условиях). Через валюту мы думаем помогать машиностроителям и другим смежникам в плане технического переоснащения их отраслей..." - архив автора.

венных возможностей и, соответственно, от привлечения инвестиционных ресурсов.

К числу важнейших черт протекания данных процессов в НГК следует отнести:

- весьма слабую связь научных, технических и технологических процессов с динамикой преобразований в бизнес-структурах и в целом с организацией бизнес-процессов;
- ориентацию на инновационные проекты самого нижнего уровня, например, повышение нефтеотдачи на отдельных скважинах и участках месторождений;
- преимущественную ориентацию на улучшение использования созданного ранее производственно-технологического потенциала – месторождений и объектов, полученных в ходе приватизации или конкурсов, а также ранее опосредованных зон и разведанных объектов;
- трудоемкие процессы, направленные на повышение эффективности освоения ресурсов (запасов) недр и, тем самым, на улучшение использования материально-технологических активов;
- в целом «догоняющий» тип инновационных процессов в НГК: на протяжении всех 1990-х и в начале 2000-х приводились в соответствие технологии и формы организации работы российских нефтегазовых компаний (самого разного типа) с теми, которые уже были апробированы в мире.

Рациональная стратегия развития отечественного НГК должна сделать приоритетными инвестиции и инновации (Рис.14).

Надо четко уяснить: именно через эти механизмы и возможно развитие. При этом **инновации автор предлагает рассматривать не в аспекте внедрения чего-то нового (оборудования и технологий), а как комплекс государственных мер, позволяющих через НГК оживлять и поднимать смежные отрасли, переходить на наукоемкий путь развития.**

Как уже отмечалось в 1-й главе, в сегодняшней модели раз-

вития ресурсы (нефть и газ) и капитал – российские, а технологии, сервис, кадры (в ТНК-ВР работает уже 3 тыс. специалистов из-за рубежа) – иностранные. Безусловно, это сырьевой путь. Но у нас есть и отечественные технологии, оборудование, сервис, специалисты. Все это необходимо рационально совместить, но не хватает координации эффективной деятельности в подобном направлении (а также и профессионализма в принятии решений).

Новая парадигма развития: инвестиции и инновации

Формирование условий функционирования и устойчивого развития минерально-сырьевого сектора, как одного из наиболее приоритетных и социально-экономически значимых секторов российской экономики

Создание и закрепление условий и предпосылок развития минерально-сырьевого сектора на основе отечественного научно-технического и кадрового потенциала.

Усиление интеграции и взаимодействия минерально-сырьевого сектора с высокотехнологичными и передовыми секторами российской экономики.

Формирование современной и эффективной схемы взаимодействия государства и минерально-сырьевого сектора

Новая парадигма исходит из того, что современный минерально-сырьевой сектор должен стать одним из факторов повышения научно-технического уровня всей российской экономики

Рис. 14. Стратегия развития НГК

Был и есть единственно верный и возможный подход к реализации подобных решений – формирование эффективной системы технического регулирования и обеспечение ее тесной взаимосвязи с процедурами формирования и мониторинга условий пользования участками недр. Государство, как собственник недр, имеет на это полное право!

Уже сейчас НГК, хотя он и так достаточно технологичен, мог бы

«поглотить» с пользой для дела любые сверхсовременные технологии. Нефтегазовый сервис важен не сам по себе. Это серьезный ресурс для государства по улучшению ситуации в экономике. Это инструмент снижения затрат нефтяников, полигон для применения новых технологий и оборудования и механизм разрешения дилеммы – сырьевая страна Россия или нет. Через сервис возможно и необходимо инвестировать финансовые ресурсы нефтегазового сектора в другие отрасли, чтобы Россия стала зарабатывать не только и не столько на нефтегазодобыче, сколько на технологиях и оборудовании.

В современном нефтегазовом бизнесе выигрывает тот, кто обеспечивает необходимую гибкость и одновременно эффективность функционирования НГК. Автор считает, что сохранение значительной роли в экономике страны этого комплекса и достижение его гибкости на основе инновационно-ориентированных подходов – не только не противоречат друг другу, но и подразумевают совместное решение проблем. Это предполагает:

- формирование и закрепление условий и предпосылок функционирования и развития НГК на основе отечественного научно-технического и кадрового потенциала;
- усиление интеграции и взаимодействия НГК с высокотехнологичными и передовыми секторами российской экономики;
- формирование современной и эффективной схемы взаимодействия государства и НГК – создание основ его эффективного государственного регулирования.

Под инновационным процессом мы понимаем непрерывный поиск и реализацию новых научно-технических и технологических решений с целью повышения эффективности функционирования и развития комплекса. Этому направлению развития реальной альтернативы просто нет. Рассуждения о перераспределении ресурсов в другие высокотехнологичные отрасли и в другие сферы экономики в целом лишены реальных оснований.

Россия есть и будет страной с ресурсной ориентацией экономики, но на новой научно-технической основе (с использованием

лучших традиций отечественной высшей школы, науки и машиностроения). Основная цель преобразований в середине 1980-х – «ускорение научно-технического прогресса». Поэтому отсутствие эффективного подхода к формированию новой парадигмы фактически будет означать провал и растрату впустую тех колоссальных издержек, на которые шла Россия в течение последних почти двадцати лет.

В мире, как известно, стремительно развиваются инновационные процессы в сырьевом секторе. В числе основных причин (особенностей):

- стремление к стабильности поставок сырья на рынки индустриально-развитых стран;
- активная роль государства и в целом системы государственного регулирования повышения научно-технического уровня сырьевого сектора экономики (США, Канада, Великобритания, Норвегия);
- развитие и распространение кооперации компаний самого различного профиля для создания и скорейшего промышленного применения новых технологий.

Динамика инновационных процессов зависит как от характера и направленности государственной научно-технической политики, так и от комплекса условий, в которых приходится работать участникам НГК. Все механизмы государственного регулирования (предоставление прав на пользование недрами, налоговая, ценовая, инвестиционная, антимонопольная, научно-техническая политика), непосредственное участие государства в хозяйственной деятельности влияют на динамику разработки и применения новых технологий.

Можно утверждать: какова модель государственного воздействия, такова и модель инновационного развития НГК. Но, к сожалению, об инновациях как о тенденции развития ТЭК пока говорить не приходится. Особенности создания и применения технологий в отрасли являются:

- отсутствие государственных приоритетов в данной области;
- разрыв когда-то существовавшей связи «наука – машиностроение – НГК»;
- низкий технический уровень отечественных машин и оборудования, поставляемых НГК;
- увеличение поставок наукоемкого иностранного оборудования (даже по тем его видам, где ранее имелось конкурентоспособное отечественное оборудование);
- не всегда оправданное расширение сферы деятельности иностранных сервисных и инжиниринговых компаний;
- нарастание проблем с обеспечением нужного качества образования и подготовки специалистов – как для практических нужд, так и для работы в научно-технологической сфере.

В конечном счете, нарастает зависимость НГК России от поставок современного оборудования из-за рубежа.

По мнению автора, негативные тенденции в повышении научно-технического уровня НГК России связаны со следующими обстоятельствами:

- в общем и целом – с отсутствием современной системы государственного регулирования;
- с поспешным отказом от ранее созданной системы «внедрения достижений научно-технического прогресса» в хозяйственную практику;
- с наличием у подавляющего большинства компаний значительного фонда месторождений, доставшихся во многих случаях по крайне низким ценам (что не стимулирует получение адекватной отдачи на вложенный капитал и позволяет обеспечивать стабильно высокие уровни добычи за счет перехода с лучшей части одного месторождения на лучшую часть другого).

России необходима такая **модель развития**, в основе которой лежат **российские ресурсы, технологии, оборудование, сервис и активное привлечение иностранного капитала** (Модель 2, Рис.5). Реализация данного подхода предполагает:

- воссоздание (на новом качественном уровне) связей отечественной науки и машиностроения с сырьевым сектором;
- формирование промышленной политики, обеспечивающей приоритетное развитие наукоемких производств (особенно имеющих «двойное» назначение – и для НГК, и для других секторов российской экономики);
- приведение в соответствие с современными требованиями квалификационных условий по подготовке и переподготовке российских специалистов;
- более широкое привлечение иностранных инвестиций – и на заемной основе, и на основе прямого участия иностранных компаний (тема отдельного большого разговора – однако очевидно, что ни СРП, ни концессии в отдельности эту проблему не решат).

Перевод функционирования и развития НГК на инновационный путь как раз и является одним из общегосударственных приоритетов. Это подразумевает крупные долгосрочные инвестиции и в добычу минерального сырья, и в развитие новой высокотехнологичной инфраструктуры и наукоемкого сектора экономики.

Для таких инвестиций необходима долгосрочная стабильность.

Поэтому главным элементом государственной политики является обеспечение стабильных «правил игры», закрепленных в законах. Важнейшая особенность НГК России – неблагоприятные естественные характеристики активов (прежде всего, ухудшение показателей вводимых в освоение и разработку месторождений углеводородов). Россия может сгладить подобные негативные тенденции только одним – эффективностью и гибкостью механизма регулирования комплекса и, в конечном счете, повышенной эффективностью работы недропользователей на более сложных и более капиталоемких месторождениях.

2.5. Как обеспечить общественно приемлемую разработку ресурсов?

В соответствии с Конституцией РФ вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. А государство – как ключевой собственник природных ресурсов – должно быть заинтересовано в их рациональном и эффективном освоении и использовании. Однако, как уже было отмечено выше, отсутствие целостной системы государственного регулирования процессов недропользования в сочетании с усиленной фискальной ориентацией отдельных ее фрагментов привело к тому, что компании НГК России нашли весьма специфические решения возникших проблем.

В 1990-е годы широкое использование различных схем «оптимизации» деятельности, а также повсеместный отход от условий и требований лицензионных соглашений стали реакцией бизнеса на несовершенство государственного регулирования.

В конце 1990-х – начале 2000-х наиболее впечатляющих результатов в приростах добычи нефти добились «Юкос» и «Сибнефть». При этом наряду с применением новых технологий компании в начале 2000-х провели реструктуризацию, внедрили программы корпоративного управления и международные стандарты бухгалтерского учета. Результаты не замедлили сказаться – текущие затраты на добычу (без учета амортизации) уже несколько лет находятся на уровне 2–3 долл. за баррель. Выходит, данный показатель сопоставим с аналогичным у Саудовской Аравии?

Такое утверждение было бы не совсем верным. Прежде всего здесь необходимо отметить, что особенностью развития нефтяной промышленности России в 90-е годы было преимущественное использование ранее созданного производственно-технического потенциала. Нефтяные компании разрабатывали (или интенсифицировали разработку) ранее введенные месторождения (или – даже в большей степени – отдельные высокопродуктивные участки дан-

ных месторождений). Интенсификация введенных ранее месторождений, а также вовлечение в разработку спутниковых месторождений позволили нефтяным компаниям существенно снизить издержки на добычу нефти и в полной мере использовать те преимущества, которые предоставила благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура.

«Юкос» за счет внедрения новой методики управления фондом скважин и усовершенствования систем заводнения удалось существенно нарастить добычу без значительного бурения новых скважин, а также повысить эффективность использования действующего фонда. Кроме того, для снижения издержек «Юкос» активно привлекал западные сервисные компании, владеющие наиболее эффективными технологиями. Вместе с тем результаты этой работы стали основанием для возбуждения уголовного дела. В числе причин – отсутствие действующих современных технических регламентов и ориентация на проектные решения, принятые до появления новых методов повышения эффективности фонда скважин.

Современные технологии горизонтального бурения, строительства многоствольных скважин, бурения боковых стволов, гидроразрыва пластов, максимизации давления в пласте и в забое и использования систем заводнения оказываются менее капиталоемкими по сравнению с бурением новых скважин. Именно поэтому, например, дочерняя компания «Сибнефти» – «Ноябрьскнефтегаз» предполагала в 2004 г. сократить объем капитальных вложений по сравнению с 2003-м на 30%, до 8,4 млрд. руб. Пик капитальных вложений компании пришелся на 2002 г., когда они составили (без затрат на бурение) около 13 млрд. руб. По данным ЦДУ ТЭК, российские вертикально интегрированные нефтяные компании за первые девять месяцев 2004 г. сократили проходку в бурении на 4,7% по сравнению с тем же периодом 2003 г. Сильнее всего упало разведочное бурение – на 20,6%. В эксплуатационном бурении

¹¹ "Россия в цифрах, 2004", стр. 363.

общее падение составило лишь 3,4%.

В 2004 г. по сравнению с 2003-м почти в два раза снизились капиталовложения в НГК. Сокращение инвестиций в добычу нефти и подготовку новых запасов происходит на фоне беспрецедентно высоких цен на нефть на внешнем рынке. В то же время увеличиваются долгосрочные финансовые вложения – только в 2003 г. они выросли в ... 4,8 раза!¹¹

Не случайно результаты деятельности ведущих компаний в малой степени отражаются на динамике основных показателей работы нефтедобывающей промышленности. Наиболее весомым показателем результатов освоения запасов углеводородов является, как известно, коэффициент извлечения нефти (КИН). С конца 1960-х КИН в России неуклонно снижается – с 50 до 36% в 2002 г. Только за последнее десятилетие этот показатель отстает на 3–4% в год¹².

Противостоять этой негативной тенденции может изменение системы технического регулирования освоения и разработки месторождений углеводородов. Задача состоит в том, чтобы обеспечить благоприятную динамику издержек не только усилиями компаний, но также и посредством институциональных инноваций (связанных с формированием благоприятного инвестиционного климата, а также с изменением норм и правил взаимодействия компаний, с совершенствованием структуры НГК). Это достаточно сложная задача даже для устойчиво функционирующей экономики рыночного типа, и тем более – для переходной экономики.

Первопроходцем в данном направлении стал Ханты-Мансийский автономный округ. В 2002–2003 гг. на его территории был создан, утвержден и начал вводиться в действие ряд предварительных стандартов – таких, например, как «Организация мониторинга разработки нефтяных и газонефтяных месторождений на территории ХМАО».

Принятый в 2002 г. закон РФ «О техническом регулировании» открывает реальные возможности создания системы мониторинга

¹² Родионов И. "Новое или "хорошо добытое" старое" - "Нефть России", 2003, № 12. - стр. 72-73.

и контроля над разработкой месторождений углеводородов. Формирование реальных процедур регулирования требует целенаправленных и скоординированных усилий не только различных федеральных ведомств, но также и взаимодействия между федеральными и региональными органами власти. Следует отметить, что до настоящего времени ни правовой статус проекта разработки месторождения, ни роль данного документа в регулировании процессов освоения и разработки месторождений не определены и не установлены.

Автор считает, что более целесообразным является формирование системы регламентов технического регулирования, которые по своей сути будут являться типовыми требованиями к недропользователям. Только при наличии данных регламентов (типовых требований) имеет смысл развивать и расширять применение контрактных форм при определении прав и обязанностей и государства, и недропользователя.

Техническое регулирование наряду с регулированием структуры НК является одним из важнейших и неотъемлемых условий прозрачности издержек недропользователей на всех стадиях разведки, освоения и разработки месторождений углеводородов. В свою очередь более прозрачные процедуры формирования издержек позволят применить гибкую и ренто-ориентированную систему налогообложения в НК.

2.6. Налогообложение: наступаем на те же грабли

Основы действующего в России платного недропользования (система налогов и платежей при пользовании недрами) регулируются законом РФ «О недрах» (последние изменения внесены в 1995 г.), а также Налоговым и Таможенным кодексами РФ. Платное недропользование имело свои существенные особенности в различные периоды времени (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1. Налоги в нефтедобывающей промышленности России

Налоги и платежи	1992-1995 гг.	1996-1998 гг.	1999-2001 гг.	2002-2003 гг.	2004-2005 гг.
Содержание этапа	Формирование системы платного недропользования	Повышение роли налоговой политики регионов	Эффективное трансфертное ценообразование (ТЦ) в рамках НК	Кардинальная налоговая реформа в НК	Усиление налоговой нагрузки в НК
Роялти, отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы (ВМСБ)	Возможность применения ТЦ	ТЦ для обеспечения нормальной рентабельности НК	ТЦ для изъятия рентного дохода в пользу НК	—	—
Акциз на нефть	Адвалорная и специфические ставки, дифференциация	Специфическая ставка (руб./т), дифференциация	Специфическая ставка (руб./т)	—	—
Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ)	—	—	—	Специфическая ставка (руб./т)	Рост базовой ставки, с 2006 г. - переход к адвалорной
Экспортная пошлина	Нежесткая зависимость от мировых цен	Нежесткая зависимость от мировых цен	Нежесткая зависимость от мировых цен	Жесткая зависимость от мировых цен	Новая шкала: повышение нагрузки при высоких ценах
Налог на прибыль	Применение инвестиционной льготы	Применение инвестиционной льготы	Применение инвестиционной льготы	Отмена инвестиционной льготы, снижение номинальной ставки	—
Уровень мировых цен на нефть ¹	Средний	Низкий	Средний/высокий	Высокий	Очень высокий
Уровень налоговой нагрузки	Средняя	Высокая	Низкая ²	Высокая	Очень высокая
Тенденции налоговой нагрузки	Повышение: новые специальные налоги	Повышение из-за низких цен	Снижение: рост цен на УВС	Резкое повышение: защита от ТЦ	Повышение: новые формулы расчета налогов

Примечания: 1. Ключевым фактором, влияющим на налоговую нагрузку, является не только система налогообложения, но и уровень цен на углеводородное сырье (УВС).

2. Снижение роли акциза на нефть (специфическая ставка): ставка

акциза существенно отстала от темпов инфляции.

3. В условиях ТЦ и роста мировых цен на нефть - сокращение налоговой нагрузки.

В настоящее время специфические налоги и платежи (характерные для горно-добывающей промышленности) ориентированы на изъятие государством ренты при высоких ценах на углеводороды на внешнем рынке.

Следует отметить, что действовавшее с 1992-го по 2001 год, налогообложение нефтедобывающих предприятий позволяло в определенной мере учитывать особенности различных месторождений. Ставки регулярных платежей (роялти) с 1992 г. (после вступления в силу закона «О недрах») были установлены в пределах от 6 до 16% от стоимости добытой нефти. Это позволяло по каждому лицензионному участку назначать ставку с учетом горно-геологических, природно-географических и экономических показателей его освоения. Средний показатель роялти по России составлял 8,9%. Кроме того, законом «О недрах» было предусмотрено, что ставка может быть и меньше 6%, если недропользователь разрабатывает трудно-извлекаемые запасы.

С 2001 г. были введены в действие главы второй части Налогового кодекса по НДС, акцизам, налогам на доходы физических лиц и единому социальному налогу. Снижение ставки по налогу на прибыль организаций до 24% позволило отказаться от многочисленных налоговых льгот и вычетов. С 2002 г. вступили в силу главы Налогового кодекса, регламентирующие порядок обложения налогом на прибыль, налогом на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и работы в режиме СРП.

С введением НДПИ были отменены регулярные платежи за пользование недрами (за добычу полезных ископаемых), отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы (ВМСБ), акциз на нефть. Вместо дифференцированной ставки налога, которая устанавливалась органами исполнительной власти, теперь действует единая на добычу полезных ископаемых.

Налоговые и финансовые органы пока не считают возможным учитывать при налогообложении горно-геологические особенности

месторождения и месторасположение объектов НГК. В 1999 г. налоговые изъятия составляли около 30 долл. на тонну нефти, из них платежи за пользование природными ресурсами – всего 5 долл. В 2000 и 2001 гг. рост изъятий происходил главным образом за счет увеличения таможенной пошлины. Платежи за пользование природными ресурсами прирастали без резких изменений. Скачок (в 2,4 раза) произошел в 2002 г., когда был введен НДПИ. Он составил в 2002 г. почти 39% от всех налоговых изъятий в расчете на одну тонну.

Российская налоговая система отличается не столько высоким совокупным уровнем налогообложения, сколько сочетанием высокой эффективной налоговой ставки (доли налогов в цене) и нестабильностью налогообложения. Именно это обстоятельство создает сложности при реализации долгосрочных инвестиционных проектов в НГК.

Справедливости ради стоит отметить, что именно укрепление олигархического капитала заставило власти перейти к упрощенной, фискальной системе взимания налогов (Рис. 15). О развитии отрасли говорить уже не приходится, бессмысленно в чем-то обвинять как руководителей, так и собственников компаний. А все потому, что примитивные фискальные методы не способствуют снижению затрат и повышению эффективности работы. А монополизм, утвердившийся в отрасли, работает на завышение затрат. Это, конечно, парадокс.

В настоящее время обсуждаются следующие основные изменения в системе налогообложения НГК.

2.6.1. Дифференциация НДПИ

На заседании Государственного совета 24 декабря 2004 г. президент Татарстана М.Ш. Шаймиев заявил, что единая плоская шкала НДПИ – это демонстрация недоверия федерального центра к региональному руководству¹³. В Налоговом кодексе и законе о его вводе

¹³ «Известия» от 28 декабря 2004 г.

в действие запланировано, что с 2006 г. ставка НДС станет адвалорной – 16,5% от цены реализации нефти. С 2006 г. суммарный налог будет зависеть не только от экспортной цены, но и от ряда поправочных коэффициентов. *Дифференцированная ставка станет эффективной только при условии, что критерии отнесения месторождения к той или иной категории будут объективными и прозрачными – без них оценить издержки и, следовательно, реально допустимую базу налогообложения для нового проекта невозможно.*

Рис. 15. Система взимания налогов

В свою очередь, добиться объективности и прозрачности можно только в рамках формирования современной системы технического регулирования процессов освоения и разработки месторождений полезных ископаемых (которая в России пока не создана).

2.6.2. Введение нового налога на дополнительный доход

По мнению Минфина, нефтяные компании получают сверхприбыли в случае, когда цена нефти марки Urals превышает 25 долл. за баррель. Доходы сверх этой суммы облагаются дополнительными налогами. Причем государство уже забирает около 90% этих средств, которые прибавляются к базовой ставке экспортной пошлины. Правда, как показало исследование Альфа-банка под названием «Миф о налоговой нагрузке в 90%», нефтяникам на самом деле остается от 18 до 24% чистой прибыли¹⁴. В то же время для изъятия оставшейся сверхприбыли Минфин считает необходимым ввести новый налог – на дополнительный доход, который должен учитывать особенности отдельных месторождений. Предполагается, что он будет рассчитываться исходя из размера затрат на разработку конкретного месторождения и получаемых доходов.

2.6.3. Сужение сферы применения трансфертного ценообразования

Подготовлены поправки в статьи 20 и 40 Налогового кодекса, касающиеся трансфертного ценообразования. В соответствии с данными поправками вертикально интегрированным структурам (таким, как нефтяные компании) придется заранее обосновывать перед налоговыми органами, что применяемые внутри зависимых компаний цены не ниже и не выше рыночных. Законопроект расширяет список критериев, по которым компании могут быть признаны взаимозависимыми. Налоговые органы будут контролировать все сделки между такими компаниями, а также внешнеторговые операции, бартерные сделки и сделки с зачетом права требования.

¹⁴ Тутушкин. Нефть дорожает - прибыль растет. - "Ведомости" от 15 апреля 2005 г.

Основная проблема налогообложения НГК – сохраняющаяся фискальная ориентация. Вместе с тем реализация новых инвестиционных проектов требует учета их долгосрочности и капиталоемкости. Так, например, «Транснефть» предложила правительству предоставить ей налоговые льготы по налогу на прибыль, имущество и на добавленную стоимость на период строительства и окупаемости ответвления Восточного нефтепровода на Китай. Ранее при реализации подобного экспортного проекта «Голубой поток» «Газпрому» в 1999 г. удалось получить беспрецедентные льготы. Подрядчики по проекту были освобождены от части налогов, таможенных пошлин и сборов, «Газпром» и «Газэкспорт» – от налогов и таможенных пошлин, связанных с поставками газа. В результате монополия, по оценке Счетной палаты, сэкономила свыше 1 млрд. долл.

2.6.4. Стимулирование добычи за счет снижения нагрузки на нефтяной сектор

Правительство РФ поручило заинтересованным ведомствам разработать комплексный план стимулирования роста нефтедобычи¹⁵. Об этом сообщил директор департамента макроэкономического прогнозирования Минэкономразвития Андрей Клепач. По его словам, этот план будет включать предложения по изменению налоговой нагрузки на нефтедобывающий сектор. Пока согласована только одна позиция — в 2006 г. не будет увеличен акциз на нефтепродукты. При реализации правительственного «плана стимулирования добычи» была сохранена на 2006 г. прежняя ставка НДС на нефть (по природному газу в июле 2005 г. было законодательно проведено увеличение ставки НДС со 135 до 147 руб. за тыс. м³). В то же время рассматриваются предложения по дифференциации акцизов и введению трехлетнего плана их изменения. Также обсуждаются предложения по дифференциации НДС хотя бы с 2007 г.

¹⁵ Информация агентства АК&М от 30 мая 2005 г.

Рассматривается и возможность «отвязать» ставку НДС в отношении нефти для внутреннего рынка от мировой цены. В то же время власти пока не объявили о переходе с 2006 г. на адвалорную ставку. Возможно, потому, что в России до сих пор нет реальной рыночной стоимости нефти, и сохраняется возможность злоупотребления компаниями трансфертными ценами.

2.7. Участие государства в инфраструктурных проектах

Современная ситуация в нефтедобывающей промышленности России характерна тем, что:

- основная добыча нефти сосредоточена в старых, ранее введенных в разработку районах – прежде всего в ХМАО и Татарстане;
- добыча нефти на ранее введенных месторождениях отличается высокой интенсивностью отборов, что приводит к резкому снижению доли высокоэффективных запасов в активах добывающих компаний;
- в то же время вновь открываемые месторождения в старых районах отличаются чрезвычайно «тяжелой» экономикой и условиями ввода их в разработку (в 1990-х средний объем запасов вновь открываемого месторождения в ХМАО приблизился к 1 млн. т.).

Несмотря на относительно высокую обеспеченность российских компаний запасами в недрах (примерно в 2–2,5 раза выше, чем у ведущих мировых компаний), они отличаются очень неблагоприятными экономическими показателями. Чтобы нивелировать ухудшение качества сырьевой базы в старых районах, российским компаниям (и не только им) остро необходимо выходить в новые районы добычи с новыми, крупными месторождениями.

К числу районов с такими запасами в России относятся: север Красноярского края и Эвенкия, Ненецкий АО, шельфы Каспийско-

го, Охотского и Баренцева морей. Следует отметить, что отечественный бизнес не имеет опыта реализации новых проектов в неосвоенных районах.

Специфическая российская особенность подхода к новым проектам, расположенным в северных регионах страны, состоит, пожалуй, в том, что северная компонента как таковая в нефтегазовой политике страны отсутствует. В этой ситуации активную роль играли или играют не столько государство, сколько отдельные компании – такие, как «Юкос» при разработке месторождений Эвенкии, «Лукойл» – в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, «Газпром» – при освоении залежей Ямала и шельфа Баренцева и Карского морей. **Российские компании выступают в роли, изначально предназначенной для государства, – формируют контуры и содержание региональных программ по освоению и разработке месторождений углеводородов.**

Представляется необходимым консолидировать усилия и государства, и бизнеса и восстановить доверие для обоюдной заинтересованности в долгосрочном развитии НГК на современной научно-технической основе. Обеспечить данную консолидацию может лишь эффективная система регулирования недропользования – прежде всего на региональном уровне. Нет никакой альтернативы пути, предполагающему динамичное и цивилизованное (на основе рыночных принципов в сочетании с эффективным государственным регулированием) развитие минерально-сырьевого сектора в интересах всего общества.

Следует отметить, что реализация данного подхода требует не только целого ряда последовательных и целенаправленных мер и шагов, но, прежде всего, консолидации усилий власти, бизнеса, науки. Ослабление государства и окончательная утрата лидирующих позиций в научно-технической области неизбежно приведет также к ослаблению позиций и российских компаний – как бы высоко они ни поднимались в текущих бизнес-рейтингах.

Все более очевидной становится необходимость участия государства в инвестиционной деятельности – особенно в развитии инфраструктуры новых проектов. Главная проблема северных и новых для освоения территорий – значительная удаленность от рынков сбыта и плохо развитая инфраструктура. Из-за этого практически все крупные инвестиционные проекты в данных регионах находятся на пределе рентабельности.

Один из вариантов решения данной проблемы – реализация подобных проектов в форме государственно-частного партнерства. При этом, как отмечают специалисты Всемирного банка¹⁶, единой модели не существует. В некоторых странах упор делается на создание новых объектов инфраструктуры, в других – на повышение эффективности работы существующих. В одних странах от бизнеса требуются крупные капиталовложения, а в других его роль ограничена эксплуатацией или управлением объектами инфраструктуры.

Для привлечения частных инвестиций в инфраструктурные проекты с длительными сроками окупаемости государству необходимо обеспечить более детальную нормативно-правовую базу, чем для большинства других секторов экономики. В то же время соглашения в рамках государственно-частного партнерства являются одними из самых сложных видов соглашений, которые заключаются властями.

Принципиальные особенности новых проектов – высокие затраты на инфраструктуру районов, необходимость формирования координационных процедур и подходов к согласованию интересов различных компаний – владельцев лицензий при использовании недр, а также условий и предпосылок долгосрочного социально-экономического развития осваиваемых территорий.

Не менее важная принципиальная черта проектов в новых районах – невозможность решения проблемы только в рамках подходов, ориентированных на чистую коммерческую эффективность проектов по освоению месторождений углеводородов.

¹⁶ У. Смит "Испытание партнерством" - "Ведомости" от 21 февраля 2005 года.

Ни один из новых проектов в северных регионах мира (Норвегия, Гренландия, Ньюфаундленд, северо-западные территории и Юкон (Канада), Аляска (США)) не рассматривался и не реализовывался в отрыве от социально-экономических проблем развития территории. Только «региональная аргументация», например, позволила сдвинуть с мертвой точки освоение месторождения «Snohvit» («Белоснежка») в норвежском секторе Баренцева моря (ЕС опротестовал в 2002 г. предложения правительства Норвегии по предоставлению налоговых льгот нефтегазовым компаниям, участвующим в данном проекте, на основании отрицательной его рентабельности в первые годы).

Все отмеченные выше особенности, если рассматривать их в совокупности, предполагают применение процедур и подходов, основанных на программном принципе, а также на активном участии государства (как на федеральном, так и на региональном уровнях) в реализации новых проектов в неосвоенных районах.

Наиболее приемлемой моделью реализации этих проектов является подход, основанный на:

- единой программе разведки, освоения и разработки месторождений (что предполагает не только определенную – экономически целесообразную – очередность освоения, но также и общую программу формирования и развития инфраструктуры);
- согласованной технологической схеме освоения и разработке близлежащих объектов;
- синхронизации всех работ по освоению и разработке с решением социально-экономических проблем территории таким образом, чтобы обеспечить устойчивость ее экономики в долгосрочной перспективе.

Помимо чисто программных элементов это предполагает создание структур по реализации проекта – компаний-операторов (в российском законодательстве о недропользовании возможность создания таких компаний пока только декларируется), а также системы государственного мониторинга за ходом работ.

Существуют две модели осуществления подобных проектов:

- унитарная, которая реализуется в настоящее время (все риски несет одна компания);
- федеративная – наличие независимых компаний-недропользователей и координация их деятельности (соответственно, риски делятся между всеми участниками проекта).

Унитарная модель в современных условиях чревата повышенными издержками для компании-недропользователя, вдобавок фактически ставит территорию в зависимость от одной компании (какой бы патриотичной и государственно-ориентированной она ни была). Более адекватной и с точки зрения бизнеса, и с точки зрения территорий является федеративная модель.

К числу новых проектов, несомненно, относится разработка Ванкорского месторождения на севере Красноярского края. Для «Роснефти» оно является приоритетным (т.к. позволило значительно нарастить ресурсную базу компании). В 2004 г. «Роснефть» провела геологоразведку на Ванкоре и получила прирост запасов в 15 млн. т (при плане – 5 млн. т.). Затраты на геологоразведку составили около 60 млн. долл. По прогнозам специалистов, запасы месторождения вполне могут превысить 250 млн. т. Первоначальные дебиты скважин превысили все прогнозные оценки и составили до 500 т в сутки, что является одним из лучших показателей в Восточной Сибири¹⁷. До конца 2007 г. компания намерена потратить на освоение Ванкорского месторождения до 1,2 млрд. долл. (в целом проект оценивается в 2,3 млрд. долл., на 70% этого объема инвестиций предполагается привлечь заемные средства) и добывать по 6 млн. т в год.

Всего «Роснефть» имеет годовые лицензии на разведку залежей 10 участков недр с возможными запасами более чем в 700 млн.т. В том числе: прилегающие с юга к Ванкору Западно-Лодочный, Восточно-Лодочный, Советский, Полярный, Нижнебайхский, Лебяжий (на территории Туруханского района Красноярского края), Байка-

¹⁷ Ключ к Восточной Сибири // Нефть России. - № 2. - 2005. - с.20 - 23.

ловский, Проточный, Песчаный, Самоедовский – в Усть-Енисейском районе Таймырского автономного округа.

Эффективность реализации Ванкорского проекта может существенно повыситься при подключении к нему месторождений, лицензиями на которые владеют и другие компании. Так, ТНК-ВР в 2004 г. приобрела у «Славнефти» (ее акциями на паритетных началах владеют «Сибнефть» и ТНК-ВР) лицензии на Тагульское и Сузунское нефтегазовые месторождения (запасы которых составляют 90 млн т, но требуется доразведка и нет необходимой для добычи инфраструктуры), входящие в Ванкорский блок, а также на Паяхское нефтяное месторождение в Таймырском АО.

Все изложенное позволяет утверждать, что основная проблема перехода от функционирования в условиях переходной экономики к развитию в растущей экономике – обеспечение и достижение взаимосвязи различных механизмов регулирования и функционирования нефтегазового комплекса:

- формирование адекватной особенностям функционирования и развития НК налоговой системы;
- создание систем технического регулирования и мониторинга освоения и разработки месторождений углеводородов;
- преодоление соперничества между различными государственными структурами и более активное привлечение регионов и общественности к определению, оценке и выбору направлений освоения и использования ресурсов углеводородов;
- активное воздействие на формирование эффективной структуры в рамках НК (крупные, средние, мелкие и прочие специализированные компании);
- реализация новых проектов в новых районах и определение роли и функций государства в данном процессе;
- усиление взаимосвязи НК с развитием других секторов и сегментов российской экономики.

Глава 3. Нефть России и глобализация

3.1. Плюсы и минусы глобализации

Глобализация как отражение дальнейшего технологического развития (производительных сил) и развития социальных институтов (производственных отношений) на рубеже XXI века затронула самые различные стороны общественной жизни. Начавшись с устранения барьеров в международной торговле и более тесной интеграции национальных экономик, глобализация открыла дорогу к формированию единого (или общепланетарного) экономического и информационного пространства, к формированию качественно новой системы международного разделения труда.

Практически перед каждой страной встаёт болезненная проблема поиска своего места в этой новой системе, выбора тех отраслей специализации, развитие которых именно в этой стране даёт ей неоспоримые преимущества перед другими государствами.

Особенно остра эта проблема для России и других государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, которые в своём развитии значительно отстают от стран – лидеров экономического роста*. Советский Союз по известным причинам был не только практически оторван от мировой системы рыночных отношений, но и не участвовал в формировании ее «правил игры». Вся эта система была сформирована и отлажена без учёта интересов СССР и, соответственно, новой России.

На эти объективно нелёгкие «игры на чужом поле по чужим правилам», несовершенство и двойные стандарты этих «правил» накладывают свои отпечатки на особенности сложившихся систем международного разделения труда и рыночных отношений, систем, в которых доминируют интересы, прежде всего, высоко развитых государств. Это касается и условий международной тор-

* Расчёты свидетельствуют о том, что Россию от стран – лидеров (Великобритании, США, Австралии и др.) отделяет сегодня дистанция в 40-60 лет. Подробнее, см. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. - М., Дело, 2005-02-14, стр.39-40.

говли, и ценообразования на сырьевые товары и готовую продукцию, правил функционирования международных финансовых институтов и других аспектов взаимоотношений между странами и народами.

Как отмечает выдающийся американский экономист, лауреат Нобелевской премии Джозеф Юджин Стиглиц, характеризуя развернувшуюся глобализацию, «западные страны подтолкнули бедные страны к ликвидации торговых барьеров, сохранив при этом свои собственные... Запад так продвигал программу глобализации, чтобы обеспечить себе непропорционально большую долю выгод за счёт развивающихся стран... Если посмотреть на «условия торговли» – цены, которые развитые и менее развитые страны получают за свою продукцию, – после последнего (восьмого) торгового соглашения 1995 г., то оказывается, что *чистый*^{*} эффект заключался в снижении цен для ряда беднейших стран относительно того, что они вынуждены были платить за свой импорт. В результате положение ряда беднейших стран фактически ухудшилось»¹⁸.

Это высказывание Д.Ю. Стиглица в полной мере относится и к России, которая, встраиваясь в системы международного разделения труда и рыночных отношений, должна все эти детали знать и учитывать, особенно если стоит задача не просто найти своё место в будущей мировой экономике, но и сократить отставание от стран – лидеров экономического роста.

Кстати, как показывает директор Института экономики переходного периода Е.Т. Гайдар¹⁹, отставание России от Германии и Франции (которые наилучшим образом подходят для сравнительной оценки, поскольку они, как и Россия, дважды за XX век стали аренами мировых войн, оказавших негативное влияние на разви-

* Здесь и ниже – курсив Д.Ю. Стиглица

¹⁸ Стиглиц Джозеф Юджин. Глобализация: тревожные тенденции/Пер. с англ. и примеч. Г.Г. Пирогова. - М., Мысль, 2003.

¹⁹ Е.Т. Гайдар. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. - М., Дело, 2005-02-14, стр.40.

тие всех трёх стран) по производству ВВП на душу населения было достаточно стабильным на протяжении примерно полутора веков.

И трудно не согласиться с Е.Т. Гайдаром, когда он, говоря о реальной возможности сократить это отставание до 25 лет, до одного поколения, предостерегает: «Но нельзя исключить и другое. Российское общество может не справиться с важнейшей задачей – выработать оптимальную стратегию своего развития в постиндустриальную эпоху. Российская элита может втянуться в опасные эксперименты. Тогда отставание от лидеров возрастет. Если наше общество проявит политическую волю и мудрость, извлечёт уроки из ошибок, допущенных более развитыми странами, дистанция сократится. Глобальное экономическое развитие, на фоне которого нашей стране придётся выработать собственную национальную стратегию, не детерминировано, его будущая траектория не очевидна»²⁰.

Место России в международном разделении труда определяется прежде всего её сырьевыми отраслями – нефтяной и газовой, металлургией, особенно цветной, лесной промышленностью и другими. В частности, именно продукция нефтяной отрасли является основой современного российского экспорта, занимая в нём 30–35%. Но сможет ли эта отрасль и дальше сохранять своё ведущее для России место в условиях глобализации? И способна ли Россия, опираясь на экспортно ориентированную нефтяную отрасль, преодолеть в условиях глобализации своё отставание от мировых экономических лидеров?

Ответы на эти вопросы можно найти, лишь проанализировав весь комплекс экономических аспектов глобализации и возможностей нефтяной отрасли.

²⁰ Там же, стр.44.

3.2. Чего ждать России от глобализации

Как отмечает в предисловии к русскому переводу книги Д.Ю. Стиглица директор Института сравнительной политологии РАН Г.Ю. Семигин, мир вступает в эру глобализации неравномерно и противоречиво²¹. Эти противоречия сказались на России с самого начала её перехода к рыночным отношениям.

А сам Д.Ю. Стиглиц констатирует, что для нас переход к рынку открывал большие возможности: «Россия – богатая страна. Хотя три четверти века коммунизма лишили её население понимания принципов рыночной экономики, но в наследство они оставили высокий образовательный уровень, особенно в технических областях, важных для новой экономики. В конце концов, именно Россия была первой страной, пославшей человека в космос... Сокращение военных расходов, которые поглощали огромную долю ВВП, когда СССР ещё существовал, ... обеспечивало даже ещё больший запас возможностей для повышения жизненного уровня. Вместо этого жизненный уровень в России и во многих других восточно-европейских странах, переходивших к рынку, снизился»²².

И среди основных причин такого хода событий лауреат Нобелевской премии называет глобализацию, вернее, методы её реализации, например, давление на правительство России со стороны США, Всемирного банка и МВФ, требовавших скорейшей приватизации. Давление, в результате которого не только были отданы за бесценок принадлежавшие государству активы, но и отданы до того, как была организована эффективная налоговая система²³.

В частности, МВФ – основной инструмент глобализации – подтолкнул правительство России к открытию капитального счёта,

²¹ Стиглиц Джозеф Юджин. Глобализация: тревожные тенденции/Пер. с англ. и примеч. Г.П. Пирогова. - М., Мысль, 2003, стр. 3.

²² Там же, стр. 174.

²³ Там же стр. 177-178.

обеспечивавшего свободный поток капитала, в целях сделать страну более привлекательной для иностранных инвесторов, но на деле это была улица с односторонним движением, по которой осуществлялось бегство денег из России²⁴. И подобных примеров последствий для России и других экономик, переходивших к рынку, применения рецептов вашингтонского триумvirата Д.Ю. Стиглиц приводит немало.

Следует также понимать, что США, претендующие на безусловное лидерство, предложили мировому сообществу своё понимание глобализации, отличное от первоначальных замыслов её идеологов. Не считаясь с исторически сложившимся многообразием мира, с традициями и национальными особенностями стран, представляющих иные, не западные цивилизации, США навязали свои «правила игры» и модели. Как подчёркивает Г.Ю. Семигин, финансово-экономический глобализм США начинает переходить в военный глобализм с прямым использованием военного насилия. Примеры такого перехода – известные события в Югославии и Ираке²⁵.

Анализируя тенденции развернувшейся глобализации и методы, которыми она проводится в жизнь, Д.Ю. Стиглиц приходит к следующим важным для нас выводам²⁵:

- глобализация, в том виде, в котором она развивается, всё больше и больше выражает не глобальные экономические интересы, поддержание глобальной экономической стабильности, а глобальные финансовые интересы ведущих экономически развитых государств, глобальные интересы финансового сообщества стран «большой семёрки»;
- международные институты, управляющие глобализацией (МВФ, Всемирный банк и ВТО), создали правила, навязывающие такие, мягко говоря, спорные, меры, как либерализация рынков капитала, политика сокращения бюджетных дефици-

²⁴ Там же, стр. 178.

²⁵ Там же, стр. 12-13, 22, 25, 29, 39 и др.

тов, повышения налогов или процентных ставок, которые ведут к сжатию экономики;

- глобализация, управляемая международными институтами, отрицает саму возможность иных, альтернативных вариантов стратегий развития, отличных от «американской модели»;
- глобализация сама по себе не является ни хорошей, ни плохой. В ней заложена огромная сила делать добро, и для стран Восточной Азии, принявших глобализацию на своих собственных условиях и придавших ей свой собственный темп, она принесла огромную пользу.

Таким образом, перефразируя известное выражение*, сделаем **основной вывод: глобализация – мощное оружие в борьбе за место своей страны в мировом сообществе, но им, как и всяким подобным оружием, ещё надо научиться пользоваться.**

3.3. Глобализация энергетических рынков и ресурсов

Глобализация мировых энергетических рынков является закономерным этапом их эволюционного развития. Как было показано нами²⁶, рынки энергоресурсов, будучи вначале однопродуктовыми и локальными, эволюционировали со временем в сторону региональных и глобальных (мировых) рынков отдельных энергоресурсов (например, мировой нефтяной рынок) и региональных энергетических рынков (например, европейский рынок электроэнергии и газа).

* «Энергетический фактор - мощное оружие, но им, как и всяким подобным оружием, необходимо умело пользоваться» - впервые: Мастепанов А.М. Региональные и внешнеэкономические аспекты энергетической политики России. - М., ВНИИОЭНГ, 1997, стр.300, своё развитие получило в: Безопасность России. Право-вые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Энергетическая безопасность (Нефтяной комплекс России). - М., МГФ "Знание", 2000.

²⁶ Шафраник Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики России. - М., 2004.

Конечной целью развития энергетических рынков является формирование глобального энергетического пространства с едиными правилами «игры». И кто эти правила установит, тому легче будет и играть. Поэтому уже сейчас, задолго до того, как такое пространство будет сформировано, идет борьба за будущие ключевые позиции на нем²⁷.

Ведущие позиции на мировых рынках энергоресурсов, а основным из них пока является нефтяной, занимает ряд стран: и производителей – экспортёров жидкого топлива, и потребителей – импортёров.

Энергетический мир становится все более многополярным: усиливается роль Индии и Китая, сохраняется доминирующая роль США в формировании спроса на энергоресурсы, более гибкой становится политика стран-членов ОПЕК. В этих условиях значимой и важной становится балансирующая роль таких стран, как Россия и некоторых других независимых производителей нефти. Сколь долго Россия сможет сохранять свой «полюс»? Этот «полюс» – не только и не столько наличие ресурсной базы, сколько возможность достаточно быстрого реагирования на изменение ситуации на внешних рынках.

В 2001–2004 гг. роль России значительно повысилась именно в силу этой особенности как одного из независимых игроков на внешних рынках нефти. Среди объяснений – и правильно выбранное направление реформирования НГК, и колоссальный накопленный производственно-технический и ресурсный потенциал, которые позволили обеспечить определенную стабильность и устойчивость в развитии целого ряда отраслей промышленности, социальную стабильность в обществе. Современное место НГК России в мире показано на Рис. 16.

²⁷ Мастепанов А.М., Шафраник Ю.К. Актуальные задачи нефтяной политики России. - "Мировая энергетическая политика", №9, 2003.

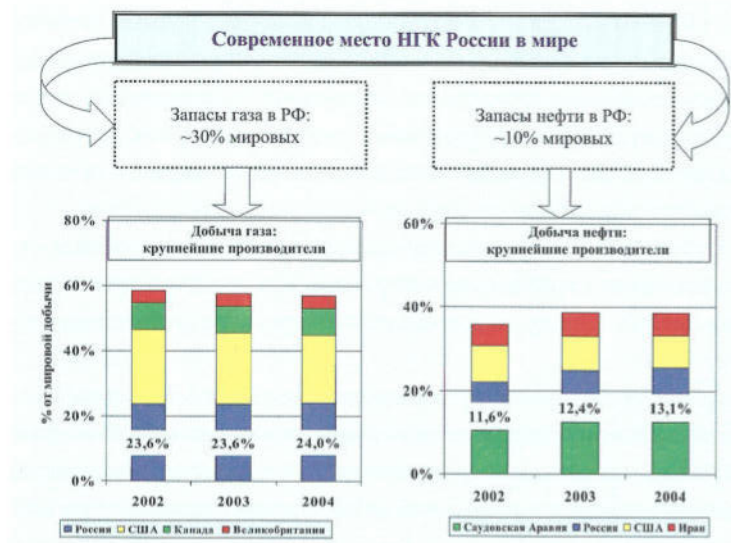

Рис. 16. НГК России и мир

США и Россия находятся в противоположных частях мирового нефтяного «поля». США – крупнейший в мире потребитель нефти (29%) и таким они останутся на уровне 2030 г. (около 1,2 млрд. т. в год или около 21%). При этом больше половины потребляемой нефти США импортируют (к 2030 г. доля импорта увеличится до 60–65%)²⁸.

Россия вновь вышла на первое место в мире по добыче нефти, причем три четверти ее (с учетом вывоза нефтепродуктов) экспортируются. К 2020 г. в соответствии с Энергетической стратегией добычу нефти в стране намечается увеличить до 450–520 млн. т./год, а экспорт составит 280–355 млн. т./год²⁹.

Руководство США самым тщательным образом отслеживает энергетическую ситуацию и готовится действовать в меняющихся

²⁸ World Energy Outlook - 2002. OECD/IEA, 2002.

²⁹ Энергетическая политика России на рубеже веков (в 2-х томах). - М., «Патриус Про», 2001. т. 1: Формирование Энергетической стратегии России (исторический генезис), 2001.

условиях. Каждый президент (начиная с 1970-х гг.) принимает национальную энергетическую стратегию (или доктрину) на предстоящие 15–20 лет. Энергетическая безопасность входит в число высших приоритетов государства. Ведется четкая координация (через Государственный департамент) действий и усилий государства и компаний за пределами США.

Понимая уязвимость экономики своей страны от нефти в целом и, особенно, от импорта нефти, власти США принимают меры по обеспечению национальной энергетической безопасности. В их числе и военная операция в Ираке.

В России формирование долгосрочной энергетической политики ведётся с начала 1990-х. Ещё в 1992 г. правительство РФ одобрило основные положения Концепции энергетической политики в новых экономических условиях. В 1995 г. указом президента России были утверждены «Основные направления энергетической политики Российской Федерации на период до 2010 года», а постановлением правительства – Основные положения Энергетической стратегии на тот же период. В 2000 г. правительство РФ одобрило Основные положения Энергетической стратегии России на период до 2020 г., а в 2003 г. – и саму Энергетическую стратегию³⁰.

Основные параметры развития НГК, согласно Энергетической стратегии, показаны на Рис. 17. Но обеспечивают ли они решение стратегических для России задач, в том числе и формирование современной высоко конкурентоспособной экономики? На наш взгляд – нет. Именно поэтому данный документ требует своего дальнейшего развития. На НГК России воздействует целый ряд внешних и внутренних факторов (вызовов) (Рис. 18), от адекватного ответа на которые будет зависеть эффективность его функционирования. И этот ответ также должен быть сформулирован в Стратегии.

В то же время Энергетическая стратегия, как уже было обоснова-

³⁰ Там же и: Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. - Приложение к журналу «Энергетическая политика», М., ГУ ИЭС, 2003.

но нами в книге³¹, не стала тем документом, который реально определял бы перспективы развития ТЭК страны, не стала тем эталоном, с которым сверялись бы все действия государственных и хозяйствующих субъектов в энергетическом секторе страны. Принимаемые властями решения и нормативно-правовые акты зачастую имели (и имеют!) противоположную направленность по сравнению с рекомендациями и утверждениями Энергетической стратегии.

Рис. 17. Основные параметры развития НГК

Важнейшая компонента нефтяного фактора – мировые цены на нефть. США как крупнейший в мире потребитель этого сырья заинтересованы в дешевой нефти. Дешёвая нефть – двигатель американской экономики, основа благополучия американской нации. И США всегда оказывали значительное влияние на её цены. Напротив,

³¹ Шафраник Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики России. - М., 2004.

Россия как экспортёр нефти заинтересована в высоких мировых ценах на неё, но возможностей серьёзно влиять на их уровень у страны никогда не было³².

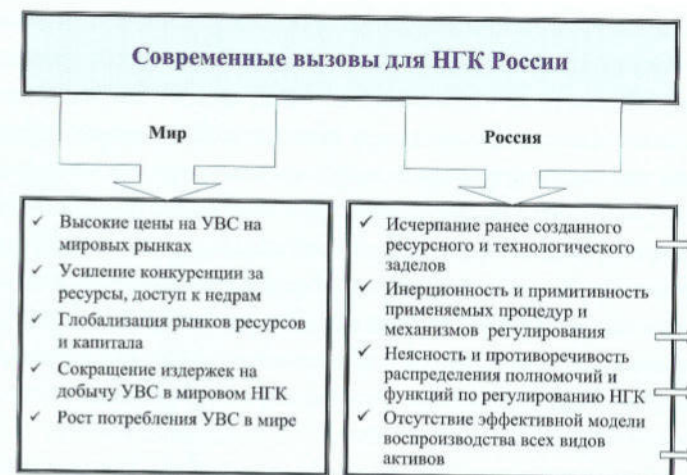

Рис. 18. Внешние и внутренние вызовы

Тем не менее и Россия, и США заинтересованы как минимум в предсказуемых ценах на нефть. Следовательно, и в рамках «восьмерки», и в поле энергетического диалога «Россия - США» необходимо выявить, выработать общие, согласованные подходы к этой проблеме, а затем и условия, необходимые для создания и поддержания коридора «справедливых» цен на нефть, цен, приемлемых для потребителя, но одновременно дающих возможность вести прибыльный нефтяной бизнес странам – производителям.

За последние десять лет период колебаний цен на мировом рынке нефти сократился, а амплитуда выросла. Это значит, что в

³² Мастепанов А.М., Шафраник Ю.К. Актуальные задачи нефтяной политики России. - "Мировая энергетическая политика", №9, 2003.

прошедшем десятилетии на этом рынке появились новые дестабилизирующие факторы, влияние которых постепенно росло. Среди таких факторов – неконтролируемый рост поставок из России, Казахстана и других стран – экспортеров нефти, не входящих в ОПЕК. Но именно по России колебания цен бьют особенно больно, поскольку её экономика очень сильно зависит от экспорта углеводородов. Выход один – принимать самое активное участие в регулировании мирового рынка нефти: вместе с ОПЕК, вместе с другими производителями углеводородов.

Как мы уже отмечали раньше³², у России имеются объективные причины, из-за которых она не может пока предложить простой и эффективный метод управления своими поставками нефти на мировой рынок. И все же **Россия обязана участвовать в регулировании мирового рынка нефти**, так как она является одним из главных поставщиков этого сырья в мире, и её экономика сильно зависит от мировых цен на нефть.

В ряду действий США по обеспечению своей энергетической безопасности находятся и маневры вокруг Каспия. Этот регион, прогнозные ресурсы углеводородов в котором оцениваются почти в 70 млрд. т н.э., ещё в начале 1990-х гг. был провозглашен зоной стратегических интересов США. И многое уже делается для установления контроля над нефтегазовыми ресурсами Каспия, начиная от обвинения лидеров ряда стран региона в коррупции и антидемократизме и кончая поддержкой соответствующих трубопроводных проектов.

Но должна ли пугать или злить такая политика Россию? Да, Каспий – точка пересечения наших с США интересов, и не только в сфере нефти. Да, нас сейчас здесь «вчистую» переигрывают. Но злиться надо, как мы уже неоднократно подчёркивали³³, на себя, а не на Америку. У нас есть возможности, были они и раньше. У нас

³² Шафраник Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики России. - М., 2004; Мастепанов А.М., Шафраник Ю.К. Актуальные задачи нефтяной политики России. - "Мировая энергетическая политика", №9, 2003.

было и ещё есть время для действий, правда, ограниченное.

Вместе с тем необходимо отметить, что после войны в Ираке значение Каспия возросло сразу на несколько степеней. И Каспий в новых условиях может стать либо зоной мира – через совместные проекты, – либо новым источником международной напряженности, а то и военных действий. Поэтому мы сформулировали бы наш основной тезис по этому региону так: у нас нет другой стратегии, кроме как инвестировать в Азербайджан, Туркмению, Казахстан, Узбекистан и минимум до трети углеводородных ресурсов этих стран иметь под влиянием или управлением наших компаний. Это возможно и реально, это отвечает интересам и России, и самих этих стран. Если же мы упустим время, туда придет иной капитал, неважно – американский или европейский. И тогда, когда российские компании, наконец, надумают входить в их бизнес, придется платить втридорога.

К сожалению, среди отечественных ВИНК нет таких, которые могли бы быть отнесены к транснациональным. Все они находятся в самом начале вхождения на международные рынки добычи углеводородов и услуг с этим связанным. Наиболее продвинутым и последовательным в стремлении стать транснациональной компанией является «Лукойл», который планомерно наращивает зарубежные нефтегазовые активы (но пока доля его зарубежных активов, о чем уже упоминалось, не превышает 3,5%).

В то же время развитие нефтегазового сектора на постсоветском пространстве отличается существенно большим динамизмом. Стоит задуматься над тем, что и в Казахстане, и в Узбекистане и в Азербайджане инвестиций в НГК на тонну добычи и на душу населения больше, чем у нас. В 1991 г. Россия добыла 643 млрд. м³ газа, в 2004-м – 634 млрд. м³. А Казахстан добывал 8 млрд. м³, а сейчас – 20. Узбекистан – соответственно 42 и 60 млрд. м³. В тяжелейших условиях они наращивали добычу газа (Рис. 19).

Россия в 1991 г. добыла 462 млн. т. нефти, в 2004-м – 459 млн. т. А Казахстан – 27 и 59 млн. т. соответственно, в ближайшие два-три года его добыча дойдет до 80 млн. т. Азербайджан поднял свою до-

бычу с 8 до 16 млн. т. (Рис. 20).

Выгода продвижения российских компаний не только на Запад, но и в СНГ вполне очевидна. Набирает силу нефтегазовая промышленность Казахстана, Азербайджана, Туркмении и Узбекистана. Себестоимость добычи в этих странах значительно ниже, чем во многих районах России, и в ближайшие годы они могут стать главными конкурентами нашей страны на мировом рынке нефти и газа, особенно в Европе.

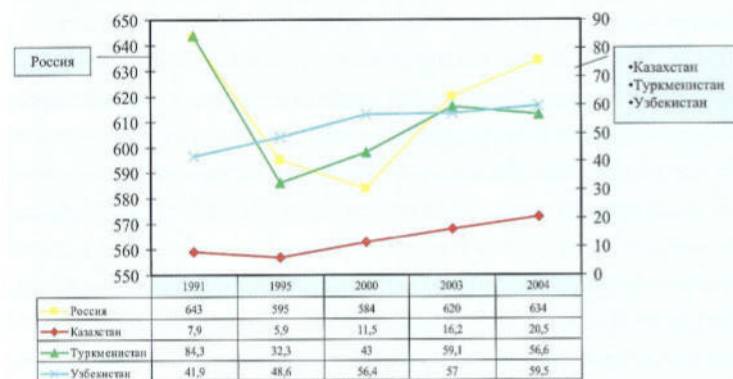

Рис. 19. Динамика добычи природного газа в странах Центральной Азии и России, млрд. м³

В этой ситуации самым разумным было бы сделать так, чтобы российские инвестиции пошли в нефтегазовую промышленность Казахстана, Азербайджана, Туркмении и Узбекистана. Доля российских нефтяных компаний в добыче нефти и газа в этих странах должна составлять не менее 30%. Это позволит не только перейти от конкуренции к партнерству на мировом рынке нефти и газа, но и решить геополитические задачи, стоящие перед Россией.

В последнее время, похоже, тезис об актуальности инвестирования в СНГ начинает завоевывать признание и в правительственных кругах, и в нефтяном бизнесе России.

И ещё об одном компоненте глобализации мировых энергетических рынков хотелось бы сказать несколько слов. Этот компонент – европейское направление российской нефтяной политики. Европа традиционно является основным рынком для экспорта российского жидкого топлива, как и для нашего газа. Таким он, несмотря на все меры по диверсификации, останется и на ближайшие десятилетия. Но время не стоит на месте. Процессы глобализации и интеграции требуют активных действий и новых решений даже в традиционных видах бизнеса.

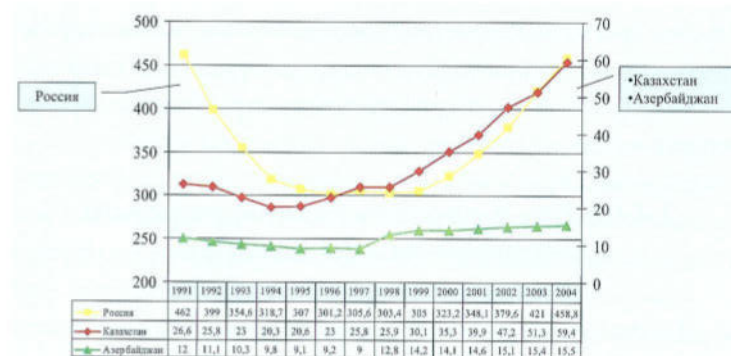

Рис. 20. Динамика добычи нефти в странах Центральной Азии и России, млн. тонн

Поэтому основная задача для российских компаний – и нефтяных, и газовых – выйти на внутренние рынки Европы, выйти, минуя посредников, на конечного потребителя с готовым продуктом. Выйти, приобретая нефтеперерабатывающие заводы и сбытовые компании, стимулируя и участвуя в развитии сети нефте- и газопроводов, связанных с Россией. Это даст нам гарантированный сбыт, гарантированный доход, в меньшей степени зависящий от мировой конъюнктуры, и, соответственно, стабильность валютного курса и наполняемость бюджета. Тогда уже через несколько лет нас не так уж драматично будет волновать, что там происходит в ОПЕК, и

в каком состоянии находится американская экономика.

В решении этой задачи огромная роль принадлежит и нашему государству. Это и гармонизация нормативно-правовой базы РФ и ЕС, и унификация налоговой и таможенной политики, и всяческая поддержка компаний в их стремлении приобретать собственность в зарубежных странах.

Таким образом, и в ситуации с Ираком, и вокруг Каспия, и на европейском направлении требуется прежде всего координация усилий государства и бизнеса, нужна активная энергетическая дипломатия, которая, в свою очередь, невозможна без научно обоснованной и последовательной государственной энергетической политики в целом.

И здесь нам есть чему поучиться у многих наших мировых партнеров.

3.4. Нефть в перспективном мировом энергетическом балансе

О роли энергии в развитии общества написаны горы книг и статей, и сейчас, наверное, никто не будет спорить с тем, что энерговооруженность и энергоэффективность на рубеже XX и XXI веков стали одними из критериев могущества того или иного государства. И мне уже приходилось писать: не исключено, что через 10–15 лет может появиться какой-либо принципиально новый вид энергии, но значимость критерия «энерговооруженность» абсолютно не уменьшится³⁴.

Более того, без роста энергопотребления невозможен длительный экономический рост, невозможно само развитие общества³⁵, при-

³⁴ Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Энергетическая безопасность (Нефтяной комплекс России). - М., МПФ "Знание", 2000.

³⁵ Шафраник Ю. России грозит потеря энергетической независимости. - "ЭГ - Политэкономия", № 2, февраль, 1999, с.3.

чем по мере развития общества растёт и его зависимость от энергии, от энергоисточников. Каждому новому техническому циклу (укладу) присущи не только качественные изменения в структуре использования и видах энергоресурсов, но и кратный рост энергопотребления³⁶.

Так, с 1971 по 2000 г. мировое потребление энергоресурсов увеличилось в 1,8 раза – с 5,6 до 10,1 млрд. т. н.э. в год³⁷. При этом потребление нефти выросло на 47%, угля – на 62%, природного газа – в 2,3 раза, а урана – в 23 раза! Быстрый рост потребления первичных энергоресурсов прогнозируется и на ближайшие десятилетия. И хотя его прогнозные оценки, выполненные в последние семь-десять лет, имеют разброс (потребление на уровне 2030 г. – от 16 до 20 млрд. т. н.э.), общую тенденцию все они определяют однозначно: рост, рост и еще раз рост (см., напр.,³⁸ и ³⁹).

Соответственно, темпы роста энергопотребления в мире в этот период могут составить от 1,6 до 2,5% в год в зависимости от темпов экономического роста, динамики научно-технического прогресса и успехов в реализации программы «устойчивого развития», направленной на сохранение среды обитания на Земле.

Причём именно экономический рост выступал и выступает основным двигателем увеличения энергопотребления. Как показали исследования Международного энергетического агентства (МЭА), в последние десятилетия спрос на энергоресурсы увеличивался прямо пропорционально темпам роста мирового ВВП. Так, с 1971 по 2002 г. каждый процент роста мирового ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС), сопровождался увеличением спроса на первичные энергоресурсы на 0,6%³⁸.

Эти исследования ещё раз подтверждают вывод ряда специа-

³⁶ ЕА. Технологические уклады и энергопотребление. - Иркутск, СЭИ СО РАН, 1994.

³⁷ World Energy Outlook - 2002. OECD/IEA, 2002.

³⁸ World Energy Outlook - 2004. OECD/IEA, 2004.

³⁹ а) Green Papers. Towards a European strategy for the security of energy supply. EC, 2001;

б) WEC-IISA. Global Energy perspectives to 2050 and beyond. 1995;

листов о том, что при огромном разрыве между уровнями экономического развития (и, следовательно, энергопотребления) в развитых и развивающихся странах повышение эффективности использования топлива и энергии всего лишь замедляет, сдерживает темпы роста спроса на энергоресурсы, но никак их не компенсирует. Такой вывод хорошо иллюстрируют следующие цифры⁴⁰:

- в США, ЕС и других развитых странах-членах ОЭСР в 2002 г. проживали 1,1 млрд. чел. с душевым потреблением 4,74 т. н.э.;
- в Китае – 1,3 млрд. чел. с душевым потреблением лишь 0,92 т. н.э.;
- в других развивающихся странах Азии (без государств Ближнего и Среднего Востока) жило ещё 1,9 млрд. чел. с душевым потреблением 0,59 т. н.э.;
- в Латинской Америке и Африке – 0,4 и 0,8 млрд. чел. соответственно с душевым потреблением 1,1 и 0,64 т. н.э.

Из приведенных выше прогнозов мирового энергопотребления следует, по крайней мере, **два вопроса**:

- **насколько намечаемый рост потребления топлива и энергии обеспечен их природными ресурсами?**
- **какова роль нефти в прогнозируемом росте спроса?**

Попробуем найти ответы на эти вопросы. Итак:

Первое. Насколько намечаемый рост потребления топлива и энергии обеспечен их природными ресурсами? Исследования последнего десятилетия однозначно свидетельствуют: **в обозримой перспективе энергетический голод человечеству не грозит**^{41, 42, 43, 44}. **Намечаемое развитие мировой энергетики опирается на прочную сырьевую базу.**

Так, доказанные извлекаемые мировые запасы нефти составля-

⁴⁰ Key Word Energy Statistics from the IEA, 2002 edition. - OECD/IEA, 2002.

⁴¹ World Energy Outlook - 2002. OECD/IEA, 2002.

⁴² Белая книга ядерной энергетики. М., Изд-во ГИП НИКИЭТ, 2001.

⁴³ WEC-IISA. Global Energy perspectives to 2050 and beyond. 1995.

⁴⁴ Survey of Energy Resources, 17th Edition, WEC, 1996; BP Statistical Review of World Energy 2004, BP, London.

ют 143–173 млрд. т.^{42, 45}, что при стабилизации её мировой добычи на уровне 4 млрд. т в год (2003 г. – 3,7 млрд. т) приведёт к исчерпанию этих запасов лишь через 36–43 года. Неоткрытые (прогнозные и вероятные) ресурсы нефти в настоящее время оцениваются ещё в 200–230 млрд. т, что эквивалентно 50–57 годам их будущего потребления. Кроме того, существуют и ресурсы «нетрадиционной» нефти, т.е. нефти, содержащейся в битуминозных породах и нефтеносных песчаниках. Для промышленного освоения подготовлено около 90 млрд. т такой нефти, а общие её ресурсы, по имеющимся оценкам, могут достигать 260–950 млрд. т*,^{42, 43, 46}.

Доказанные извлекаемые мировые запасы газа, по последним оценкам Cedigas, составляют 180 трлн. куб. м, что при стабилизации его мировой добычи на уровне 3 трлн. м³ в год (2003 г. – 2,6 трлн.) приведёт к исчерпанию этих запасов лишь через 60 лет. Суммарные начальные ресурсы газа оцениваются в 436–500 трлн. м³**, из которых около 55 уже добыто и 180 трлн., как уже отмечалось, – разведанные запасы. Таким образом, неоткрытые (прогнозные и вероятные) ресурсы газа составляют от 200 до 265 трлн. м³, что эквивалентно ещё 67–88 годам^{42, 43, 47}.

Разведанные рентабельно извлекаемые мировые запасы угля составляют 900–1000 млрд. т, из которых 750 млрд. т – каменного. При стабилизации мировой добычи угля на уровне 5 млрд. т в год (2002 г. – 4,8 млрд. т.) разведанными запасами угля человечество обеспечено на 180–200 лет^{42, 43, 48}. Общие геологические ресурсы

⁴⁵ World Oil, various issues. Gulf Publishing Company, Houston; Oil and Gas Journal, various issues. Penwell Corporation, Oklahoma.

* Правда, добыча такой нефти будет обходиться значительно дороже, чем обычной, а нагрузка на окружающую среду от подобных разработок может быть существенно выше, см.: WEC-IISA. Global Energy perspectives to 2050 and beyond. 1995.

⁴⁶ Petroleum Assessment 2000. United States Geological Survey, Washington.

⁴⁷ Natural Gas in the World. Institut Francais du Petrole, 2004, Rueil-Malmaison.

⁴⁸ Green Papers. Towards a European strategy for the security of energy supply. EC, 2001.

угля в мире, по официальным национальным данным, оцениваются в 14 800 млрд. т., из которых около 160 млрд. т. уже добыто и 900–1000 млрд. т., как уже отмечалось, – разведанные рентабельно извлекаемые запасы⁴⁹. Следовательно, и в части угля есть дальнейшие резервы приращивания запасов рентабельных топливно-энергетических ресурсов.

Кроме ископаемых видов топлива человечество располагает и значительными ресурсами возобновляемых источников энергии, технически и экономически реализуемая часть которых оценивается объемом в 80–85 млрд. т. н.э., а также значительными разведанными запасами урана, которых, при современных темпах расходования, хватит на 45 лет⁵⁰. А на подходе – термоядерная энергетика, другие еще не открытые виды энергии и способы её получения.

Таким образом, в *обозримой перспективе основной проблемой развития мировой энергетики будет не нехватка энергетических ресурсов как таковых, а возможность обеспечить требуемые объёмы производства топлива и энергии необходимыми инвестиционными ресурсами на таких условиях, чтобы стоимостные показатели оставались приемлемыми для потребителей и привлекательными для производителей энергоносителей*⁵¹.

Необходимо, правда, обратить пристальное внимание на НТП и новые технологии на всех этапах разведки, производства, транспортировки, преобразования и потребления топливно-энергетических ресурсов. И научные исследования, и практика

⁴⁹ Малышев Ю.Н., Зайденварг В.Е., Зыков В.М., Красвянский Е.Л., Саламатин А.Г., Шафраник Ю.К., Яновский А.Б. Реструктуризация угольной промышленности. (Теория. Опыт. Программы. Прогноз). - М, компания "Росуголь", 1996.

⁵⁰ книга ядерной энергетики. М., Изд-во ГУП НИКИЭТ, 2001.

⁵¹ Папутис К. Перспективы энергетического рынка. / Встреча министров энергетики стран "восьмёрки". - М., 1998.

работы ведущих энергетических компаний убедительно свидетельствуют: *НТП является одним из основных факторов, определяющих состояние и перспективы всей мировой энергетики.*^{**}

Второе. Что касается роли нефти в мировой экономике и энергетике, то переоценить её на современном этапе развития общества весьма сложно. Нефть является преимущественным сырьём для производства различных синтетических материалов. И хотя существующие технологии позволяют получать продукты органического синтеза из различных видов сырья – угля, газа и биомассы, их стоимость пока (за исключением газовых технологий) намного выше, чем при производстве из нефти⁵². Нефть (вернее – продукты её переработки) – основное топливо для транспортных средств и эффективное котельно-печное топливо. Достаточно сказать, что на нефтепродуктах вырабатывается 8% всей электроэнергии в мире⁵³.

В ближайшие 20–30 лет нефть сохранит своё доминирующее значение в структуре мирового энергопотребления (табл. 3.1), хотя темпы роста спроса на неё и не будут столь высоки-

^{**} На примере нефтяной промышленности эта проблема получила достаточное освещение в таких работах, как а) Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Энергетическая безопасность (Нефтяной комплекс России). - М, МГФ "Знание", 2000;

б) Шафраник Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики России. - М., 2004;

в) World Energy Outlook - 2002. OECD/IEA, 2002 и World Energy Outlook - 2004. OECD/IEA, 2004;

г) Основные концептуальные положения развития нефтегазового комплекса России. - Нефтегазовая вертикаль. Специальный выпуск №1 (39), январь 2000.

д) Нефтяная промышленность. Приоритеты научно-технического развития (под редакцией Ю.К. Шафраника). М., 1996;

е) Energy technologies for the 21st century. IEA/OECD, Paris, 1997;

ж) Коношляник А.А. Мировой рынок нефти: возврат эпохи низких цен? (последствия для России). - ИНИИ РАН, изд-во ИНП, 2000.

ми, как на газ или даже на энергоресурсы в целом^{52, 54, 55}.

Таблица 3.1. Динамика и структура мирового потребления первичных энергоресурсов

	1971г., млн. т. н.э.	1971г., % к итогу	2000г., млн. т. н.э.	2000г., % к итогу	2030г., млн. т. н.э.	2030г., % к итогу
Всего	5592	100,0	10089	100,0	16302	100,0
в том числе:						
Нефть	2448	43,8	3604	35,7	5769	35,5
Уголь	1450	25,9	2355	23,3	3606	22,1
Газ	895	16,0	2085	20,7	4203	25,8
Атомная энергия	29	0,5	674	6,7	703	4,3
Гидроэнергия	104	1,9	228	2,3	366	2,2
Возобновляемые энергоресурсы	73	1,3	233	2,3	618	3,8
Биомасса и отходы	592	10,6	910	9,0	1035	6,3

Построена по данным⁵⁶.

Исследования зарубежных и российских специалистов однозначно свидетельствуют: *при дальнейшем наращивании объёмов потребления нефти значение её в мировом энергетическом балансе будет снижаться. Свой пик нефть как топливо уже прошла.* XIX век был веком угля, XX – нефти, XXI век (вернее, его первая половина) – веком диверсификации энергоносителей (нефти, газа, угля и возобновляемых, включая биомассу, источников энергии).

⁵² Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Энергетическая безопасность (Нефтяной комплекс России). - М., МИФ "Знание", 2000.

⁵³ Key Word Energy Statistics from the IEA, 2002 edition. - OECD/IEA, 2002.

⁵⁴ World Energy Outlook - 2002. OECD/IEA, 2002.

⁵⁵ World Energy Outlook - 2004. OECD/IEA, 2004.

⁵⁶ World Energy Outlook - 2002. OECD/IEA, 2002.

Более того, в XXI веке с нефтью всё больше и больше будут конкурировать другие энергоносители, причём не только в секторе котельно-печного топлива, где позиции нефти уже в настоящее время, как было сказано выше, достаточно скромные, но и в части моторного топлива, где нефть пока ещё доминирует. Уже в ближайшие годы ожидается прорыв природного газа на рынок моторного топлива – и непосредственно как топлива (см., напр., российскую программу «Газ в моторы»), и в виде синтетического моторного топлива и диметилэфира (подробнее см., напр., ряд источников⁵⁷). Таким образом, *стоит задача определить те сегменты мировых энергетических рынков, где нефть останется наиболее эффективным энергоносителем.*

3.5. Нефть России в мировой экономике

По обеспеченности природными ресурсами углеводородного сырья – нефти, газового конденсата и природного газа – Россия занимает одно из ведущих мест в мире. В частности, прогнозные ресурсы нефти в нашей стране оцениваются в 44 млрд. т.⁵⁸, что составляет около 20% мировых.

По разведанным запасам нефти Россия также входит в число ведущих добывающих стран: в ее недрах сосредоточено 12–13% мировых запасов нефти⁵⁹. Кстати, отметим, что эту долю – 12–13% – зарубежные специалисты долго не хотели признавать. В самых ав-

⁵⁷ а) Стратегия развития газовой промышленности России. - М., Энергоатомиздат, 1997;

б) Мировой рынок нефти и газа. Ежемесячный Аналитический Обзор. № 03 (март) 2004;

в) Мировой рынок нефти и газа. Ежемесячный Аналитический Обзор. № 07 (июль) 2004;

г) Papers presented to the 1st Asian DME Workshop, Tokyo, December 3, 2004.

⁵⁸ Шафраник Ю.К., Мальшев Ю.Н., Козовой ГИ. Реструктуризация угольной промышленности России. Новая парадигма развития. - М., ФГУП Изд-во "Нефть и газ" РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2004.

⁵⁹ Энергетическая политика России на рубеже веков (в 2-х томах). - М., "Папирус Про", 2001. т. 1: Формирование Энергетической стратегии России (исторический генезис), 2001.

торитетных зарубежных изданиях фигурировали цифры, доказывающие, что в нашей стране разведанных запасов нефти вдвое меньше⁶⁰. Типичная западная оценка – 6,7 млрд. т. или около 4,7% мировых запасов – даётся в обзоре⁶¹.

Основывались подобные выводы прежде всего на том, что официальных данных об объёмах и расположении запасов нефти наша страна не публикует, а российская (советская) и западная классификация запасов не совпадают. Российская классификация характеризует категории запасов исходя из геологических характеристик, что отражает степень разведанности данных площадей. Западная классификация учитывает рентабельность разработки залежей при существующих экономических и эксплуатационных условиях⁶⁰.

И только в 2000 г. Геологическим управлением США нефтяные запасы России были пересмотрены в сторону увеличения. В результате они сразу «выросли» до 137 млрд. барр. (18,6 млрд. т.), что вывело нашу страну по разведанным запасам нефти на второе (после Саудовской Аравии) место в мире⁶². Кстати, в обзоре⁶³ разведанные запасы нефти в России оценивались уже в 9,5 млрд. т. Правда, с учётом роста запасов по миру в целом доля России составила, согласно этому источнику, всего 6,1%.

В настоящее время Россия демонстрирует высокие темпы роста добычи нефти, которые значительно превышают сделанные ещё

⁶⁰ Энергетическая политика России. Обзор 2002. - Международное энергетическое агентство, Париж, 2002.

⁶¹ BP Statistical Review of World Energy 2000, BP, London.

⁶² Шафраник Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики России. - М., 2004.

* Что стоит за этим шагом администрации США? Стремление объективно отразить сложившиеся реалии? Или оказать информационное давление на ОПЕК в попытке принизить их роль в перспективном энерго-обеспечении развитых стран? В этих вопросах ещё предстоит разобраться.

⁶³ BP Statistical Review of World Energy 2004, BP, London.

несколько лет назад прогнозы, темпы, ставшие для многих, особенно за рубежом, настоящим сюрпризом. В 2002 г. добыча нефти в стране достигла 379,6 млн. т. Это на 9% больше, чем в 2001 г. и на 26% – чем в 1996 г., когда добыча опустилась до минимального за последние тридцать лет уровня. В 2002 г. Россия по уровню добычи нефти вышла на второе, после Саудовской Аравии, место в мире. В 2003 г. добыча нефти, включая газовый конденсат, выросла в стране еще на 11% и составила 421,4 млн. т.**

Добыча нефти в 2004 г. достигла, по данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) РФ, очередного в постсоветской России максимума – 458,7 млн. т., что на 8,9% больше, чем в 2003 г. При этом, как уже отмечалось выше, три четверти добываемой в стране нефти (с учетом вывоза нефтепродуктов) экспортируется⁶⁴.

К 2020 г. в соответствии с Энергетической стратегией добычу нефти в стране намечается увеличить до 450–520 млн. т./год, а экспорт – до 280–355 млн. т./год⁶⁵.

Анализируя эти данные в контексте рассмотренных выше прогнозов мирового энергопотребления, можно сделать следующие выводы:

– удельный вес российской нефти в мировом энергетическом балансе составляет 3,6–4,0%, в потреблении жидкого топлива – 10%, в мировой торговле им – 13%. Особенно значима российская нефть для Европы, где на неё приходится около трети все-

** Подробный анализ причин такого роста и проблем, им вызываемых, дан в книге: Шафраник Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики России. - М., 2004.

⁶⁴ Топливо и энергетика России (Справочник специалиста топливно-энергетического комплекса).

Под ред. А.М. Мастепанова. - М., ИАЦ Энергия, 2004.

⁶⁵ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. - Приложение к журналу "Энергетическая политика", М., ГУ ИЭС, 2003.

Энергетика России. Стратегия развития (Научное обоснование энергетической политики). - М., ГУ ИЭС Минэнерго РФ, 2003.

го импорта жидкого топлива. Причём с Европой наша страна надёжно связана не только общей историей, длительными партнёрскими отношениями, но и крупнейшими магистральными нефтепроводами. Поставки нефти и нефтепродуктов из России играют значительную роль в надёжном энергообеспечении многих европейских государств;

– к 2020 г. удельный вес российской нефти в мировом энергетическом балансе останется практически на современном уровне (3,6–3,7%), в потреблении жидкого топлива – возрастёт до 10,3–10,4%, в мировой торговле им – снизится до 11,5–12,3%. Россия останется одним из основных экспортёров нефти в Европу и начнёт масштабные её поставки в страны АТР и США; – в условиях глобализации важнейшими факторами повышения конкурентоспособности российского нефтегазового бизнеса становятся соответствующие структурные преобразования НКК РФ с формированием современных многопрофильных вертикально интегрированных компаний. Здесь можно выделить три основных составляющих: а) формирование собственно вертикально интегрированных компаний; б) создание современной высококонкурентной структуры компаний с разделением производственных звеньев по операционному признаку⁶⁶; в) интеграция добычи и переработки углеводородов и нефтегазохимических производств.

Глубокие переделы обеспечивают прежде всего дополнительную устойчивость нефтегазовых компаний, дают им возможность генерировать значительно более мощные финансовые потоки и оперировать одновременно на различных сегментах глобализирующихся рынков.

⁶⁶ Опыт "Юкоса", "Сибнефти" и некоторых других компаний свидетельствует, что только за счёт этого фактора издержки добычи нефти в компаниях сократились на десятки процентов.

3.6. Нефть для России – локомотив роста или тормоз развития?

Есть и другие срезы, другие аспекты проблемы, которые необходимо рассмотреть.

Во-первых, что такое нефть для России? Казалось бы, ответ на этот вопрос звучал уже неоднократно, в том числе и в наших работах. Прежде всего нефтяная промышленность является важным звеном в экономике России. Она обеспечивает все отрасли экономики и население страны широким ассортиментом моторных топлив и других горюче-смазочных материалов, сырьем для нефтехимии, котельно-печным топливом и прочими ценными нефтепродуктами⁶⁶.

Нефтяная промышленность, включая магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов, производит 12–14% промышленной продукции России, формирует до 16% доходов федерального бюджета (2000 г. – 17,6%) и 13–15% консолидированного бюджета (2000 г. – 16,3%), а также до 30% валютных поступлений страны (2000 г. – 35%)⁶⁷. Тем самым формируется и место отрасли в системе энергетической и национальной безопасности страны.

Рост добычи нефти в России в последние годы происходит в основном на действующих и открытых ранее месторождениях, на уже созданной инфраструктуре*, за счет интенсификации ранее созданных активов. В то же время, как уже было показано в предыдущих разделах, эффективно работающей модели воспроизводства активов в НКК так и не создано: это касается и основных фондов, и

⁶⁶ Шафраник Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики России. - М., 2004.

⁶⁷ Мастепанов А.М. Топливо-энергетический комплекс России на рубеже веков - состояние, проблемы и перспективы развития. - М., изд-во "Современные тетради", 2001.

* Кстати, именно поэтому и потребность в инвестициях для этого роста была достаточно низкой (подробнее см., напр., 51).

запасов углеводородного сырья (Рис. 21).

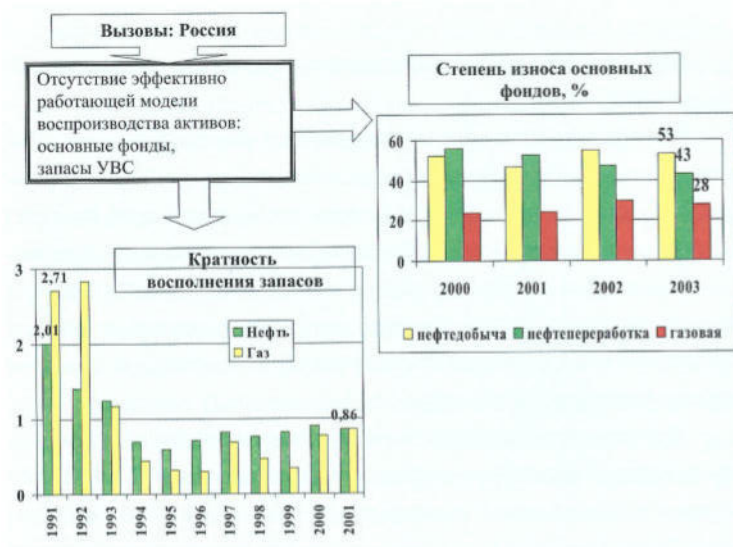

Рис. 21. Основные фонды и запасы углеводородного сырья

Во всем мире в нефтегазодобыче идет последовательное снижение издержек и затрат. И у нас, на первый взгляд, все здесь выглядит вполне достойно (Рис. 22). Однако **опытный руководитель без обиняков скажет, что наше снижение издержек на фоне последних лет в большей степени искусственно.** В первую очередь это связано с тем, что к началу 1990-х была создана колоссальная производственно-техническая база, опираясь на которую и удастся поддерживать желаемую динамику показателей текущих издержек.

Это – не более чем иллюзия (снижение текущих издержек происходит на фоне роста физического износа фондов, и этому есть предел, который уже «не за горами»). Если вовремя не принять меры, ситуация обернется не просто проблемой 2007 г. (как ее обозначил вице-президент «Лукойла» Л.А. Федун), а настоящей катастрофой.

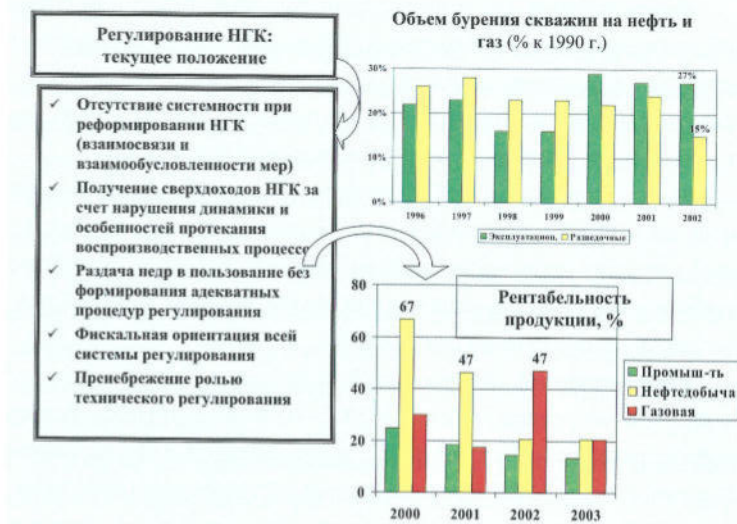

Рис. 22. Объем бурения и рентабельность

Поэтому возникает вполне закономерный вопрос – могут ли наши нефтегазовые гиганты справиться с грядущими проблемами? Автор полагает, что нет – в одиночку, без активного и целенаправленного взаимодействия с государством с этими проблемами они справиться, увы, не в состоянии.

В основе сегодняшнего роста НГК лежат не столько внутренние, сколько внешние факторы, и прежде всего высокие мировые цены на нефть и благоприятная конъюнктура мировых рынков. Причём даже в основе самих высоких цен на нефть лежат не столько долговременные структурные факторы, сколько спекулятивные, подстёгнутые политическими и военными шагами США.

Таким образом, можно утверждать, что быстрый рост добычи нефти в России базируется на весьма шатком фундаменте.

Понимание этого процесса, внимательный анализ состояния и тенденций развития нефтяного комплекса России дают основание сделать следующие выводы:

Вывод первый. Не ставя под сомнение зависимость современной экономики России от конъюнктуры на мировом рынке нефти, а также роль и значение ценового фактора в развитии нефтяной отрасли, следует всё же признать, что этот фактор является лишь одним из многих, и преувеличивать его значение никак нельзя.

Вывод второй. Да, благоприятная ценовая конъюнктура внешних рынков в сочетании с позитивными внутренними факторами развития экономики создали иллюзию того, что основные проблемы нефтяного комплекса России уже решены, и можно рассчитывать на дальнейшее его развитие.

Вывод третий. Нефтяная отрасль России в основном работает на зарубежные рынки. По итогам 2002–2004 гг. на внешние рынки уходило, включая нефтепродукты, 73–75% добытой в стране нефти. Отметим, что еще в 1995 г. этот показатель составлял всего 49%, так же, как и в 1990 г. С той лишь разницей, что в 1990 г. из 266 млн. т жидкого топлива, вывезенного из России, 154 млн. т ушло в другие республики единого государства – Советского Союза и экспортом не являлось.

Таким образом, во второй половине 1990-х гг. (а точнее, в 1997–98 гг.) в отрасли произошел качественный перелом: каждые две тонны нефти из трех добытых (а позже и больше) стали предназначаться для внешних потребностей. Подобная пропорция, согласно Энергетической стратегии России, сохранится и на весь период до 2020 г.

Вывод четвертый. Нефтяной комплекс страны стоит на пороге больших и серьезных перемен. Проведенный нами анализ⁶⁸ свидетельствует, что перспективы его развития в ближайшее время будут определяться решением таких основных проблем, как недропользование и состояние ресурсной базы отрасли; структура комплекса и монополизация; инвестиции и новые проекты. Именно от степени решения этих проблем (а не от уровня мировых цен на нефть, которые могут способствовать или препятствовать этому!) в основном бу-

⁶⁸ Шафраник Ю.К. Нефтяная промышленность в системе национальной экономики и геополитики России. - М., 2004.

дет зависеть будущее всего нефтяного комплекса страны.

Во-вторых, какие мировые цены на нефть более благоприятны для нашего экономического развития: высокие или низкие? Автор полагает, что при всей кажущейся очевидности ответа: «Да, высокие, поскольку у нас основные валютные доходы, вообще доходы от экспорта, это – доходы от нефти» – такой ответ далеко не однозначен⁶⁹.

Основной минус – высокие цены на нефть консервируют структуру экономики в нынешнем виде. Они создают видимость экономического благополучия, иллюзию того, что в принципе ничего менять не надо. Добывай нефть, качай на экспорт, а все остальное можно купить.

И наоборот, низкие цены являются определенного рода стимулятором совершенствования структуры экономики. И в этом отношении динамика мировых цен на нефть, которая была в 1998–2000 гг., показала, что после дефолта, после низких цен экономика активизируется. Однако, как только в страну идет обильный долларовый поток, стимулы развития ослабевают⁶⁹.

И все же это не ответ, а тезис ответа, качественная экспертная оценка, а не следствие глубоких исследований, в том числе на моделях народнохозяйственного прогнозирования. Такие исследования ещё предстоит провести, хотя, скажем откровенно, как-то не видно очереди заказчиков на эти исследования, нетерпеливо ждущих от них ответ на поставленный выше вопрос. Сложившаяся ситуация, похоже, устраивает большинство из политической и деловой элиты страны...

Между тем, по нашему твёрдому убеждению, такой ответ необходимо найти как можно скорее, причём ответ абсолютно четкий, максимально полный, учитывающий все плюсы и минусы этого явления, ответ аргументированный и убедительный, и не только для

⁶⁹ Мастепанов А.М. Перспективы развития нефтегазового комплекса в свете Энергетической стратегии Рос-сии. - "Наука и технология углеводородов". Научно-технический журнал. № 3 (28), 2003 и № 4 (29), 2003.

правлящей элиты, но и для всего общества, которое и есть та сила, что может эту элиту подвинуть (заставить, принудить) изменить экономический курс страны.

В-третьих, что нефть для России – средство формирования современной высокоэффективной, диверсифицированной экономики или орудие дальнейшего закабаления страны, закрепления за нею статуса «великого сырьевого придатка» развитых государств? Однозначного ответа на этот вопрос у автора также нет.

Конечно, хотелось бы, чтобы с помощью нефтяной отрасли, всего ТЭК страна успешно преодолела социально-экономический кризис, вызванный непродуманным и неподготовленным переходом к рыночным началам, чтобы средства, которые даёт комплекс, преобразовали всю структуру экономики страны и обеспечили её уверенный рост. Более того, именно эти цели закладывались коллективом учёных и специалистов под общим руководством автора в Энергетическую стратегию России (основные положения), одобренную постановлением правительства РФ №1006 от 13.10.1995 г.⁷⁰

Однако в реальных условиях 1996–2000 гг. стратегия, как уже отмечалось выше, не стала тем эталоном, с которым сверялись бы все действия государственных органов и хозяйствующих субъектов в энергетическом секторе, хотя она и определила общие ориентиры при формировании задач и решений по управлению и реформированию ТЭК.

Более того, у государства как не было, так и нет внятной долгосрочной экономической политики. Та же Энергетическая стратегия (и в редакции 1995 г., и в редакциях 2000 и 2003 гг.) хотя и содержит определённые общеэкономические положения, но направлена главным образом на решение задач производства энергоресурсов.

⁷⁰ Энергетическая политика России на рубеже веков (в 2-х томах). - М., "Паширус Про", 2001. т. 1: Формирование Энергетической стратегии России (исторический генезис), 2001.

Даже вопросы использования топлива и энергии в ней скорее ставятся, чем решаются*.

Позиция автора состоит в том, что ТЭК России и её нефтяная отрасль пока ещё имеют потенциал как для того, чтобы поддерживать платежеспособный спрос на машины, оборудование и материалы для своего развития, так и для генерации финансовых потоков, в том числе рентного характера, для их переориентации на развитие обрабатывающей промышленности и наукоёмких производств.

В-четвёртых, а может ли в принципе нефтяная отрасль, ориентированная на экспорт, обеспечить долговременный и устойчивый экономический рост? И здесь не надо торопиться с ответом, хотя о богатстве Саудовской Аравии или Объединённых Арабских Эмиратов, об уровне жизни их населения ходят легенды.

Давайте проанализируем экономические и энергетические показатели основных стран-экспортёров нефти и нефтепродуктов и ряда развивающихся стран-импортёров нефти и других энергоресурсов за достаточно длительный – 30-тилетний – период: с 1971 по 2000 г. (табл. 3.2 и 3.3)**.

Причём мы взяли для анализа такие развивающиеся страны, которые не только традиционно импортируют нефть, нефтепродукты и природный газ, но и значительно зависят от такого импорта. Например, Сингапур и Гонконг в 2000 г. импортировали все потребляемые в стране энергоносители. Зависимость от импорта Тайваня, Израиля и Южной Кореи составила от 97 до 87%, Турции – 66%, Филиппин – 51%.

* Естественно, что по-другому и не могло быть. Иначе это была бы не Энергетическая стратегия, а Государственная долгосрочная экономическая стратегия, которую государство как не имело, так и не имеет.

** Мы специально ограничиваемся анализом только развивающихся стран - импортёров нефти, стран, кото-рые совсем ещё недавно (те же тридцать лет назад) относились к одним из самых бедных государств мира. Но нефть, газ и другие энергоносители в огромных объёмах импортируют практически все экономически развитые страны, причём доля импортных энергоресурсов составляет в них от 26,5% в США, до 52-60% во Франции и Германии и до 81% в Японии.

Таблица 3.2. Сводные данные по основным странам-экспортёрам нефти

	С. Аравия		Иран		Венесуэла		Нигерия		Ирак		Мексика		ОАЭ Эмираты		Алжир		Ливия	
	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000
Объём экспорта нефти и нефтепродуктов, млн. т.	225,7	380,5	215,4	132,0	185,6	159,4	75,0	102,4	81,5	106,4	0,6	92,5	51,8	103,5	35,4	62,4	135,7	56,7
Численность населения, млн. чел.	6,0	20,7	29,4	63,7	11,1	24,2	54,7	126,9	9,7	23,3	50,18	97,2	0,3	2,9	14,2	30,4	2,1	5,3
Производство ВВП (по валютному курсу)* (по валютному курсу)**	46,7	139,4	45,1	105,0	46,8	79,8	16,1	32,2	178,4	81,3	121,9	374,4	7,4	49,3	15,6	48,8	46,7	34,2
Производство ВВП (по ППС)**	72,5	216,6	152,3	354,4	78,3	133,4	51,7	103,4	70,6	32,2	264,6	812,6	7,9	52,9	48,3	151,5	38,4	28,1
Объём ВВП (по валютному курсу) на душу населения, тыс. долл./чел.	7,78	6,73	1,53	1,66	4,22	3,30	0,29	0,25	18,39	3,49	2,43	3,85	24,67	17,00	1,10	1,61	22,24	6,45
Объём ВВП (по ППС) на душу населения, тыс. долл./чел.	12,08	10,46	5,18	5,56	7,05	5,47	0,95	0,81	7,28	1,38	5,27	8,36	26,33	18,24	3,40	4,98	18,29	5,30
Внутреннее потребление энергоресурсов, млн. т.н.э.	6,24	105,30	18,56	112,73	20,14	59,26	36,15	90,17	4,51	27,68	45,59	153,51	1,02	29,56	3,68	29,06	1,66	16,44
Потребление энергоресурсов на душу населения, т.н.э./чел.	1,04	5,08	0,63	1,77	1,82	2,45	0,66	0,71	0,47	1,19	0,91	1,58	4,05	10,18	0,26	0,96	0,80	3,11

* млрд. долларов США в ценах 1995 г.
 Построена по данным: а) Key World Energy Statistics from the IEA, 2002 edition. – OECD/IEA, 2002;
 б) Energy Balances of OECD Countries. OECD/IEA, 2001 Edition and 2002 Edition.

Таблица 3.3. Сводные данные по некоторым странам-импортёрам нефти, газа и других энергоресурсов

	Гонконг		Сингапур		Тайвань		Израиль		Ю. Корея		Турция		Филиппины		Тайланд		Бразилия	
	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000	1971	2000
Объём импорта энергоресурсов, млн. т. н.э.	4,06	26,03	6,62	40,89	7,26	80,83	0,40	19,29	10,69	167,67	6,11	51,00	8,67	21,61	6,36	33,25	22,30	43,41
Доля импорта в суммарном потреблении топлива и энергии, %	100,0	100,0	100,0	100,0	68,6	97,4	6,3	95,5	64,7	86,6	31,4	66,1	59,3	50,9	45,0	45,2	32,0	23,7
Численность населения, млн. чел.	4,0	6,80	2,1	4,02	15,0	22,22	3,1	6,23	32,88	47,28	36,55	66,84	37,6	75,58	36,8	60,73	98,4	170,41
Производство ВВП (по валютному курсу)* (по валютному курсу)**	25,2	164,6	12,7	113,4	39,2	343,6	28,7	106,4	79,1	617,5	61,7	205,1	33,4	88,2	28,2	170,3	255,8	788,0
Производство ВВП (по ППС)**	24,5	159,9	10,2	91,3	47,1	412,1	16,0	115,0	99,2	652,0	126,6	420,9	110,1	290,6	60,5	365,6	413,0	1184,2
Объём ВВП (по валютному курсу) на душу населения, тыс. долл./чел.	6,30	4,21	6,05	28,21	2,61	15,46	9,26	17,07	2,41	13,06	1,69	3,07	0,89	1,17	0,77	2,80	2,60	4,62
Объём ВВП (по ППС) на душу населения, тыс. долл./чел.	6,13	23,52	4,86	22,71	3,14	18,55	5,16	18,45	3,02	13,79	3,46	6,30	2,93	3,85	1,64	6,02	4,20	6,95
Внутреннее потребление энергоресурсов, млн. т. н.э.	3,5	20,9	2,96	24,6	10,6	83,0	6,3	20,2	16,5	193,6	19,5	77,1	14,6	42,4	14,1	73,6	69,6	183,2
Потребление энергоресурсов на душу населения, т. н.э./чел.	0,87	3,08	1,40	6,12	0,71	3,74	2,07	3,24	0,50	4,10	0,53	1,15	0,39	0,56	0,38	1,21	0,71	1,07

* млрд. долларов США в ценах 1995 г.
 Построена по данным: а) Key World Energy Statistics from the IEA, 2002 edition. – OECD/IEA, 2002;
 б) Energy Balances of OECD Countries. OECD/IEA, 2001 Edition and 2002 Edition.

В рассматриваемую группу стран мы включили также Таиланд и Бразилию, зависимость которых от импорта энергоносителей хотя и несколько ниже (45% и 24% соответственно), но также постоянна. Причём ни одна из этих стран, кроме Бразилии, своей добычи нефти не имеет.

Итак, *первое*, что бросается в глаза, – это, в общем-то, *достаточно средний* во всех странах-экспортёрах нефти *уровень производства ВВП на душу населения* (даже по паритету покупательной способности – ВВП ППС**). В самом деле, даже в тех же Саудовской Аравии, Кувейте и ОАЭ этот показатель составлял в 2000 г., соответственно, всего 10,46, 14,83 и 18,24 тыс. долл., что существенно ниже, чем не только в промышленно развитых странах (странах ОЭСР) в целом, где он равнялся 21,94 тыс. долл. на человека, но и в таких ещё совсем недавно слаборазвитых государствах, как Израиль, Тайвань, Сингапур или Гонконг.

Единственное исключение – Катар, где на 0,59 млн. человек добывается 32 млн. т. нефти, а ее экспорт и сжиженного природного газа составляет 44,7 млн. т. н.э. В Катаре ВВП ППС на душу населения в том же 2000 г. достиг 26,05 тыс. долл., что вполне сопоставимо с уровнем этого показателя в таких странах, как Дания, Канада и Швеция.

Что же касается традиционных экспортёров нефти, например, Иран, Венесуэла, Ливия и Алжир, то ВВП ППС на душу населения здесь составляет 5,56 – 4,98 тыс. долл., что ниже, чем в мире в целом (6,93 тыс. долл.) или в Таиланде, Турции и Бразилии. Даже в Мексике, которая входит в число стран ОЭСР и имеет многоотраслевую развитую экономику, ВВП ППС на душу населения в разы меньше, чем, скажем, в Израиле, Тайване, Сингапуре и Гонконге.

Кстати, Норвегия, что славится очень высоким уровнем жизни и является одним из основных в мире экспортёров углеводородов

*** Отметим, что точность оценки душевого ВВП, рассчитанного с учётом паритета покупательной способности национальной валюты, достаточно ограничена. Однако если речь идёт о тенденциях, о соотношениях без претензии на большую точность приводимых данных, этот показатель имеет свои неоспоримые преимущества, позволяя сопоставить страны с совершенно различными условиями.

(в 2000 г. – 146 млн. т. нефти и 50,5 млрд. куб. м природного газа на 4,5 млн. чел. населения), получает душевой ВВП ППС меньше, чем вообще не имеющая топливных ресурсов, кроме торфа, Ирландия или полностью импортирующая жидкое топливо Исландия – соответственно 26,3 тыс. долл. против 27,65 и 26,86 тыс. долл.

Что же говорить об Ираке или Нигерии, душевой ВВП ППС которых в 2000 г. был одним из самых низких в мире – соответственно 1,38 и 0,81 тыс. долл.

Второе. Экспорт нефти не только *не обеспечил в большинстве основных стран-экспортёров роста душевого ВВП ППС* до уровня развитых стран или так называемых «азиатских тигров», но не смог даже сохранить его на том уровне, который имелся у них тридцать лет назад. В самом деле, в Саудовской Аравии он снизился на 13,4%, в Нигерии – на 15%, в Венесуэле – на 22,5%, в ОАЭ – на 31%, в Ливии – в 3,5 раза, в Ираке – в 5,3 раза. Как видим, процесс этот коснулся как самых богатых (ОАЭ, Саудовская Аравия), так и самых бедных (Ирак, Нигерия) стран. Практически не выросло производство ВВП ППС на душу населения и в Иране (рост за 30 лет – 7%). И только в Алжире и Мексике оно возросло в полтора раза. А ведь эти страны за тридцать лет добыли и отправили на мировой рынок более 33 млрд. т. нефти! Больше миллиарда тонн ежегодно!

Третье. В некогда отсталых, *не имеющих собственных ресурсов нефти странах экономический рост* в рассматриваемый период времени *был в десятки раз более интенсивным, чем в ведущих мировых экспортёрах нефти.* Так, в Израиле, Таиланде и Гонконге ВВП ППС на душу населения увеличился в 3,6–3,8 раза, в Корее и Сингапуре – в 4,6–4,7 раза, на Тайване – в 5,9 раза. И только на Филиппинах, в Бразилии и Турции ВВП ППС на душу населения за тридцать лет увеличился примерно так же, как в Алжире или Мексике.

Таким образом, экономическая история однозначно свидетельствует, что *нефтяная отрасль, ориентированная на экспорт, в принципе не может обеспечить долговременный и устойчивый экономический рост.*

Да, нефть – мощный двигатель экономики, но только в том случае, если эта нефть потребляется, а не вывозится и продаётся. И для России, ВВП ППС на душу населения в которой в 2000 г. составил 7,63 тыс. долл. (больше, чем в Ливии, Венесуэле или Иране, но меньше, чем в Мексике или Саудовской Аравии), удвоить ВВП к 2010 г. наращиванием экспортного потенциала углеводородов нельзя в принципе.

Этим выводом можно, пожалуй, и завершить рассмотрение экономических аспектов глобализации и возможностей нефтяной отрасли, поскольку он даёт однозначный ответ на многие рассмотренные выше вопросы.

Ещё раз повторим: нефтяная промышленность является стратегически важным звеном как в мировой экономике, так, разумеется, и в экономике России. Именно нефть обеспечивает значительную часть экономического роста. Но только в том случае, когда эта нефть толково используется, производительно потребляется. *Россия – великая нефтяная держава, но великой экономической державой она станет лишь тогда, когда основная часть добываемой здесь нефти будет использоваться внутри страны*, причём не просто сжигаться, а перерабатываться в сотни и тысячи различных продуктов.

Отсюда последние в этой работе выводы, которые, на наш взгляд, должны определять стратегические цели российской нефтяной промышленности в условиях глобализации:

- *развитие нефтяной отрасли в России должно ориентироваться главным образом на внутренний рынок;*
- *стратегическое направление развития – создание в рамках вертикально-интегрированных нефтегазовых компаний мощных нефтехимических производств;*
- *экспортная составляющая нефтяной отрасли должна быть тесно увязана с экспансией отечественных нефтегазовых компаний на зарубежные рынки и дополняться контролем углеводородных ресурсов в третьих странах.*

Глава 4.

Энергетический бизнес и общество

4.1 Капитал и устойчивое развитие России

Я не пророк и не готов дать ответы на все вызовы времени для будущей нормальной жизнедеятельности бизнеса и общества, хотя и приходилось принимать немало тактических и стратегических решений в истории развития нефтегазовой промышленности. В данном случае мне хотелось бы поделиться собственными представлениями о том, что и для чего мы делаем и должны делать, чтобы «обустроить Россию» за счет эффективного использования и воспроизводства ее энергетического потенциала. Потенциала как активного источника того энергетического капитала (я уже привыкаю к этому новому термину), который только и способен производить полезную работу. Полезную (не пугаюсь громких слов) для России, ибо все мы – ее граждане. А жить в обществе и быть свободным от общества – нельзя (не нами и неглупо сказано). Так же, как невозможно не задумываться, а кто мы есть, для чего живем, что делаем и к чему стремимся.

При этом размышлять стоит не об объемах добываемой нефти и газа, не о вопросах собственности и приватизации, не о проблемах взаимоотношений федерального центра и региональной инфраструктуры, не об экспортной сырьевой ориентации нефтегазового производства и явно недостаточной глубине переработки сырья на отечественных НПЗ, и даже не об отсутствии инвестиций в геологоразведку и освоение новых месторождений. Все эти проблемы так или иначе отражены и в Концепции развития нефтегазового комплекса (1996 г.), и в различных вариантах Энергетической стратегии России на период до 2010 и до 2020 года, к разработке которых автор имел непосредственное отношение, будучи министром топлива и энергетики России на протяжении 1993–1996 гг.

Главное, что осталось пока недосказанным и даже не полностью осмысленным, это роль и место капитала (ресурсного, товарно-финансового, структурно-организационного и инвестиционно-инновационного) не в собственном развитии НГК и ТЭК в

целом, а роль и место капитала вообще (эргатического – способного к производству полезной работы) в устойчивом социально-экономическом развитии России, не просто нашего места проживания (несмотря на всю интернационализацию капитала и глобальное развитие экономики), а нашей Родины и нашего будущего.

Капитал, по большому счету, если отвлечься от догматических утверждений марксистской политэкономии, это не просто самовозрастающая стоимость частной собственности, которая приносит дополнительный доход посредством эксплуатации наемной рабочей силы. Если вернуться к первоначальным утверждениям К. Маркса и обратиться к «Толковому словарю русского языка», то само понятие «капитал» означает «важное достояние», «большую ценность», но не саму по себе, а приносящую в процессе его эффективного использования новую прибавочную стоимость, прибыль, еще большую ценность, увеличивающую сам капитал. При этом вместо чисто рыночно-экономической формулы «товар – деньги – товар» современный капитализм (а в приведенной терминологии «капитал = ценность, достояние») действует по схеме «ресурс – капитал – новая ценность». Капитал в данном случае выступает не самостоятельной ценностью, а средством приумножения новых благ в интересах бизнеса и общества.

Понятие «прибыль» не является конечной задачей бизнеса, так как любая система развивается только в том случае, если она способна к расширенному воспроизводству капитала, создающего новые ценности в соответствии с представлениями и предпочтениями общества и индивидуумов, являющихся потребителями этих ценностей и покупателями производимых товаров.

Сегодня даже апологеты рыночной экономики, такие, например, как тот же, Дж. Сорос⁷¹, начинают утверждать, что т.н. рыночный фундаментализм, где «господствует миф о невидимой руке рынка, якобы все расставляющей по своим местам и соединяющей

⁷¹ Дж. Сорос, с. 169, 172, 173

личный интерес с общим», девальвирует прежние «ценности кооперативного поведения, такие, как верность и сотрудничество» и создает «острый дефицит новых объединяющих ценностей», которые связывали бы интересы бизнеса и государства. В людях изначально заложена потребность в общественных ценностях. Сегодня рыночный фундаментализм представляет большую угрозу открытому обществу, чем коммунизм ... Социальная справедливость находится вне пределов компетенции рыночной экономики ... Из того, что политические решения снижают эффективность рыночных механизмов, вовсе не следует, что политика не должна вмешиваться в рыночные процессы».

При этом социальная справедливость не есть уравнилельный способ распределения благ (общественного капитала), а есть такая система взаимоотношений между производителями и потребителями общественных благ, при которой достигается устойчивое развитие общества. *Под устойчивым развитием мы понимаем максимально возможное наращивание совокупного эргатического капитала (как цели и средства общественного развития) и его «оптимальное» распределение между текущим потреблением и накоплением (воспроизводством).*

При этом «оптимальность» не есть некое неизменное отношение, а меняющиеся со временем пропорции между долей капитала, идущего на производство средств производства и средств потребления (не простого проедания или бессмысленных трат и воровства, а потребления в интересах развития и воспроизводства человеческого капитала – здоровья, науки и культуры, инфраструктуры отдыха и быта). Существует гипотеза⁷², что это оптимальное соотношение должно подчиняться правилу «золотого сечения» в виде 0,62:0,38.

В СССР в годы активной индустриализации производство группы «А» преобладало над производством товаров группы «Б», и

⁷² В.В. Бушуев. Энергия и энергетика. - М.: ИАЦ "Энергия", 206 с.

страна развивалась как промышленная держава с некоторым забвением потребительских интересов людей. Но в определенные моменты это противоречие в рамках «устойчивого развития» должно меняться в пользу потребительского сектора, а затем – снова в обратную сторону.

Цикличность этих переключений определяет периодический характер смены социально-экономических формаций, доминирующей политической линии власти. И вообще, цикличность является объективным свойством любых процессов политического, военного, технологического, рыночно-конъюнктурного характера. Во время смены этих парадигм развития со сменой общественных предпочтений, как правило, меняются и предпочтения самого бизнеса, когда на смену производства одного вида продукции (индустриальной направленности) выступает эффективность производства потребительских товаров и услуг, и наоборот. Сегодня это модно называть «фанк-бизнесом», ориентированным не на массовую продукцию, а на эксклюзивные товары, воспитывающие вкус и спрос потребителя.

К сожалению, эта смена парадигмы в нашей стране явно запоздала, что было одной из причин ликвидации нашей централизованно управляемой системы, ориентированной на тяжелую промышленность и в пользу развития потребительского рынка. Но произошел явный перебор, и сегодня доля ВВП, идущего на накопление, не превышает и 20%, а потребление осуществляется не в интересах развития социального и человеческого капитала, не с учетом справедливого распределения накопленных благ, а в интересах коррумпированного чиновничества и сиюминутных интересов олигархов.

Общая «теория справедливости»⁷³ утверждает, что «правильность определяется, как то, что максимизирует благо» (по-нашему, совокупные ценности – капитал), а распределение справедливо,

⁷³ кн. Дж. Ролз "Теория справедливости - пер. с англ. - Изд. Новосибирского университета, 1995, с. 55.

когда «каждый человек имеет выгоду от допустимых неравенств в базисной структуре» (общества). «Социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы от них можно было ожидать преимуществ для всех».

Поэтому базисная структура общества, определяющая *взаимоотношения деятельного бизнеса и социально ответственного государства, должна основываться* на обустройстве главных социальных и экономических интересов общества *в рамках одной схемы кооперации.*

Именно эта кооперация целей и правил взаимодействия власти и бизнеса должна стать тем **«социальным партнерством»**, которое сегодня начинает провозглашаться и доминировать в обществе.

В условиях нового общественного климата, создаваемого консолидацией усилий власти и бизнеса, застрельщиком должен выступить отечественный бизнес и, прежде всего, крупный бизнес, который уже в состоянии жить не сиюминутными интересами, а стратегической перспективой развития. В этом и состоит его историческая миссия, отказ от выполнения которой дискредитирует все российское бизнес-сообщество в глазах народа. Только партнерство государства и бизнеса позволит НГК адекватно отвечать на современные динамичные вызовы.

Сам же капитализм как форма приумножения и справедливого распределения капитала при определенных условиях может стать **«народным капитализмом»**, в котором народ и бизнесмены – партнеры в достижении общих целей устойчивого развития страны.

Конечно, в наше время понятие «народный капитализм» многим представляется архаичным. Но от этого не меняется суть: капитализм – это не система эксплуатации наемного труда ограниченным числом собственников-производителей, а система, использующая капитал как средство совершения кооперативно полезной работы и справедливое (в интересах всего общества, в том числе производителей-бизнесменов и массового потребителя-народа) распределение этого капитала на цели устойчивого развития всего общества.

Скажут – идеалистичный подход, но другого не дано. К такому выводу нас подталкивают факты реального бытия. Уже давно не секрет, что разрыв уровней жизни различных слоев населения катастрофичен (везде и всегда) и (у нас) продолжает увеличиваться. Все более очевидным становится, что одной благотворительностью дел не поправить. Нужны реальные шаги по оздоровлению экономической ситуации в стране, повышению уровня жизни россиян.

4.2. Проблемы и приоритеты НГК в общественном капитализме

Нефтегазовый комплекс – главный плацдарм, где трансформация природного энергетического ресурса в совокупный общественный (эргатический) капитал происходит наиболее значимо как в количественном, так и в качественном виде.

Энергообеспечение является не только одной из форм бизнеса, но, прежде всего – *инфраструктурной сферой жизнедеятельности любого общества*, которая снабжает людей теплом и электроэнергией, моторным топливом, важными энергохимическими и другими продуктами. Рассчитывать, что сам бизнес, организованный в виде ВИНК, будет заинтересован в решении этой социально значимой задачи, увы, не приходится. В том числе и потому, что государство пытается сдерживать цены на продукты товарного производства ВИНК и «Газпрома», ибо их рост затрагивает интересы не отдельных покупателей, а всего населения страны.

Эта политика государства объективно необходима, по крайней мере до тех пор, пока энергетические затраты населения (что и является главным) составляют в семейном бюджете нынешнюю долю в 16–20%. Половина этих затрат приходится прямо или косвенно на оплату моторного топлива (автомобилизация – как личная, так и общественная – стала уже неотъемлемой и важной функцией жизнеобеспечения), газа для приготовления пищи, а вторая половина – это расходы на энергетическое коммунально-бытовое обеспечение

(тепло- и электроснабжение).

Власть, как мне кажется, все-таки понимает истинные причины низкой эффективности жилищно-коммунального хозяйства, но, увы, практически мало что делает для их устранения. Попытку переложить оплату всех затрат на плечи самих граждан за счет сокращения бюджетных дотаций при сохранении низкой оплаты труда большинства населения и унижительно мизерных пенсий под предлогом ликвидации т.н. перекрестного субсидирования населения промышленностью совершенно недопустимы. Ибо заставлять людей оплачивать энергопотери, которые, в частности, в тепло-снабжении, доходят до 35–40%, – это не политика, а инструмент жизненной деградации сограждан.

Также неуместна и политика «ничегонеделания», с сохранением заниженных цен на энергоносители, особенно на бытовой газ. Это искажает национальные интересы бизнеса, стимулирует, прежде всего, экспорт газа и нефти в ущерб отечественным потребителям. А недоступность экспорта для малого и среднего бизнеса делает наш НГК заложником крупных олигархических структур.

Поэтому задача поиска взаимоприемлемых решений власти и бизнеса в сфере инфраструктурного энергоснабжения населения и отечественной промышленности сегодня актуальна как никогда.

К сожалению, одноразового, сиюминутного решения эта проблема не имеет. Нельзя одновременно повысить всем зарплату и пенсию до уровня, когда энергозатраты в семейном бюджете не будут превышать 8–10%, как в большинстве развитых стран мира. Это соотношение наши социологи и экономисты могут и должны уточнить с учетом климатических и инфраструктурных особенностей нашей страны.

Но оно должно стать критерием действий власти как при осуществлении государственной политики ценообразования в естественно-монопольных отраслях ТЭК, так и при демополизации в самом ЖКХ, а особенно в активном проведении политики энергоэффективности, которая сегодня стала ничейной. Государств не за-

нимается развитием энергетической инфраструктуры, вдобавок не стимулирует бизнес для решения этой задачи.

Что можно и должно сделать в данном направлении?

Во-первых, правильно выбрать **критерии и приоритеты ценовой политики**. Сегодня доля энергозатрат в стоимости продукции промышленности не превышает 7% (по электроэнергии и теплу) и 5% (по топливу). Поэтому либерализация цен на газ для промышленного использования (в том числе и для электроэнергетики) при сохранении сдерживаемых цен для населения (т.н. перекрестное субсидирование) не только возможна, но и необходима.

Конечная стоимость товарной продукции в промышленности при разумном росте цен на энергоносители практически не увеличится, ибо этот рост может быть успешно предотвращен применением элементарных мер по снижению собственных энергоиздержек. А как показывает финансово-энергетический аудит, обязательный для всех крупных предприятий по закону «Об энергосбережении» (1996 г.), но проводимый ими крайне редко, только за счет наведения элементарного порядка в собственном энергохозяйстве и применения достаточно очевидных технологических решений, предприятия могут снизить свои энергетические издержки не менее чем на 15%.

И тут рост цен на энергоносители – не уничтожение нашей промышленности, а стимулирование ее энергоэффективности.

Однако нынешняя ликвидация Госэнергонадзора, который хоть как-то пытался организовать контроль за учетом и эффективным использованием энергоресурсов, при отсутствии рыночных стимулов к энергосбережению из-за лоббизма промышленников к сохранению низких цен на энергоносители, делает эту задачу практически никем и ничем не решаемую.

Во-вторых, нынешние сверхдоходы российского бюджета и НК, обусловленные высокими ценами на нефть на мировом рынке, должны быть использованы в обоюдных интересах, прежде всего **на создание энергоэффективной инфраструктуры**. Это снизит

необоснованные потери энергии, следовательно, и дополнительные затраты НК на добычу и производство энергоносителей, безвозвратно теряемых затем на всех стадиях потребления.

Известно, что затраты на энергосбережение в 2 раза эффективнее, чем затраты на дополнительное производство такого же количества энергоносителей. И если в промышленности «методом ценового кнута» и законодательно оформленного госконтроля можно и нужно стимулировать энергосбережение, то коренную реорганизацию ЖКХ государство должно взять на себя за счет свободных собственных и привлекаемых на льготных условиях инвестиций от сверхдоходов нефтегазового бизнеса.

Нефтегазовый бизнес, помимо своей инфраструктурной функции, является не только обычным прибыльным делом, но и базой для ускоренного обновления энергетического потенциала общества. При этом, как уже говорилось, энергетический потенциал определяется и природными ТЭР, и теми научно-технологическими и интеллектуальными возможностями, которые позволяют с меньшей нагрузкой на недра и окружающую среду производить больше полезной работы, востребованной обществом для потребления и накопления.

Энергоэффективность общества в целом (и, естественно, бизнеса) определяется отнюдь не одним снижением количества используемых энергоносителей на выпуск полезной продукции.

Социально-экономическое партнерство власти и бизнеса определяется совместной заинтересованностью в увеличении отношения «ВВП – стоимость используемых ТЭР». ВВП для развивающихся стран, каковой является и России, прямо пропорционален качеству жизни (росту продолжительности, увеличению жизненного потенциала и другим социально значимым показателям). Значит, государство как социальный институт действительно заинтересовано в ускоренном росте ВВП. И задача удвоения ВВП для достижения нынешнего качества жизни развитых стран Европы вполне обоснована. Но она может и должна решаться не только путем на-

ращивания количества произведенных и потребленных ТЭР, но и ускоренным увеличением конечного результата за счет более эффективных, с точки зрения прироста ВВП, технологий и производств.

Так, удвоить ВВП при сохранении нынешней энергоёмкости экономики, это значит в 2 раза увеличить потребление и производство энергоресурсов, что невозможно ни технологически, ни экономически.

Если оценить энергоэффективность ($\eta_{эф}$) по выше приведенному соотношению (ВВП – стоимость используемых ТЭР) для таких субъектов, как ОПЕК, Россия и ЕС, продающих и покупающих ТЭР по высоким мировым ценам, то результат, на первый взгляд, парадоксален. Например, по оценкам В.В. Бушуева, безразмерная величина $\eta_{эф}$ составляет (таблица 4.1):

Таблица 4.1

$\eta_{эф}$	Страны				
	Россия	ОПЕК	ЕС	США	Мир
	4	0,5	38	22	8,6

Пресловутое богатство ОПЕК является надуманным. Ибо конечный результат – прирост ВВП – в гораздо большей степени определяется не стоимостью добытых и используемых (в том числе и экспортируемых) ТЭР, а ценностью произведенного и реализованного продукта, за который потребитель готов платить гораздо более высокую цену, чем за энергоносители.

Но в этом и есть цель бизнеса. Не оставаться в рамках сырьевого монопроизводства ТЭР, а, диверсифицируя, развивать отрасли не только не снижающие, но, может быть, и увеличивающие энергопотребление, но при этом производящие и реализующие более ценные продукты и услуги.

Так, социальная эффективность бывшего «Юкоса» определяется не просто наращиванием объемов добычи нефти, а вложениями

в телекоммуникационные системы и подготовку кадров. За деньги этой компании Томский технологический университет качественно преобразился в современный научно оснащенный центр подготовки и переподготовки квалифицированных кадров – и не только в нефтяной сфере.

Известен вклад «Газпрома» в диверсификацию бизнеса в сфере производства газовых турбин и другой продукции двойного назначения бывшего ВПК.

Именно на этом пути НГК создает своим капиталом и новые заказы наукоемкой техники, и новые рабочие места, увеличивая интеллектуальный потенциал общества. Тем самым стратегически бизнес и власть действуют в общих интересах, выступая партнерами общественного капитализма.

4.3. НГК и энергетика будущего

О роли нефти, в том числе и нефти России, в перспективном мировом энергетическом балансе уже было сказано в разделах 3.4 и 3.5. В то же время следует ожидать, что будущие потребности общества в энергии будут связаны не только с использованием тепла, электроэнергии и моторного топлива. В связи с неизбежным переходом от крупномасштабного энергоёмкого индустриального развития экономики к расширению сферы и ассортимента энергетических услуг **следует ожидать параллельного развития спроса на качественно различные энергоносители и энергисточники.**

Развивающаяся энерговооруженность индивидуального труда и быта населения потребует развития маломощных установок, использующих различные виды первичной и преобразованной энергии: батареи и аккумуляторы в качестве автономных источников питания электробытовых приборов; автономные системы энергоснабжения индивидуального жилого сектора, медицинских и других учреждений, телекоммуникационных систем; химические топ-

ливные элементы для локального обогрева людей, рабочих помещений и объектов специального назначения.

В то же время сохранится потребность и в силовой энергетике, в энергообеспечении энергоемких нефтегазохимических производств, что потребует развития централизованных систем энергоснабжения на базе крупных ТЭС, АЭС, ГЭС. Особое место в будущем может занять водородная энергетика, эффективно используемая, например, и вместо моторного топлива. Правда, энергозатраты на термическое или электрическое разложение воды или на получение водорода из природных ресурсов весьма велики, но производство экологически чистого концентрированного топлива с высокой теплотой сгорания может стать уже в недалеком будущем вполне выгодным делом.

Все наши энергоресурсы происходят от солнечного излучения: и углеводороды в недрах, и биомасса, и непосредственно свет от Солнца имеют огромный энергетический потенциал, правда, находящийся в слабоконцентрированном виде. Гидроэнергия, включая приливную, а также ветровые энергоустановки, атомная и химическая энергия вещества могут и должны рассматриваться не как новые альтернативные виды энергии, а как еще один вид природного энергетического ресурса.

У каждого вида энергии может быть собственный потребитель. Нельзя сравнивать и противопоставлять карманную батарейку и крупную АЭС, ТЭЦ на угле и «крышную» котельную для теплоснабжения загородного дома, дрова и сжиженный природный газ для приготовления пищи. Мы еще совершенно не оценили возможности биологической и тонкой энергии для энергообеспечения жизненных функций человека.

Поэтому энергетика будущего будет развиваться в первую очередь за счет расширения и диверсификации энергетических потребностей общества.

А задача бизнеса – не только предугадать эти новые потребности, но и научиться формировать их. При этом диверсификация

производства, использующего не просто сырьевые ресурсы и наемную рабочую силу, а интеллектуальный труд, умножает капитал за счет создания более значимых и ценных для общества продуктов и услуг. Вышеприведенный пример большей энергоэффективности стран и бизнеса ЕС (по сравнению с ОПЕК) свидетельствует, что *маркетинг различных энергетических потребностей общества и использование текущего капитала для формирования энергетического рынка будущего – задача актуальная уже и для сегодняшних отечественных нефтегазовых компаний.*

Нетрадиционная энергетика будущего не есть альтернатива нынешней углеводородной энергетике. Их нельзя противопоставлять. Надо только учитывать, что будет расширяться спрос на различные энергоносители и разные энергоустановки. И надо быть готовым удовлетворять этот растущий спрос различными, наиболее адекватными видами энергии, в основе которых лежит трансформация природных ресурсов в соответствующие энергоносители.

Не противопоставление «ископаемой» и «солнечной» энергетики является главной траекторией энергетического развития, а эффективное использование природных ресурсов с целью получения большего количества и качества разнообразных конечных энергопродуктов. Это – единая стратегическая задача и для бизнеса, и для государства.

Куда двигаться?

Нефтегазовый комплекс России стоит на пороге больших и, можно сказать, драматических перемен, хотя благоприятная ценовая конъюнктура внешних рынков в сочетании с позитивными внутренними факторами развития экономики создали определенную иллюзию того, что основные проблемы комплекса уже решены, и в условиях сохранения высоких цен на нефть можно рассчитывать на дальнейшее его поступательное развитие. **Перспективы развития НГК в ближайшее время будут определяться решением целого ряда базовых проблем – формирование действенной системы недропользования, развитие ресурсной базы отрасли, изменение структуры комплекса, демонополизация, приток реальных инвестиций, создание подходов к реализации новых проектов, изменение структуры капитала компаний. Уровень цен на нефть на внешних рынках может лишь способствовать или препятствовать решению данных проблем.**

Ключевое место занимает определение места государства в решении проблем НГК. Необходима ясность в понимании и оценке соотношения форм прямого участия (в собственности и капитале компаний НГК) и форм косвенного воздействия со стороны государства.

В ряду мер косвенного воздействия важную роль играют прогностические функции государства. Надежным инструментом прогнозирования основных параметров развития НГК должны стать единый энергетический баланс, а также частные прогнозные и исполнительные балансы добычи, производства, распределения и поставок энергоресурсов. Опыт ведущих зарубежных стран (США, Германии, МЭА) свидетельствует, что государственный контроль балансов топлива и энергии, основанный на методах рыночного регулирования, приводит к эффективным результатам в тарифной и ценовой политике, является основой динамичного развития про-

изводительных сил, инвестиционной привлекательности этих государств. Топливо-энергетический баланс из статистического документа должен стать регулирующим. В этих целях необходимо, прежде всего, законодательно определить статус такого баланса, утвердить на уровне правительственных структур методику его формирования, назначить ответственность соответствующих федеральных и региональных органов исполнительной власти за сбор необходимых данных, разработку и реализацию балансов. И самое главное – разработка и утверждение балансов топлива, энергии должны быть увязаны с бюджетным процессом на региональном и общегосударственном уровнях.

А меры прямого участия государства и методы косвенного воздействия на функционирование и развитие НГК призваны, прежде всего, обеспечить необходимый уровень энергетической безопасности страны. Для России как государства, которое в результате экономических реформ оказалась в группе стран с переходной экономикой, проблема энергетической безопасности имеет особое значение. Решение этой проблемы, которое лежит на путях формирования долгосрочной государственной энергетической политики, учитывающей как внутренние, так и внешние факторы развития ТЭК, выходит за границы традиционных технологических задач обеспечения живучести и надежности энергоснабжающих систем. В связи с этим необходимы:

- оценка (диагностика) уровней энергетической безопасности государства;
- формирование критерия оценки влияния энергетических факторов на экономическую безопасность государства;
- формирование комплекса мер по нейтрализации угроз энергетической безопасности во взаимосвязи с показателями экономической безопасности по критериям национальной безопасности государства;
- прогнозирование энергетической безопасности по сценариям социально-экономического развития страны.

К сожалению, поиск решения задач энергетической безопасности государства традиционно ведётся в пределах самой России. Однако становление отечественных вертикально интегрированных нефтяных компаний, их естественная трансформация в транснациональные и выход на международные рынки даёт основание утверждать, что в современных условиях одним из факторов национальной энергетической безопасности становится наличие у данных компаний профильных активов и вне России.

Полноценная политика и практика реализации государством своего права собственника на недра является залогом обеспечения внутренней безопасности развития нефтегазового комплекса.

В последние годы НГК России демонстрирует высокие темпы роста добычи нефти. Основные причины подобной динамики следующие:

- верная принципиальная основа законодательной базы, заложенной в предшествующие годы;
- правильно проведенная в начале 90-х годов реформа отрасли и ориентация на формирование крупных вертикально интегрированных нефтяных компаний.

К сожалению, из-за несовершенства законодательной базы в сфере недропользования, ее ориентации на раздачу участков недр, а не на их эффективное освоение, привели к тому, что рост добычи нефти в России в последние годы и повышение эффективности отрасли происходят в основном за счет более интенсивного использования ресурсов недр действующих и открытых ранее месторождений, имеющих необходимую инфраструктуру. Поэтому и потребность в инвестициях для этого роста была довольно низкой. При этом большинство компаний наращивают добычу углеводородного сырья преимущественно за счет восстановления производственно-технического потенциала ранее введенных месторождений в ранее освоенных районах. Именно такой подход позволяет российским нефтегазовым компаниям добиваться низких текущих издержек в добыче нефти и обеспечивать тем самым экономическую основу получения ими высокой прибыли.

Рост добычи нефти происходит в условиях «проедания» ресурсной базы: приросты запасов нефти не компенсируют ее текущую добычу, уменьшаются размеры открываемых месторождений не только в освоенных регионах, но и на новых перспективных площадях. Основные приросты запасов были получены главным образом за счет доразведки ранее открытых залежей, а также за счет перевода запасов из предварительно оцененных в разведанные. Ускоренно растут также объемы списания запасов как не подтвердившихся.

За годы реформ в НГК России проведены серьезные структурные преобразования, которые позволили обеспечить определенную стабильность и устойчивость в развитии не только самого комплекса, но и целого ряда сопряженных отраслей промышленности, а также социальную стабильность в обществе. Однако эти **преобразования не ликвидировали основную тенденцию развития НГК – растущий монополизм нефтегазовых компаний на внутреннем рынке. Процесс этот был запущен залоговыми аукционами середины 90-х годов**, но не прекратился и до последнего времени. Таким образом, мы ушли от государственного монополизма, проведя реструктуризацию комплекса, а пришли к корпоративному монополизму, прежде всего, крупных (частных) нефтяных компаний. Именно монополизация и ценовой сговор обуславливают постоянный рост цен на нефтепродукты на внутреннем рынке России.

Отсутствие системы эффективного государственного регулирования в нефтяной промышленности, в формировании инвестиционного климата, в регулировании процессов недропользования в целом способствует обострению проблемы энергетической и национальной безопасности в ближайшем будущем. Противоречия между целями государства и нефтяных компаний привели к большим диспропорциям в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающих отраслях. В результате нефтяная промышленность – важнейшая бюджетобразующая отрасль – находится в неустойчивом

состоянии, что может нарушить гарантированные поставки нефтепродуктов и стабильные поступления средств в консолидированный бюджет Российской Федерации. А это угрожает уже не только энергетической, но и экономической безопасности страны.

В целях успешного освоения новых нефтегазовых регионов и, тем самым, выполнения установок Энергетической стратегии государства, помимо косвенного воздействия на нефтяной бизнес (в форме процедур и подходов к регулированию деятельности недропользователей) необходимо развивать и формы прямого участия. В их числе – инвестирование в новые крупные проекты, особенно ориентированные на развитие инфраструктуры новых районов добычи углеводородов. Один из вариантов решения данной проблемы – реализация подобных проектов в форме государственно-частного партнерства.

Однако и этого окажется недостаточно, если не будут **разработаны и реализованы специальные механизмы «запуска» новых масштабных проектов в отрасли и новая модель привлечения инвестиций (новая парадигма развития НГК). Суть новой парадигмы в том, чтобы на смену нынешней модели развития (российские ресурсы и капитал + иностранные сервис, технологии, специалисты) пришла новая (российские ресурсы, технологии, оборудование, сервис, специалисты + иностранный капитал).** На реализацию этой парадигмы должны быть направлены усилия, как самого нефтегазового бизнеса, так и властных структур, формирующих институциональные условия развития НГК.

В результате стихийных преобразований, а также из-за отставания в формировании эффективного механизма реализации права собственности государства на ресурсы недр (прежде всего в структуре собственности в НГК) в России стала чрезмерно высока доля личного капитала. Что чревато дополнительными рисками для энергетической безопасности страны. НГК – слишком важный сектор любой национальной экономики. Государство и общество не

могут позволить себе потерять контроль над своими недрами, передав их полностью в частные руки. Необходимо привлечение в активы компаний т.н. **публичного капитала**, принадлежащего социально-ориентированным институциональным инвесторам – различным пенсионным, страховым, банковским (с большой долей населения – типа Сбербанка РФ), паевым инвестиционным, региональным фондам. **Пока в России основная (по капитализации) форма собственности – личная, а в развитых странах – публичная. Отсюда принципиальная разница российских НГК и западных: первые, отражая интересы собственников, стали олигархическими, а западные, хотя по форме и транснациональные, но отвечают интересам своего государства, ибо их капитал – национален по природе.**

В целях совершенствования сложившейся системы недропользования и соответствующего законодательства необходимо сформировать действенную систему регулирования и контроля за ходом выполнения лицензионных соглашений, обеспечить стимулирование рационального недропользования, что связано с переходом на рентные принципы налогообложения.

Система государственного управления недропользованием должна строиться на основе стратегических интересов государства (и федерации, и ее субъектов) с учетом интересов хозяйствующих субъектов (особенно тех, кто принимают на себя риски реализации проектов).

Становление подобной системы должно предполагать ряд последовательных мер и шагов:

- разработку общей стратегии управления недропользованием с ориентацией на формирование процедур и принципов объективизации издержек недропользователей;
- формирование системы мониторинга всех выданных лицензий и всей системы использования участков недр;
- обеспечение стабильности условий налогообложения недропользователей.

Оценка выявленных тенденций в развитии экономико-правовых отношений между государством и недропользователями (нефтяными компаниями) дает возможность прогнозировать, что в предстоящие годы основными направлениями развития системы недропользования в России станут расширение применения норм гражданско-правового характера (концессии, например), а также переход на преимущественное налогообложение доходов рентного характера.

Основные проблемные аспекты управленческих отношений, возникающие в настоящее время между государством (на уровне его регионов) и нефтегазовым бизнесом, могут быть разрешены на основе:

- создания благоприятных экономических условий для становления и развития малых и средних регионально ориентированных компаний, предметом деятельности которых должны стать малые и сложные месторождения углеводородов;
- координации усилий центра и регионов и обеспечения их лучшего взаимодействия с нефтегазовым бизнесом в целях решения социально-экономических проблем территорий.

Анализ роли государства в НГК страны и ее эволюции в последние 15 лет показывает, что система органов государственного управления и регулирования в России в сфере недропользования слишком сложна. В частности, процесс разделения полномочий (как на федеральном и региональном уровнях, так и между данными уровнями) характеризуется чрезмерным дроблением функций между неспециализированными органами государственного управления, а роль регионов в этом процессе в настоящее время сведена на нет. Повышение действенности системы государственного управления и регулирования в сфере недропользования может быть достигнуто, с одной стороны, концентрацией разнообразных функций в меньшем числе ведомств на федеральном уровне, а с другой – формированием исполнительных органов на региональном уровне (с участием и федерального уровня и регионального).

Одним из основных направлений повышения эффективности использования ресурсов углеводородного сырья является создание условий для постоянного обновления научно-технического уровня НГК. Научно-технический прогресс как фактор расширения ресурсной базы нефтяной отрасли действует по трем направлениям: дает возможность открыть и вовлечь в хозяйственный оборот новые, ранее неоткрытые месторождения; обеспечивает эффективное освоение ранее нерентабельных (забалансовых) месторождений; позволяет увеличивать извлекаемый потенциал разрабатываемых месторождений за счет переоценки величины их запасов. Первое направление особое значение имеет для новых, перспективных нефтегазоносных провинций. В России это Восточная Сибирь, Тимано-Печора, шельфы арктических и дальневосточных морей, Каспий. Второе и третье направления особо ценны для старых нефтегазоносных провинций, уже освоенных и обустроенных, имеющих сложившуюся производственную, транспортную и социально-бытовую инфраструктуру. Эти направления дают возможность продлить активную жизнь таких провинций на многие годы, и даже десятилетия. В России это, прежде всего, основные нефтедобывающие базы – Западная Сибирь и Урало-Поволжье.

Мировая экономика смогла эффективно замедлить, а потом и переломить тенденцию роста издержек производства углеводородов из-за ухудшения условий на рубеже 60–70 гг. НТП обеспечил примерно 1/3 снижения мировых цен на нефть за прошедшие двадцать лет (с уровня их исторического максимума в начале 80-х гг.). Остальные 2/3 снижения цен были обеспечены иными, в основном институциональными факторами, в том числе либерализацией инвестиционных режимов принимающих государств. В России до самого последнего времени ситуация была прямо противоположной той, что в большинстве нефтедобывающих стран, где издержки добычи превышают издержки в странах ОПЕК: ни один из элементов цены не снижался. Сейчас в этой тенденции наступил перелом, в том числе и за счет роста применения достижений НТП в нефтедо-

быче. Для закрепления этого перелома **необходим переход от концепции внедрения достижений НТП к действенной государственной и корпоративной инновационной политике как четко организованной совокупности технологических нововведений и адекватного совершенствования управляющей инфраструктуры, включающей все необходимые экономические, организационные и правовые меры, обеспечивающие достижение реального коммерческого эффекта.**

Глобализация мировых энергетических рынков является закономерным этапом их эволюционного развития. Конечной целью этого развития является формирование глобального энергетического пространства с едиными правилами «игры». И кто эти правила установит, тому легче будет и «играть». Поэтому уже сейчас, за многие годы до того, как такое пространство будет сформировано, идет борьба за будущие ключевые позиции на нем.

Россия и США объективно заинтересованы как минимум в предсказуемых ценах на нефть. Следовательно, и в рамках «восьмерки», и в рамках энергетического диалога Россия – США необходимо выявить, выработать общие согласованные подходы к этой проблеме, а затем и условия, необходимые для создания и поддержания коридора «справедливых» цен на нефть, цен, приемлемых для потребителя, но одновременно дающих возможность вести прибыльный нефтяной бизнес странам-производителям.

У России объективно нет другой стратегии, кроме как инвестировать в Азербайджан, Туркмению, Казахстан, Узбекистан, и минимум до 30% углеводородных ресурсов этих стран иметь под влиянием или управлением отечественных компаний. Это возможно и реально, это отвечает интересам и России, и самих этих стран.

Другая основная задача для российских компаний – и нефтяных и газовых – выйти на внутренние рынки Европы, минуя посредников, приобретая нефтеперерабатывающие заводы и сбытовые компании, стимулируя и участвуя в развитии сети нефте- и газопроводов, связанных с Россией.

Это даст нашим компаниям гарантированный сбыт, гарантированный доход, в меньшей степени зависящий от мировой экономической конъюнктуры, а для России в целом – стабильность валютного курса и наполняемость бюджета.

И в ситуации с Ираком, и вокруг Каспия, и на европейском направлении требуется, прежде всего, координация усилий государства и бизнеса, активная энергетическая дипломатия, которая, в свою очередь, невозможна без научно обоснованной и последовательной государственной энергетической политики в целом.

В обозримой перспективе основной проблемой развития мировой энергетики будет не нехватка энергетических ресурсов, как таковых, а возможность обеспечить требуемые объемы производства топлива и энергии необходимыми инвестиционными ресурсами на условиях, достаточных, чтобы стоимостные показатели оставались приемлемыми для потребителей и привлекательными для производителей энергоносителей.

В ближайшие 20–30 лет нефть сохранит своё доминирующее значение в структуре мирового энергопотребления, хотя темпы роста спроса на неё и не будут столь высокими, как на газ или даже на энергоресурсы в целом. Однако при дальнейшем наращивании объёмов потребления нефти значение её в мировом энергетическом балансе будет неуклонно снижаться. Свой пик нефть как топливо уже прошла. XIX век был веком угля, XX – веком нефти. Первая половина XXI века станет периодом диверсификации энергоносителей (нефти, газа, угля и возобновляемых, включая биомассу, источников энергии). Таким образом, стоит задача определить те сегменты мировых энергетических рынков, где нефть останется наиболее эффективным энергоносителем.

Удельный вес российской нефти в современном мировом энергетическом балансе составляет 3,6–4,0%, в мировом потреблении жидкого топлива – 10%, в мировой торговле им – 13%. Особенно значима российская нефть для Европы, где на неё приходится около 1/3 всего импорта жидкого топлива. К 2020 г. удельный вес

российской нефти в мировом энергетическом балансе останется практически на современном уровне (3,6–3,7%), в мировом потреблении жидкого топлива возрастёт до 10,3–10,4%, в мировой торговле им снизится до 11,5–12,3%. Россия останется одним из основных экспортёров нефти в Европу и начнёт масштабные её поставки в страны АТР и США.

В условиях глобализации в число важнейших факторов повышения конкурентоспособности российского нефтегазового бизнеса входят и соответствующие структурные преобразования нефтегазового сектора российской экономики с формированием современных многопрофильных вертикально интегрированных нефтегазовых компаний. У этой проблемы можно выделить три основных составляющих: а) формирование собственно вертикально интегрированных нефтегазовых компаний; б) формирование современной высоко конкурентной внутренней структуры компаний с разделением производственных звеньев по операционному признаку; в) интеграция добычи и переработки углеводородов и нефтегазохимических производств.

Экономическая история однозначно свидетельствует, что **нефтяная отрасль, ориентированная на экспорт, сама по себе в принципе не может обеспечить долговременный и устойчивый экономический рост. Нефть – мощный двигатель экономики, но только в том случае, если эта нефть потребляется, а не вывозится и продаётся.** И для России решить задачу удвоения ВВП к 2010 г. на путях наращивания экспортного потенциала углеводородов нельзя в принципе.

Россия – великая нефтегазовая держава, но великой экономической державой она станет лишь тогда, когда основная часть добываемых углеводородов будет использоваться внутри страны, причём не просто сжигаться, а перерабатываться в сотни и тысячи различных продуктов. Поэтому:

- развитие нефтяной отрасли в России должно ориентироваться главным образом на внутренний рынок;

- стратегическое направление развития – создание в рамках вертикально интегрированных нефтегазовых компаний мощных нефтехимических производств;
- экспортная составляющая нефтяной отрасли должна быть тесно увязана с экспансией отечественных нефтегазовых компаний на зарубежные рынки и дополняться контролем углеводородных ресурсов в третьих странах.

Ориентируясь на будущее, все мы объективно заинтересованы и в том, чтобы источником энергетического потенциала стали не только ископаемые запасы природных ТЭР, но и другие энергоресурсы, определяющие саму энергетику будущего, поскольку заканчивается (и уже закончилась) эпоха дешёвых по себестоимости нефти и газа.

Нетрадиционная энергетика будущего не есть альтернатива нынешней углеводородной энергетике. Их нельзя противопоставлять. Надо только учитывать, что будет расширяться спрос на различные энергоносители и разные энергоустановки. И надо быть готовым удовлетворять этот растущий спрос различными, наиболее адекватными видами энергии, в основе которых лежит трансформация природных ресурсов в соответствующие энергоносители.

Не противопоставление «ископаемой» и «солнечной» энергетики является главной траекторией энергетического развития, а эффективное использование природных ресурсов с целью получения большего количества и качества разнообразных конечных энергопродуктов. Это – единая стратегическая задача и для бизнеса, и для государства.

Представленный выше взгляд автора на проблемы функционирования и развития нефтяного комплекса России со всей очевидностью демонстрирует тесную взаимосвязь и взаимообусловленность всех отмеченных позиций. Время разрозненных и скоропалительных решений прошло – срочно необходим переход к системному государственному решению накопившихся проблем. Управление недропользованием, налогообложение, формирование

организационной структуры, регулирование монопольных видов деятельности, выход на внешние рынки, развитие технического потенциала – все это требует, прежде всего, формирования и запуска конкретных механизмов регулирования и влияния со стороны государства на НК. В свою очередь компании должны четко представлять себе порядок и правила реализации своих прав и возможностей на внутреннем и внешнем рынках. Лишь в этом случае можно вести речь о поступательном развитии экономики страны, о ее энергетической и, значит, стратегической устойчивости и безопасности.

Заинтересованное обсуждение вопросов, поднятых автором в данной книге, с коллегами и соратниками является наглядным тому подтверждением. Есть специалисты, есть заинтересованные люди, – те, кого данные проблемы не оставляют равнодушными и которые готовы работать на благо становления нефтяного комплекса России в качестве современной, социально-ориентированной, динамичной части и нашей экономики, и нашей жизни.

Содержание

Об авторе	3
Предисловие	5
Введение	7
Глава 1. Нефть и газ как национальное достояние и бизнес-капитал	9
1.1. Немного истории	11
1.2. Донор российской экономики	16
1.3. Вызовы времени	27
1.4. Что же мы получили	33
Глава 2. От переходной экономики – к растущей	47
2.1. Какая собственность нам нужна?	49
2.2. Взаимоотношения бизнеса и власти	55
2.3. Многое зависит от государства	61
2.4. Как добиться гибкости государственного регулирования	66
2.5. Как обеспечить общественно приемлемую разработку ресурсов	75
2.6. Налогообложение: наступаем на те же грабли	78
2.6.1. Дифференциация НДС	81
2.6.2. Введение нового налога на дополнительный доход	83
2.6.3. Сужение сферы применения трансфертного ценообразования	83
2.6.4. Стимулирование добычи за счет снижения нагрузки на нефтяной сектор	84
2.7. Участие государства в инфраструктурных проектах	85

Глава 3. Нефть России и глобализация	91
3.1. Плюсы и минусы глобализации	93
3.2. Чего ждать России от глобализации	96
3.3. Глобализация энергетических рынков и ресурсов	98
3.4. Нефть в перспективном мировом энергетическом балансе	108
3.5. Нефть России в мировой экономике	115
3.6. Нефть для России – локомотив роста или тормоз развития?.....	119
Глава 4. Энергетический бизнес и общество	131
4.1. Капитал и устойчивое развитие России	133
4.2. Проблемы и приоритеты НГК в общественном капитализме	138
4.3. НГК и энергетика будущего	143
Куда двигаться?	146
Оглавление	159